КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Отдел специальных исторических дисциплин

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Высшая школа урбанистики им. А.А. Высоковского

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

МОСКВА, 26–27 МАРТА 2020 ГОДА

МОСКВА 2020

ББК 71
УДК 911.3

К 91 Культурный ландшафт: Эволюции и революции воображения. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием (Москва, 26–27 марта 2020 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. — 210 с.

В сборнике помещены материалы междисциплинарной научной конференции «Культурный ландшафт: Эволюции и революции воображения» (Москва, 26–27 марта 2020 г.). В представленных на конференции докладах рассмотрены вопросы, связанные с концептуальными проблемами становления и развития как самого понятия культурного ландшафта в тех или иных науках или проблемных областях, так и методологического и методического применения этого понятия на материале разных эпох и культурных традиций. Большое внимание уделено вопросам исторического развития ландшафтов с точки зрения их воображения, репрезентации и интерпретации эволюции и революции в воображении определенных ландшафтов.

На обложке — восстановленный чайный домик Накадзима в Уединенном дворцовом саду Хама на фоне башен Сиодомэ в Токио (фотография И.Г. Коноваловой, 2009)

Научное издание

© Д.Н. Замятин, общая редакция, составление, 2020
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Высшая школа экономики, 2020

ISBN 978-5-94067-509-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

И.П. Глушкова
Из служанок в гении места:
Сакрализация речных берегов в индуизме..... 7

Е.В. Головнёва, Н.И. Мартишина
Художественные репрезентации
культурного ландшафта Сахалина
в творчестве А.П. Чехова и фотографа И.И. Павловского..... 10

М.В. Грибок
Краудсорсинговые интернет-ресурсы
как источник информации для исследований
образных географических пространств..... 16

Н.К. Данилова
Освоение северных территорий: Доместикация,
сакральные стратегии и воображение пространства
у северных тюрков-саха (якутов)..... 21

Т.Н. Джаксон
Ментальное освоение ландшафта Исландии:
От заселения острова в IX веке до Новейшего времени..... 27

О. Дискаччати
Культурный ландшафт в повести Б.А. Пильняка
«Красное дерево»: Интуиция и противоречия..... 33

Д.Н. Замятин
Формирование геокультурных пространств:
Геокультуры, ландшафты и онтологические модели
воображения..... 36

О.В. Игнатьева
Коллекция как воображаемый ландшафт..... 41

В.Н. Калуцков
Литературный ландшафт как машина воображения..... 48

И.Г. Коновалова
Воображаемый ландшафт в географическом описании..... 55

С.Л. Кропотов
Репрезентация городских ландшафтов как борьба за символическое присвоение публичного пространства..... 61

О.Н. Купцова
Образы театра в культурном ландшафте современной Москвы..... 67

О.А. Лавренова
Воображение и конструирование культурного ландшафта как семиотической системы..... 69

М.В. Лескинен
В поисках «истинно» русского региона и этнического типа: Конкурирующие варианты русскости в период конструирования нации..... 74

О.В. Лысенко
От «комсомольской стройки» до «тихого омута»: Эволюция образа одной заводской окраины города Перми..... 80

А. де Ля Фортель
Пределы забвения: Мнемотопика и мнемотопология современной русской литературы..... 86

Э. Мари
Слияние города и деревни в процессе формирования русско-советского культурного ландшафта: Образ рабочего пригорода и колхозной деревни..... 90

К. Медеуова
Краткая версия архитектуры Астаны / Нур-Султана: Инвестиции извне и порядок изнутри..... 93

И.И. Митин
Воображение и множественность: Переименования как фактор трансформации городских культурных ландшафтов..... 100

М.М. Морозова
Эволюция литературных ландшафтов Ф.М. Достоевского: К пониманию литературного ландшафта..... 107

А.В. Подосинов
Конструирование «скифского» культурного ландшафта в Понтийских элегиях Овидия: Реальность и фикция..... 113

Т.И. Рожкова
Географический образ в региональной словесности: Традиции, игра художественного воображения, идеологический конструкт..... 119

В.В. Рябиков
«Седьмой критерий»: Архетип и ландшафт..... 124

С.Е. Сидорова
«Не счесть алмазов в каменных пещерах»: Мистификация и десакрализация колониального ландшафта Индии в британских нарративах..... 130

Н.А. Смирнов
Трансформация воображения Земли и ее ландшафтов дискурсом антропоцена..... 134

Е.К. Созина
Культурные ландшафты Урала..... 136

А.А. Соколова
Культурные ландшафты зон тектонических нарушений: Эволюция сакрального образа..... 142

Б.Е. Степанов
Исследования литературного воображения как перспектива развития культурной истории города..... 148

А.В. Стрельникова
Роль культурного ландшафта в формировании территориальной идентичности (на примере рабочих районов Москвы)..... 154

Т.А. Тыркова
Культурный ландшафт города как основа локальных художественных практик современного искусства..... 159

П.Ю. Уваров
Философский ландшафт Парижа и его округи..... 166

А.А. Фролов
Новгородская земля середины XVI века: Ландшафт глазами управленца..... 173

К.С. Худин
Ландшафт Парижа в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка»..... 176

А.С. Худяев
Сакральное внутри и вне пространства:
Локализация священного в истории развития
религиозных представлений..... 181

А.С. Щавелев
Структура ландшафта политии Рюриковичей
и особенности древнерусских описаний пространства
второй половины XI – начала XII века..... 186

Л.И. Щеголева
Культурный ландшафт и его роль в художественном
произведении: Таврия и Крым в пьесе М.А. Булгакова «Бег» 193

В.Г. Щукин
Поэтосфера города:
Морфология и семантика основных ее параметров..... 199

Е.А. Яблоков
«СТАНУ КАК ГОРОД МОСКВА»:
Антропоморфный образ Москвы
в отечественной литературе 1920-х – 1930-х годов..... 205

Сведения об авторах..... 207

И.П. Глушкова

ИЗ СЛУЖАНОК В ГЕНИИ МЕСТА

САКРАЛИЗАЦИЯ РЕЧНЫХ БЕРЕГОВ В ИНДУИЗМЕ

Реки в Индии обладают священной силой и в значительной степени формируют становой хребет индуизма. Им посвящен особый жанр средневековой религиозной литературы на санскрите — речные «величальные» (*mahatmya*), воспевающие топографию — от истока до устья — конкретной реки и священных мест (*tirtha)* по ее берегам. Сведения географического характера, содержащиеся в «величальных», частично отражают и объясняют (как правило, вмешательством божественным сил) этиологию природного рельефа. К его подъемам, впадинам, рощам и ручьям привязана сообщаемая ими мифологическая информация, которая настаивает на отправлении благотворных ритуалов именно здесь, в определенной точке, где на скалистой плите остался след от ноги бога Вишну или углубление от трезубца бога Шивы и т.д., тем самым способствуя обустройству ландшафта в соответствии с содержанием текстов. Санскритские «величальные», чье авторство и прочие выходные данные анонимны, со временем дополняются / вытесняются их более современными переложениями на вернакуляры, что позволяет воображению интерпретаторов достаточно вольно обращаться с топографическими маркерами из оригиналов: их передвигают с места на место, удваивают / утраивают и изобретают заново. Обычные в индуизме технологии сакрализации пространства напрямую вписаны в исторический контекст и социально-политические мотивации соответствующей эпохи.

Годавари, вторая (после Ганги) по длине река Индии (1465 км), берет начало в Западной Индии на высоте 1200 м

в отрогах Западных Гхатов и, пересекая Деканское плато, впадает в Бенгальский залив на юго-востоке. Согласно мифологическим представлениям, она спустилась с небес благодаря усилиям легендарного мудреца Гаутамы, поэтому посвященная ей санскритская «величальная» носит название *Gautami-mahatmya*. Поскольку это произошло до «сошествия» на землю самой знаменитой в Индии, протекающей севернее, реки Ганги, Годавари также называют «Старшей» и «Южной Гангой», что делает ее святость более ощутимой, и приписывают ей 35 млн *тиртх*. На самом деле текст «величальной» состоит из 105 глав с объяснением происхождения той или иной *тиртхи* и перечислением заслуг, приобретаемых ее посещением: не каждая отождествляется с известным святым местом, но каждая может быть «обнаружена» и «обустроена» по рекомендациям текста.

Значительное число *тиртх* сконцентрировано вокруг городов Тръямбакешвар и Насик (у истоков Годавари) и Пайтхан и Нандед в Маратхваде (исторический регион в среднем течении реки), сакральность которых утверждают и другие источники. Находящийся на расстоянии 77 км вверх по течению от Нандеда провинциальный Гангакхед (букв. «деревня на берегу Ганги») в середине XX в. был объявлен местом рождения «святой Дзана-баи» (XIII–XIV вв.), низкокастовой служанки по социальному положению и духоподъемной поэтессы по призванию. Ей приписывается около 300 гимнов в честь Витхобы / Виттхала, родового божества маратхиязычного региона, впервые опубликованных в 1890-х годах. Других автобиографических подробностей, кроме того, что она выполняла домашние работы в доме Намдева, также поэта и адепта Витхобы, и была сиротой, в них нет. В начале XXI в. принадлежность поэтесы городу была материализована в виде культового сооружения — «Храма на месте рождения святой Дзана-баи»; ее имя носит средняя школа и единственный городской колледж.

Gautami-mahatmya, датируемая первой половиной 2-го тысячелетия, также не содержит информации ни о Гангакхеде, ни о Дзанабаи, но оба имени появляются и соединяются несколько веков спустя в маратхиязычной *Goda-mahatmya*,

написанной в 1921 г. известным проповедником и приверженцем бога Витхобы Дасгану (1867–1963) после совершения им обхода вокруг части Годавари (от Нандеда к истоку и обратно). Созданный им текст обнаруживает в ничем не примечательном Гангакхеде *тиртху*, расположенную в Капила-*сангам*, в месте впадения реки Капилы в Годавари. Слияния двух рек — *сангам* — обладают в индуизме особым религиозным весом, и одноименная *тиртха* с историей о мудреце Капиле существует с древних времен в верховьях Годавари. Без возможности географической аттрибуции, *тиртха* с тем же именем упоминается внутри иного мифологического контекста в 71-й главе санскритской «величальной», то есть на значительном удалении от первых глав с описанием истоков и верхнего течения реки, что, предположительно, позволило Дасгану (если он был первым) локализовать ее (*тиртху*) в конкретной точке, хотя и не объясняет соединения этой же точки с ранее не имевшей отношения к Гангакхеду Дзана-баи.

Воспроизводство на реке Годавари освященного текстуальной традицией ландшафта, связанного с возвышением поэтессы-служанки, возведение в ее честь храма, то есть фактически создание «места памяти», и тем самым утверждение в Гангакхеде своего «гения места» иллюстрируют на конкретном примере социополитические процессы XX в., характерные для внутрииндийского региона периода деколонизации и создания собственной идентичности, в том числе: 1) превращение почитания Витхобы и воспевших его средневековых поэтов в этно-национальный бренд маратхиязычного региона; 2) борьбу за присоединение Маратхвады, входившей в мусульманское княжество Хайдарабад, к образованному после освобождения Индии штату Бомбей (достигнуто в 1956 г.) и насыщение мусульманского анклава индусской символикой; 3) движение за объединение всех маратхиязычных земель в рамках штата Махараштры (осуществлено в 1960 г.) и олицетворение достигнутого единства распространенной на весь регион системой взаимодействия поэтов, воспетого ими божества и их современных адептов через паломнические практики.

Е.В. Головнёва, Н.И. Мартишина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА САХАЛИНА

В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА И ФОТОГРАФА И.И. ПАВЛОВСКОГО*

Цель данной работы — ввести в научный оборот и проанализировать в корреляции с произведением А.П. Чехова «Остров Сахалин» малоизвестный визуальный источник по изучению острова — фотоснимки острова конца XIX в., сделанные фотографом И.И. Павловским, небольшая часть которых входит в альбом польского исследователя Б.И. Дыбовского (1833–1930) и хранится в настоящее время в Краеведческом краевом объединенном музее г. Петропавловска-Камчатского.

В качестве методологической основы работы используется «археологический метод» (идеи М. Фуко), согласно которому фотографический альбом воспринимается как «архив», несущий информацию о породившем его культурном контексте и проясняющем дискурсивные условия его формирования (Krauss 1985: 131–150). Культурный ландшафт в данном случае понимается как пространство, создаваемое и формируемое символическим освоением, в котором оказываются задействованы различные виды познания (художественное, мифологическое, научное, обыденное). При этом соотношение между научной, обыденной, художественной,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтирных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов» (рук. Е.В. Головнёва).

мифологической составляющими образа культурного ландшафта может перераспределяться под влиянием как объективных (например, появление новых значимых культурных объектов, по-своему центрирующих культурный ландшафт), так и субъективных (например, целенаправленная мифологизация некоторых компонентов образа в идеологическом дискурсе).

Далее будет показано, как первичное формирование художественного компонента культурного ландшафта Сахалина повлияло на образ территории, закрепив определенную ценностно-смысловую структуру представлений о нем, в итоге приобретшую относительную независимость от меняющейся социокультурной реальности.

Специфика формирования образа Сахалина как культурного ландшафта в массовом сознании российского общества состоит прежде всего в том, что оно было осуществлено практически одномоментно. В отличие от регионов центральной России, этот образ не опирается на длительную фольклорную традицию и постепенное обогащение исследовательскими данными. Первичная культурная репрезентация Сахалина определялась трудами путешественников — ученых, писателей, журналистов, — побывавших на Сахалине в конце XIX – начале XX века.

Поистине симптоматичным стало путешествие А.П. Чехова на Сахалин, чей труд «Остров Сахалин» оказался не просто литературным произведением, а одной из важных операций, сформировавших восприятие этого дальневосточного фронтира. Так, из 65 русских селений, обозначенных на карте Сахалина 1890 г., Антон Павлович описал или упомянул 54, а лично посетил 39 селений. Он в одиночку предпринял перепись ссыльно-каторжного населения, заполнив при этом около 10 тыс. карточек. Со временем даже сложился устойчивый ассоциативный ряд — Чеховский Сахалин — Сахалинский Чехов. Благодаря имени А.П. Чехова и его писательскому таланту остров Сахалин стал широко известен не только в России, но и за ее пределами.

В наше время первое знакомство с далеким островом у многих также начинается с чтения книги А.П. Чехова «Ост-

ров Сахалин», обстоятельства создания которой, ее композиционные и стилистические особенности довольно хорошо изучены в научной литературе. Гораздо меньшее внимание обращается на тот факт, что А.П. Чехов стремился совместить свои описания Сахалина с визуальными, запечатленными на фотографиях, образами острова. Чехов мечтал о том, чтобы первое издание книги «Остров Сахалин» непременно вышло с иллюстрациями и в письме к А.С. Суворину писал о том, что ему было бы приятно иллюстрировать свою книгу (Дунаева 1977: 263).

Известно, что А.П. Чехов начал свое путешествие на остров без фотографа. На Сахалине Антон Павлович познакомился с Иннокентием Игнатьевичем Павловским (родился в 1855 г.), управляющим телеграфной станцией в поселении Дуэ. И.И. Павловский увлекался фотографией, выписывал из Японии и Америки самоучители, реактивы, пластины и достиг в мастерстве фотографии определенных успехов. Подтверждением высокой оценки его фотоснимков в профессиональной среде является тот факт, что именно Павловскому была поручена подготовка фотоальбома в качестве подарка ожидавшемуся на Дальнем Востоке наследнику престола. Иннокентий Игнатьевич фотографировал, по просьбе Чехова, места, где побывал писатель. По данным Е.Н. Дунаевой, общее количество фотографий Павловского, привезенных в 1890 г. Чеховым с Сахалина, было невелико, не более шести-семи, и подборка их совершенно случайна, поскольку Павловский выбирал технически лучшие, наиболее удавшиеся снимки (Дунаева 1977: 264). Всего, согласно Е.Н. Дунаевой, фотоколлекция, связанная с поездкой Чехова на Сахалин и обратным кругосветным плаванием, насчитывает 109 снимков и входит в состав Чеховского фонда Государственного Литературного музея (Там же).

Несмотря на преобладание научной риторики в произведении А.П. Чехова «Остров Сахалин», эмоциональное и художественное воздействие этого текста на современников оказалось огромным. В тексте «Остров Сахалин», на наш взгляд, можно выделить базовые идеи художественного образа сахалинского культурного ландшафта:

• Сахалин как изолированная территория, попадание на которую имеет характер жизненной катастрофы, кораблекрушения («Не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами» (Чехов 2009: 4);

• «иномирность» Сахалина, его статус как места инициации, смены судьбы его «пленников», обитающих в пограничном, ламинальном пространстве («…здесь людей направляют на принудительные работы, наказывают, секут розгами и кнутом, и звон кандалов слышится непрерывно» (Чехов 2009: 19); «Если каторжник бежит, то так про него и говорят: «“Он пошел менять судьбу”» (Чехов 2009: 235);

• Сахалин как «дикая страна», где отсутствует транспорт, план освоения острова, нет дорог, а на человеческие поселения постоянно наступает суровая природа («край света», «конец географии», где «не помнят дней недели, да и едва ли нужно помнить, так как здесь решительно все равно — среда сегодня или четверг…» (Чехов 2009: 95);

• Сахалин как зона «социального вакуума», где перестают действовать даже естественные законы («Здесь естественные и экономические законы как бы уходят на задний план, уступая свое первенство… случайностям…» (Чехов 2009: 85).

Эти идеи были поддержаны визуальным выражением в фотографиях И.И. Павловского. На наш взгляд, всю фотоколлекцию, посвященную Чеховскому Сахалину, можно разделить на несколько основных тематических групп:

1) *Пейзажные съемки* и виды местностей Сахалина конца XIX в. (снимки Александровского поста, Жонкиерского маяка, селений Ново-Михайловское и Красный Яр, поста Дуэ и его окрестностей, виды Корсаковского поста, Березников, Третьей пади, рудничной морской крепости общества «Сахалин»). Фото И.И. Павловского.

2) *«Каторжные» сюжеты*. Заковка в кандалы «Золотой Ручки». Заковка в кандалы и к тачкам вновь прибывших арестантов (Дуйская тюрьма). Добыча угля. Вечерняя проверка

арестантов (Воеводская тюрьма). Прикованные к тачкам. Арестанты за работой. Арестанты на полевых работах. Пересылка каторжных морским путем (прибытие арестантов по железной дороге, медицинский осмотр мужчин и женщин в канцелярии, погрузка на корабль, расковка арестантов, различные группы арестантов на палубе, подготовка к спуску с корабля в одном из сахалинских портов. Фото И.И. Павловского и А.В. Щербака.

3) *Этнографические фотоматериалы* (Айно — родовой старшина из селения Тарайки (Южный Сахалин), Айно из селения Найоро (Южный Сахалин), Орок с восточного берега Сахалина, Гиляк из селения Танги (Северный Сахалин), Айно-гиляк из деревни из деревни Агнево близ поста Дуэ, Оленные тунгусы) Фото И.И. Павловского.

4) *Бытовые сюжеты* (Зимой на нартах. Переезд через реку. Японские рыбопромышленные суда в заливе Сиска на восточном берегу Сахалина, Иконостас работы каторжных в церкви поста Александровский). Фото И.И. Павловского.

Отметим, что фотографии Сахалина, выполненные Павловским, делятся на видовые и жанровые и соответствуют композиционной структуре книги «Остров Сахалин» А.П. Чехова, в первых главах которой, кончая четырнадцатой, дается обзор населенных мест, а в последующих главах — «частности, важные и неважные, из которых в настоящее время слагается жизнь каторжан». При этом присутствует определенная корреляция фотографического и литературного образа изображаемого, каждая фотография — за немногим исключением — может быть соотнесена с чеховским текстом и становится подлинной его иллюстрацией. Перекликаясь с яркими литературно-художественными образами Сахалина, фотоснимки И.И. Павловского дополняют и усиливают восприятие культурного ландшафта острова, делая его еще рельефнее и многограннее. Фотографическая коллекция здесь служит «живой иллюстрацией всего, что до сих пор не известно об острове», она «дает возможность каждому прибывающему на остров ознакомиться и изучить природу острова, его естественные богатства и быт населения, как пришлого (русского), так и туземного (аборигенов)» (Дударец 2013: 57).

Сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что базовый образ Сахалина был создан в сознании российского общества в основном в рамках художественного познания. Ключевые идеи этого образа — «конец света», «дикий край», «место ссылки», «социальный вакуум» — сохраняются и воспроизводятся в массовом сознании вплоть до настоящего времени. Возможности коррекции этого образа, уже существенно расходящегося с реалиями современного Сахалина, связаны не только с усилением научно-рациональной и идеологической составляющей в социальной риторике, но и с обязательным усилением как можно более яркой и наглядной визуально-образной составляющей в его репрезентации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дударец И.Г. Исторические портреты («Иконы старого Сахалина») // Вестник Сахалинского музея. 2013. № 20. С. 52–65.

Дунаева Е.Н. К истории работы над книгой «Остров Сахалин» // Литературное наследство. 1977. 87. С. 263–300.

Чехов А.П. Остров Сахалин. Новосибирск, 2009.

Krauss R. Photography's Discursive Spaces // *Krauss R*. The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths. Cambridge (Mass.), 1985. P. 131–150.

М.В. Грибок

КРАУДСОРСИНГОВЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Введение. Сеть Интернет с каждым годом оказывает все большее влияние на жизнь людей во всем мире. Это подтверждают многочисленные социологические опросы и статистические данные о росте числа пользователей, уровне проникновения Интернета (доле пользователей среди населения стран мира), росте трафика и различных других составляющих «цифрового следа» пользователей. А значит, становится более важной роль Интернета как фактора формирования представлений человека о географических пространствах разных уровней: от мира в целом до локальных местностей.

По данным *InternetWorldStats* на июнь 2019 г., в мире насчитывается 4,5 миллиарда интернет-пользователей. За пять лет их число увеличилось в 1,5 раза, а за 15 лет — в 6 раз. Уровень проникновения Интернета в среднем по миру составляет около 59 %, в Европе — 88 %, в России — 76 % (www.internetworldstats.com). Интернет-пользователи — это «выборка из всего населения мира, которая становится все более репрезентативной по мере роста проникновения Интернета» (Askitas 2015: 4).

Одним из феноменов, возникших в результате развития и стремительного внедрения интернет-технологий в жизнь людей, стали краудсорсинговые онлайн-ресурсы, представляющие собой базы знаний (или мнений, отзывов, продуктов творческого и интеллектуального труда) множества

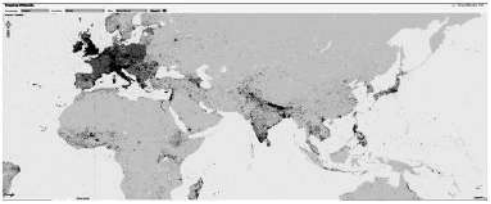
добровольцев о чем-либо. Как подчеркивает Л.П. Кокс, «краудсорсинг предоставляет беспрецедентные новые возможности для людей поделиться своими знаниями и наблюдениями с остальным миром. Традиционные централизованные средства сбора данных вытесняются краудсорсинговыми альтернативами из-за их относительно высокой стоимости и меньшей масштабности» (Cox 2011: 74).

Наиболее популярный краудсосинговый интернет-ресурс в мире — онлайн-энциклопедия *Wikipedia* (wikipedia.org). Также примером краудсорсингового ресурса является проект *TripAdvisor* (tripadvisor.com), содержащий отзывы туристов о местах посещений, или проект Правительства Москвы «Наш город» (gorod.mos.ru), где собраны сообщения жителей о проблемах, которые могут быть решены различными городскими службами.

По нашему мнению, подобного рода интернет-ресурсы являются перспективным источником данных для исследований массовых представлений о территориях. Целью данной работы является обзор возможностей и материалов для образно-географических исследований, которые могут быть извлечены из популярных краудсорсинговых ресурсов.

Wikipedia. По данным компании *Alexa Internet*, на октябрь 2019 г., сайт wikipedia.org входит в топ-10 наиболее посещаемых сайтов как в мире, так и в России. На конец 2018 г. «Википедия» содержала 49,3 млн статей, в том числе 1,5 млн статей на русском языке. С 2012 года количество статей удвоилось. За последний год (с сентября 2018 по сентябрь 2019) число просмотров статей русскоязычной «Википедии» составило 12 миллиардов раз (stats.wikimedia.org). Огромный уровень популярности данного ресурса указывает на то, что вероятность посещения страницы «Википедии», посвященной какому-либо географическому объекту, при поиске информации о нем в Интернете весьма высока, а значит, можно с большой степенью уверенности предполагать, что «Википедия» является важным фактором формирования образов территорий различного уровня в представлении среднестатистического интернет-пользователя (Грибок, Тикунов 2019).

На Илл. 1 представлен фрагмент карты мира с точками геолокаций англоязычных статей «Википедии». Данная карта показывает, о каких территориях имеет наиболее ясное представление среднестатистический англоязычный пользователь, а о каких, напротив, ему почти ничего не известно.



Илл. 1

Геолокации статей англоязычной «Википедии»

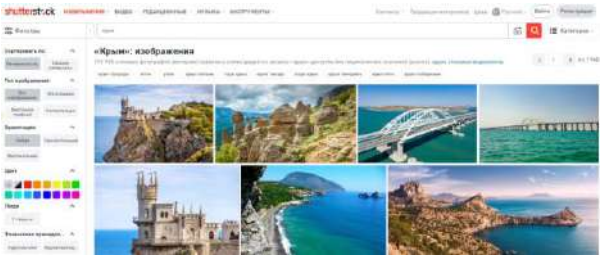
В настоящее время в открытом доступе представлены статистические данные о количестве просмотров каждой статьи «Википедии» за каждый день, начиная с 1 июля 2015 года. Сравнение стран, регионов или городов по данному показателю дает представление о том, какие из них в большей и в меньшей степени присутствуют в образе мира, сформировавшемся в воображении среднестатистического интернет-пользователя и как эта воображаемая картина меняется с течением времени.

Статистический анализ на основе данного показателя по статьям о населенных пунктах Арктической зоны России представлен в работе, ранее опубликованной автором (Грибок, Тикунов 2019). Также для анализа использовались данные об объеме статей (количестве знаков текста) и частоте их обновления. Сделаны выводы об уровне обеспеченности читателей «Википедии» информацией о городах Арктики, неравномерности этого показателя и его зависимости от различных факторов, в том числе от численности жителей.

Туристические краудсорсинговые ресурсы. Интернет-ресурсы, содержащие отзывы о местах посещения (*TripAdvisor*, *Foursquare* и др.) пользуются большой популярностью у туристов при планировании путешествий и актив-

но используются в исследованиях туристских образов территорий, а также при анализе поведенческих особенностей туристов и разработке туристических брендов территорий. Исследования проводятся на основе данных о числе отзывов, их географическом распределении, объеме, результатах контент-анализа текстов отзывов (Kladou, Mavragani 2015; Silva et al. 2012).

Фотостоки (фотобанки). Краудсорсинговые интернет-сервисы, где любой желающий может купить или продать фотографии (*Shutterstock*, *iStockphoto*, *Fotolia* и др.), могут использоваться в качестве источника данных для исследований визуальных образов территорий. Изображения с фотостоков мы видим повсюду: на рекламных щитах, в журналах и других печатных изданиях, в качестве иллюстраций на страницах разнообразных интернет-сайтов. Чем больше число продаж у фотографии, тем в большей степени она формируют визуальный образ изображенной местности в представлении массового пользователя. Как правило, для анализа доступны ключевые слова, которыми автор охарактеризовал фотографию, число просмотров и число продаж каждой фотографии. К примеру, на Илл. 2 показаны наиболее



Илл. 2

Наиболее популярные изображения Крыма
на фотобанке *Shutterstock*

популярные изображения Крыма, представленные на фотобанке *Shutterstock*. На эти фотографии имеется наибольший покупательский спрос, их чаще всего выбирают для того, чтобы проиллюстрировать, как выглядит территория Кры-

ма, и в результате именно эти пейзажи формируют ключевой визуальный образ этого региона в массовых представлениях.

Выводы. Популярные краудсорсинговые интернет-ресурсы, содержание которых формируется благодаря действиям множества независимых пользователей, представляют собой ценный источник информации для исследования массовых представлений о территориях разных масштабных уровней — в особенности, в тех случаях, когда открыт доступ к данным о посещаемости страниц или других параметров активности читателей, а пользовательский контент имеет географическую привязку какого-либо вида (например, локализацию на карте или название географического объекта). Прежде всего, интерес для дальнейших исследований представляют наиболее посещаемые краудсорсинговые ресурсы, такие как *Wikipedia*, *TripAdvisor*, популярные фотостоки. Исследования образных пространств, трансляторами которых являются эти ресурсы, становятся все более актуальными по мере роста числа пользователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Грибок М. В., Тикунов В. С. Wikipedia как источник данных для исследований массовых представлений о географических объектах (на примере городов Арктической зоны России) // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151. № 4. С. 49–60.

Askitas N. Google search activity data and breaking trends // IZA World of Labor 2015. — Электронный ресурс [режим доступа: https://wol.iza.org/articles/google-search-activity-data-and-breaking-trends/long, дата обращения — 26.12.2019].

Cox L. P. Truth in crowdsourcing // IEEE Security & Privacy. 2011. Vol. 9. No. 5. P. 74–76.

Kladou S., Mavragani E. Assessing destination image: An online marketing approach and the case of TripAdvisor // Journal of Destination Marketing & Management. 2015. Vol. 4/ No. 3. P. 187–193.

Silva T. H., de Melo P. O. V., Almeida J. M., Salles J., Loureiro A.A. Visualizing the invisible image of cities // GREENCOM '12 Proceedings of the 2012 IEEE International Conference on Green Computing and Communications. November 20–23, 2012. Washington DC, 2012. P. 382–389.

Н.К. Данилова

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ДОМЕСТИКАЦИЯ, САКРАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ВООБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА У СЕВЕРНЫХ ТЮРКОВ-САХА (ЯКУТОВ)

Республика Саха (Якутия) уникальный поликультурный регион Северной Азии, сформировавшийся в результате взаимодействия разных этнокультурных сообществ. Основное население республики — народ саха (якуты), сформировались как этнос путем постепенного смешения тюркских и монгольских скотоводческих племен. Так, формирование и развитие народа саха происходило на пограничье Юга и Севера с последовательным освоением таких природных ландшафтов, как долинные равнины, горно-таежные системы, арктическую пустыню, бассейны речных артерий.

Предки якутов перенесли метафору Юга и стереотипы пространственного поведения, основанные на южной прародине, в новое географическое пространство. Об этом ярко свидетельствуют исторические предания.

Движение номадов с юга на север, в страну вечного холода — начало легендарной истории народа саха. Для менталитета кочевников-скотоводов, «бескрайние широкие раздолья, с необозримыми просторными долами» были наиболее притягательными местами для поселения. Так, первопредок народа саха Омогой баай, «… приплыв по реке Лена, поразившись широте и красоте великой долины Туймаада, со всей своей домашней челядью поселился именно там», а прибывший позднее Эллэй Боотур, «поднявшись на сопку и увидев просторную долину, …решил остановиться там» (Предания и мифы 2003: 49–58).

Так, бассейн Средней Лены, где расположен каскад просторных степных долин Центрально-якутской равнины «Туймаада», «Эркээни» и «Энсиэли» становится этнической колыбелью якутского народа. Эти долины как географическое пространство, прежде всего, могли актуализировать механизм «помнящей культуры» и выступать метафорой степного ландшафта (южной прародины), при котором важными константами является их протяженность, ширина, красота и др. качества. Кроме того, топографические характеристики наиболее полно соответствовали представлениям скотоводов и коневодов: «окруженные лесистой горою, с остаточными озерами и тучными пастбищами для скота» (Предания и мифы 2003: 49–58). Согласно лингво-культурологическому анализу степная терминология сохранилась и в языковых коннотациях, означающих широкие равнинные долины (якут. *дойду, дайды сирэ* прародина, широкая равнина — монг. *дайда* степь; якут. *таала сыһыы* широкая долина — тюрк., монг. *тала, дала* — степь) и др.

Кроме долинных лугов, территория на вечной мерзлоте преподнесла предкам народа саха совершенно иной географический ландшафт. Это так называемые термокарстовые образования — алаасы, которые представляют собой плоские понижения от десятков метров до нескольких километров в диаметре, образовавшиеся за счет протаивания и посадки грунтов (Босиков 1991: 25). Отметим, что в современной науке есть разделение понятий: «алас» — географический объект как термокарстовое образование и «алаас» — как место проживания, отвечающее идеальному представлению об освоенном пространстве.

Неотъемлемой и желательной характеристикой своего пространства, родины была стабильность, устойчивость. Такое его понимание было связано с естественным желанием людей защититься, укрыться от стихии (в прямом и переносном смысле). Суровые климатические условие, наличие алаасной экосистемы обусловили у якутов полуоседлый образ жизни. В связи с чем, мировоззренческие представления, связанные с организацией жизненного пространства, от линейного (кочевого) переходят к концентрическому освоению

пространства. Так, историко-когнитивный анализ пространственных представлений показал, что в концептуальной картине мира якутов, освоенное пространство состоит из нескольких концентрических кругов/сфер, вписанных друг в друга, представляющих собой своего рода мифологически-пространственную «матрешку»: первый круг это *алаас* — хозяйственно-обжитое пространство; второй круг *тиэргэн* ‘двор’ — одомашненное пространство; третий круг *дьиэ* ‘жилище’ — очеловеченное пространство. Причем каждое концентрическое пространство имеет свой центр, прообразом которого выступает символическая ось Вселенной Мировое древо *Аал луук мас*, и свою природную (лес, горы) и культурную *кюрюе, бютэй* ‘изгородь’ периферии (Данилова 2011: 42).

Классические алаасы с лесистой горою, остепненным лугом и остаточным озером представляли собой мини-копии великой долины *Туймаада*, которую почтительно называли *Дойду сирэ Улуу Туймаада Эбэ хотун* ‘Великая госпожа Туймаада прародина наша’. Так, соотношение ландшафтных объектов «гора/лес-долина-озеро» затем становится основным критерием для создания идеального места проживания и доминантными символами в мировоззренческой картине мира. Алаасами стали называться любые луговые пространства, окруженные лесом, с озером и пригодные по всем символическим параметрам для организации

Дальнейшее освоение якутами-скотоводами новых территорий и развертывание обширной сети постоянных поселений привели к усилению антропогенной нагрузки в окружающий ландшафт. Несметные богатства в виде «черных (коров) и белых (лошадей) бегунцов» требовали все большего пространства и освоения новых земель. По мнению Л.Н. Гумилева, органично «вписываясь» в окружающий ландшафт, якуты своей производственно-хозяйственной деятельностью внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены (Гумилев 2010: 171).

С целью расширения кормовой базы и покосных земель якуты использовали и постоянно совершенствовали культурно-технические работы (вырубка лесов, корчевание пней, спуск озер и т.д.), в результате чего произошли трансформа-

ции обширных лесных массивов, целинных и залежных земель в окультуренные человеком земли (Романова и др. 2012: 63).

Появление антропогенных долинных лугов *сыһыы* и искусственных озерно-луговых образований алаасов происходило согласно сакральным стратегиям, направленным на поддержание гармоничного равновесия между природой и человеком. Согласно ритуальному договору, на широких долинах имели право селиться лишь именитые богачи, способные оплатить дань небесным божествам *айыы*. Чрезмерное увеличение поголовья лошадей и скота воспринималось как антиэтикетное действие, требующее возмездия — *сэт,* в связи, с чем устраивали жертвоприношение небесным божествам *«Кыйдыы»* ‘погон косяка’ (Кулаковский 1979: 64). Если «отданный в жертву» скот возвращался назад, богатство человека иссякало, а сам он вынуждался переехать в более глухое, малоприметное место (Саввин 1937–1941: 14–17).

Таким образом, постепенно происходит трансформация ментального восприятия широкой долины, особенно у локальных групп вилюйских и северных якутов, чей ландшафт не располагал широкими равнинными долинами. Так, воспетые в мифопоэтике «широкие долы и поля» стали входить в категорию непригодных для жительства местностей. Появляются новые мировоззренческие представления, связанные с воображением долинного ландшафта: «имея прекрасный вид сверху, приносят несчастья своим обитателям» (Предания и мифы 2003: 49), «широкий дол слишком виден свысока, злым духам или небожителям (Зыков 1986: 84), «укромный алаас счастье приносит, а огромная долина счастье не убережет, все разлетится» (Саввин 1937–1941: 72) и т.д.

Итак, для проживания стали выбирать (создавать) укромные алаасы *бютэй алаас*, в которых располагалась зимняя усадьба *кыстык,* а летом переезжали в *сайылыки* рядом с покосными и пастбищными землями. Аккумулируя в себе идеальные представления о пригодной для проживания местности и «кормящего ландшафта», алаас становится основой национального нарратива народа саха и его территориальной идентичности. Появляется так называемая «аласная культура», основанная на скотоводстве и коневодстве, а так-

же социальная идентификация с пространством родной земли, родного алааса. Отметим, что пространство алаас эмоционально и ментально воспринималось и воспринимается до сих пор как особая, родная земля, родина. Действительно, у якутов ярко выражено чувство «слитности» с местом проживания: практически у каждого рода, семьи есть свой алаас, священный образ которого бережно передается из поколения в поколение. Каждый алаас имеет свой символический центр, священное дерево *ытык мас*, в котором обитает дух-хозяйка местности *Аан Алахчын Хотун*, в честь которой устраивается *салама ыйааһына* ‘вешание духам-хозяевам пестрой волосяной веревки, свитой из конских волос’. Главный смысл этой ритуальной практики заключается в том, что люди, через саламу приобщались к миру айыы-небесных божеств и духов-иччи, отправляли жертвоприношение и получали благословление духов и божеств.

На волне возрождения традиционной культуры, сейчас данный обряд стал очень актуальным. Функциональное значение действия бывает разным, но считается, что все, что украшено саламой, будь то дерево или коновязь, воспринимается как «работающее» сооружение, приносящее неисчислимое благо. Люди считают, что салама обладает способностью нейтрализовать потоки негативной энергии, тем самым «очищая» и сакрализируя окружающее ее пространство. Так, «кормящий» ландшафт буквально пронизывает весь мир человека, ментальную матрицу, ритуальный комплекс (Chartier et al., 2014, p. 18).

Таким образом, адаптационный механизм культуры северных тюрков к новым географическим и природно-климатическим условиям заключался в инновационной стратегии пространственного, хозяйственного и ментального освоения северного края. Новые природно-климатические особенности продиктовали свои условия для формирования этнокультурного ландшафта народа саха, появились новые религиозно-мифологические установки, но в культурной памяти как «фигуры воспоминания», нарративные истории и ментальный мир сохранились пространственные представления и бытийный код, связанные с метафорой Юга.

БИБЛИОГРАФИЯ

Данилова Н.К. Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск, 2011.

Босиков Н.П. Эволюция алаасов Центральной Якутии. Якутск, 1991.

Гумилев Л.Н. Этносфера : история людей и история природы. М., 2010.

Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование. Новосибирск, 1986.

Кулаковский А.Е. Научные труды: работа по этнографии и фольклору. Якутск, 1979.

Предания и мифы. Новосибирск, 2003.

Романова Е.Н., Игнатьева В.Б. Антропология вечной мерзлоты: природный ландшафт и «территория идентичности» // Природа и культура: материалы международной научной конференции (Якутск, 13–15 июня, 2012). Якутск, 2012. Ч. 1. С. 61–75.

Саввин А.А. Угон скота в жертву духам. 1937–1941 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 63. Л. 14, 17.

Chartier D. Le Lieu du Nord : Vers une Cartographie des Lieux du Nord / Ed. D. Chartier, S. Bellemare-Page, A. Duhan, M. Walecka-Garbalinska. Québec , 2015.

Т.Н. Джаксон

МЕНТАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ЛАНДШАФТА ИСЛАНДИИ

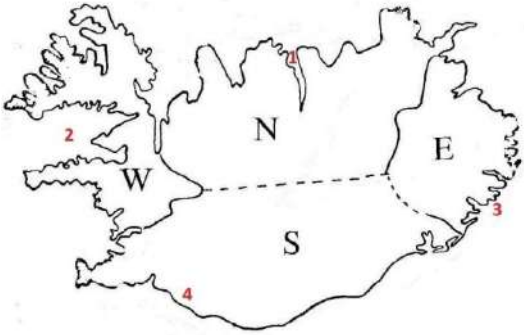
ОТ ЗАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА В IX ВЕКЕ ДО НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Ари Торгильссон Мудрый (1067/68–1148), первый, насколько нам известно, исландский историк, писавший на народном языке, оставил после себя краткую историю Исландии со времени ее заселения до 1120 года. Написанная преимущественно на основе устной традиции между 1122 и 1133 годами, его «Книга об исландцах» невелика по объему и включает всего десять глав: о заселении Исландии (1), о первопоселенцах и принятии законов (2), о создании альтинга (3), о календаре (4), о делении на четверти (5), о заселении Гренландии (6), о том, как христианство пришло в Исландию (7), об иностранных епископах (8), о епископе Ислейве (9) и о епископе Гицуре (10).

Согласно Ари, «Исландия заселялась вначале из Норвегии в дни Харальда Прекрасноволосого, сына Хальвдана Черного, в то время(по мнению и подсчетам Тейта, сына епископа Ислейва,моего воспитателя и человека, которого я считаю самым мудрым, а также Торкеля, сына Геллира, брата моего отца, который многое помнил, а также Турид, дочери Снорри Годи, которая была женщиной мудрой и многое знавшей достоверно),когда Ивар, сын Рагнара Кожаные Штаны, велел убить английского конунга Эадмунда Святого; а было это через восемьсот семьдесят лет после рождества Христова, согласно тому, как написано в саге о нем» (Íslendingabók: 4). Исследователями время заселения Исландии определяется как отрезок чуть дольше полувека, с на-

званного Ари 870 по 930 г., когда был учрежден Альтинг, который стал собираться раз в год, в июне, на Полях Тинга, в районе современного Рейкьявика (Jones 1986). Около 965 г. решением Альтинга Исландия была разделена на четверти (*fjórðungar*, мн.ч. от *fjórðungr*), каждой из которых были даны свои региональные полномочия.

У Ари названия четвертей фигурируют дважды. В главе «О делении на четверти» поименована лишь одна из них: «Тогда земля была поделена на четверти, так что в каждой четверти стало по три тинга…и только в *Четверти жителей севера* их было четыре» (Íslendingabók: 4). А вот в главе «О епископе Гицуре» названы все четыре. Там говорится следующее: «…он велел сначала пересчитать бондов здесь в стране, и было тогда в *Четверти жителей восточных фьордов*семь полных сотен человек, и в *Четверти жителей реки Рангд*есять, и в *Четверти жителей Брейдафьорда*девять, и в *Четверти жителей Эйяфьорда*двенадцать, но не были посчитаны по всей Исландии те, кто не должен был платить тинговый налог» (Íslendingabók: 23). Однако здесь мы не встречаем названия «Четверть жителей севера», использованного Ари в пятой главе. Зная географию Исландии, нетрудно понять, что в гл. 10 его замещает топоним «Четверть жителей Эйяфьорда», поскольку Эйяфьордрасположен в северной части Исландии и выходит в Гренландское море. Он протянулся на 60 км, а в центре его лежит о. Хрисей, откуда и название фьорда (Эйяфьорд — *букв.*: «Островной фьорд»). На прилагаемой карте-схеме фьорд обозначен цифрой 1.



Таким образом, в тексте, записанном в конце первой трети XII в., то есть через 150 лет после законодательного разделения острова на четверти, зафиксированы следующие их названия:

- «Четверть жителей севера» (*Nordlendingafjórðungr*), или «Четверть жителей Эйяфьорда» (*Eyfirðingafjórðungr*);
- «Четверть жителей восточных фьордов» (*Austfirðingafjórðungr*);
- «Четверть жителей Брейдафьорда» (*Breiðfirðingafjórðungr*);
- «Четверть жителей реки Ранга» (*Rangæingafjórðungr*).

Надо думать, что эти названия использовались во времена Ари, но также очень велика вероятность того, что они (кроме «Четверти жителей севера») и были исходными. Ведь колонизация острова происходила со стороныморя. Подплывавшие к нему с востока норвежцы не продвигались дальше вглубь острова по суше (что было просто невозможно), а оплывали его вдоль берега, заходя при этом во фьорды и именуя их в соответствии с их природными особенностями: один фьорд с островом в центре был назван ими «Островным», другой, чрезвычайно широкий, — «Широким фьордом» (Брейдафьорд, цифра 2 на карте), а скопление мелких и коротких фьордов на восточном берегу — просто «Восточными фьордами» (цифра 3 на карте). Люди селились неподалеку от побережья, в долинах по берегам фьордов, и пытались продвигаться вглубь острова по рекам.

В отличие от трех других, Ари называет одну из четвертей острова по имени реки, а именно «Четверть жителей реки Ранга». Эта река расположена на южном побережье острова (в районе цифры 4 на карте); от ее истока, к северу от вулкана Гекла, до моря — 55 км. Вот как «Сага об Эгиле», гл. 23, описывает прибытие в Исландию Кетиля Лосося: «Когда увидели землю, они были к югу от нее. Был крепкий ветер и сильный прибой. Они совсем не встречали бухт, где можно было бы пристать, и поэтому плыли вдоль песчаного берега на запад. Когда же ветер стал стихать и прибой улегся, перед

ними открылось широкое речное устье. Они поднялись на кораблях вверх по реке и причалили к западному берегу. Сейчас эта река называется Ранга. В то время она была гораздо у́же и глубже» (Сага об Эгиле: 102). Речь здесь идет о времени правления норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, то есть о последней трети IX – первой четверти X в., а сага, повествующая об этом, датируется временем между 1200 и 1230 годами. Трудно сказать, к какому веку относится информация о выделяющемся на южном берегу Исландии широком устье реки Ранга, но, во всяком случае, этот рассказ объясняет, как могло возникнуть зафиксированное Ари Мудрым в начале XII в. обозначение этой четверти острова.

Использованные Ари названия четвертей, не основанные на терминах стран света, встречаются крайне редко. Так, топоним «Четверть жителей Брейдафьорда» использует только Ари. «Четверть жителей реки Ранг» встречается лишь в еще одном памятнике — в разделе «Христианских законов»сводазаконов «Серый гусь» (рукопись, содержащая свод, датируется серединой XIII в., но это не говорит о возрасте самих законов — «большинство положений “Серого гуся” возникли за столетия до записи» [Байок 2012: 463]): «О епископах. Мы должны иметь здесь в стране двух епископов. Один епископ должен занимать стол в Скальхольте, а другой — в Холларе, в Хьяльтадале. И должен тот, который сидит в Хьяльтадале, объезжать раз в двенадцать месяцев *Четверть жителей севера*, в то время как тот, кто сидит в Скальхольте, должен объезжать три четверти, по очереди, каждую в свое лето — *Четверть жителей восточных фьордов*, *Четверть жителей реки Ранга* и *Четверть жителей западных фьордов*» (Grágás: 19). Также один раз еще фигурирует в источниках «Четверть жителей Эйяфьорда» — в «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», написанной около 1300 г., но в рассказе, относящемся ко времени, предшествующему крещению Исландии: проповедник Тангбранд, отправленный норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном (995–1000) в Исландию, «пришел на тинг и обратил к правой вере многих

людей из *Четверти жителей юга* и из северных областей *Четверти жителей Эйяфьорда*» (Ólafssaga: 157).

Обратим внимание на терминологию, содержащуюся в «Саге о крещении», где в аналогичной ситуации говорится следующее: «На тинге Тангбранд смело проповедовал о боге, и тогда веру приняли многие люди в *Четверти жителей юга* и *Четверти жителей севера*» (Kristnisaga: k. 7). А почти дословно передавая процитированный выше фрагмент главы «О епископе Гицуре» Ари Мудрого, автор «Саги о крещении» вновь унифицирует названия четвертей, обозначая все их по странам света: «…Но он велел сначала пересчитать всех бондов в Исландии, и было тогда в *Четверти жителей восточных фьордов*семь полных сотен человек, и в *Четверти жителей юга*десять сотен, и в *Четверти жителей западных фьордов*девять сотен, и в *Четверти жителей севера*двенадцать, и были посчитаны только те, кто должен был платить тинговый налог» (Kristnisaga: k. 13).Не вызывает сомнения, что автор «Саги о крещении» произвел эти замены намеренно и, с большой вероятностью, в соответствии с закрепившимся к его времени (середина XIII в.) в исландском общественном сознании представлением об административных регионах страны, названия которых начали меняться еще во времена Ари, на что указывает наличие в его тексте двух обозначений северной четверти. Кстати отметим, что в памятниках древнескандинавской письменности конца XII – XIIIвв. (см.: Ordbog…) зафиксированы преимущественно обозначения четвертей по странам света:

- *Norð-lendinga fjórðungr* (25 раз);
- *Aust-firðinga-fjórðungr* (10 раз);
- *Vest-firðinga-fjórðungr*(15 раз);
- *Sunn-lendinga-fjórðungr* (16 раз).

Так же четверти называются и в еще одном уникальном древнеисландском памятнике, «Книге о занятии земли» (первая редакция которой, *Sturlubók*, написана около 1275–1280 гг. исландцем Стурлой Тордарсоном), где процесс «занятия земель» в конце IX – начале XI в. описан ретроспективно, ибо книга формировалась, когда на острове насчитывалось уже порядка 420 семей колонистов. Кстати, в ней мы

находим подтверждение высказанного выше предположения об освоении острова именно с моря: гл. 196 содержит рассказ о том, как в результате поиска новых земель был найден путь по суше между южной и северной четвертями (Landnámabók: 232).

В докладе будет прослежено, как от названий, связанных с пространственными ориентирами, исландцы перешли к обозначению четвертей по странам света, как эти названия отразились на картах XVI–XVIII вв. и какое разделение на историко-экономические районы принято в современной Исландии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Байок Дж.Л. Исландия эпохи викингов / Пер. И. Свердлова. М., 2012.

Сага об Эгиле // Исландские саги. М., 1956.

Grágás: Elzta lögbók íslendinga / Vilhjálmur Finsen. 1–2 (“Ia-b”). København, 1852.

Íslendingabók / Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1986 (Íslenzkfornrit 1).

Jones G. The Norse Atlantic Saga. 2nd ed. Oxford, 1986.

Kristnisaga / B.Kahle. Halle, 1905 (Altnordische Saga Bibliothek 11).

Landnámabók/ Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1986 (Íslenzk fornrit 1).

Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson. København, 1961. B. II (Editiones Arnamagnæanæ A2).

Ordbog over det norrøne prosasprog — Электронный ресурс [Режим доступа: http://dataonp.hum.ku.dk, дата обращения — 14.10.2019].

О. Дискаччати

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПОВЕСТИ Б.А. ПИЛЬНЯКА «КРАСНОЕ ДЕРЕВО»

ИНТУИЦИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

«Красное дерево», несмотря на сравнительно небольшой объем, вмещает в себя многие мотивы и авторскую типологию героев из прежних произведений Б.А. Пильняка. В повести точно указано время действия — 1928 год. Более десяти лет прошло с момента свершения революции, но плоды ее незавидны. В стране кругом разруха, бесхозяйственность, бескультурье, жестокость, воровство. Описывая провинциальный город, его полуразрушенный быт, беспорядочную, неосмысленную жизнь людей, забывших себя и живущих по инерции, автор создает обобщенный образ России, огромной страны неупорядоченного бытия. В настоящем докладе мы приняли во внимание именно провинциальный культурный ландшафт страны накануне коллективизации, то есть в момент резкого изменения отношения правительства к крестьянству. Более того, конец двадцатых годов — это и время жестокой полемики вокруг образа мужика и крестьянина.

На основании историко-литературных и социальных исследований теперь представляется возможным воссоздать сложную картину русской культуры той эпохи. Политические решения, принятые правительством, затронувшие в равной мере и культуру, глубоко повлияли на жизнь страны, вылившись в самое настоящее преобразование сути провинциальной жизни, вызвав умирание или полное исчезновение традиционного уклада русской деревни и крестьянства.

С приходом Октябрьской революции на гребне ожесточенной полемики и борьбы между различными культурно-политическими течениями, которые характеризуют литературные процессы двадцатых годов, *литература о деревне*, или *крестьянская литература*, постепенно превращается в явление периферийное, вплоть до окончательного ее запрещения.

Эта литература была придушена еще до того, как РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) провозгласил свою программу борьбы за «новый быт» и «культурность», о которой часто говорил в своих выступлениях Л.Д. Троцкий. Это подчеркнул Н. Корниенко в главе «Истории русской литературной критики», посвященной литературной критике и культурной политике периода НЭПа: «При терминологичекой неточности самого понятия “крестьянская литература”, к которой критика зачастую причисляла явления из разных этажей культуры и во многом из противостоящих в современности литературно–эстетических лагерей (Есенина и Сурикова, Дрожжина, Клюева и селькора, «мужиковствующих» попутчиков Пильняка и Вс. Иванова и пролетарского Панферова, «кузнеца» Неверова и комсомольцев Доронина и Караваеву), характеристические различия осознавались весьма тонко и были очевидны участникам литературно–критического процесса».

В этом бурном контексте Б.А. Пильняк является одним из тех писателей, которые наиболее проницательно описывают изнутри происходящие в России события. Его чудаки в бессмысленных, на первый взгляд, высказываниях, тем не менее, демонстрируют всю гамму своего отрицательного отношения к происходящему — от тревожного ожидания до полного отчаяния и безысходности, — именно того, что очень скоро будет запрещено в литературном изображении любого «хомо советикус». И речь здесь идет не только об избранных автором персонажах: разгулявшихся купчиках, обедневших мелких дворянах, отупевших мужиках и крестьянах.

Как всегда, у Пильняка произведение не лишено пробелов и противоречий — и это касается как подачи психологии персонажей, так и позиции рассказчика. Мы видим, что в рассказе «Красное дерево» двойственность автора переносится

и на описываемый антураж: разрушающиеся интерьеры с предметами мебели редкой красоты, сгнившие избы, утопающие в болотистой почве каких-то кажущихся далекими земель, находящихся, однако, недалеко от ближайшего города, завораживающая и все еще дикая природа. Эти описания вызывают у читателя воспоминания об изображении русской глубинки XIX в. с картин передвижников, которые показывали жизнь народа без прикрас), делая явной уверенность Пильняка в том, что, несмотря на пропагандистские заявления, и через десять лет после Октябрьской революции обещанные позитивные изменения в жизни деревни так и не наступили. Однако, ностальгические воспоминания об прошедшем не являются основной целью автора.

Интересно, что модернистские черты в его произведении обнаруживаются в вычурности композиции, в одно и то же время ироничной и самоироничной, распутать которую довольно сложно. Именно этим автор предлагает нам неожиданный взгляд на так называемую деревенскую прозу, представляющую собой до сих пор недостаточно изученное явление литературы двадцатых годов.

Перенося действие в глубинку, автор не ограничивается постановкой проблемы противопоставления города и деревни, сравнения современной и ушедшей эпохи, антитезы традиции и новации.

Прежде всего, Пильняк поднимает вопросы той темы, которая скоро станет табуированной в советской культуре. После того, как сама ВОКП превращается во Всероссийскую организацию пролетарско-колхозных писателей, крестьяне и их быт исчезают из литературных произведений, которые теперь являются важным инструментом для полной трансформации культурного пространства и образа мыслей самих читателей. Создание этого нового культурного ландшафта и является целью нашего исследования на основе осознания того, что «Красное дерево» открывает новые пути изучения провинциального постреволюционного быта вплоть до появления колхозного романа тридцатых годов, где отсутствует не только какая бы то ни было критика решений правительства, но и правдивое описание крестьянской жизни.

Д.Н. Замятин

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ

ГЕОКУЛЬТУРЫ, ЛАНДШАФТЫ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВООБРАЖЕНИЯ

Геокультурное пространство любого региона или макрорегиона формируется, как правило, в результате взаимодействия двух фактически слабо отделимых друг от друга элементов — геокультур, развивающихся и действующих на данной территории, и собственно культурных ландшафтов, являющихся одновременно и определенными уникальными продуктами деятельности конкретных геокультур, и специфическими социокультурными полями, чьи локальные конфигурации способствуют очередным трансформациям соответствующих геокультур. Стоит отметить, что динамичные геокультурные пространства складываются, скорее, как результат не строгой симметрии, жестких соответствий между определенными геокультурами и культурными ландшафтами, а значительной асимметрии между ними, существенного несоответствия или зазора, когда та или иная геокультура, расширяясь, перемещаясь или сжимаясь, отступая, оказывается зачастую не в полном культурно-ландшафтном «комфорте», испытывая некоторый дискомфорт и пытаясь преобразовать «под себя» те или иные ландшафтные особенности. Наконец, и сам культурный ландшафт в ситуации вторжения нехарактерной для него ранее геокультуры может стать полем создания какой-то принципиально новой геокультуры. В сущности, любое геокультурное пространство можно рассматривать как динамическую пространственную систему с высокой степенью эмерджентности.

Полноценное развитие геокультурного пространства предполагает формирование своеобразной онтологии воображения, создающей когнитивный «фундамент» для построения соответствующих моделей. Онтологические модели воображения характеризуют возможности расширенной репрезентации и интерпретации культурных ландшафтов какого-либо региона, в рамках которых вырабатываются специфические «коды» геокультурного воображения. Геокультуры, вновь и вновь воссоздавая своей деятельностью уникальные культурные ландшафты, постепенно обретают в типологическом ракурсе «канонические» онтологии воображения, призванные воспроизводить основные дискурсы пространственного восприятия. Естественно, что подобные онтологии воображения опираются во многом именно на хорошо разработанные визуальные дискурсы, закрепляющие также привычные стереотипы ландшафтного восприятия. В ходе анализа онтологических моделей воображения выявляются также и феноменологические особенности становления самих геокультур и культурных ландшафтов.

Визуализация культурного ландшафта: базовые установки

Культурный ландшафт можно рассматривать как по преимуществу визуальный феномен, хотя в формировании его репрезентаций принимают участие, как правило, и географические образы, и локальные мифы, и те или иные проявления территориальных идентичностей. Визуальность культурного ландшафта представляет собой сложное образование, в котором собственно зрительные реакции и рефлексии оказываются продуктом и результатом множественного и «стратиграфического» воображения (одновременно и индивидуального, личностного, и коллективного, группового). Такое культурно-ландшафтное воображение (или, вернее, воображения — коль скоро ландшафт изначально выявляется как фрагментарная и фрактальная множественность) включает любые акты первичных зрительных восприятий в складывающиеся «как бы под них» ментальные паззлы или фреймы, имеющие экзистенциальную составляющую. Пано-

рама города, горная долина, морской пляж, сельская улица — практически любое, казалось бы, типовое зрительное впечатление опирается на соответствующую — и всегда разную, в зависимости от самого взгляда — онтологию воображения, продуцирующую, в свою очередь, экзистенцию конкретной ландшафтной визуальности.

Процедуры визуализации культурного ландшафта — будь то целенаправленный процесс или же случайные, спонтанные акты (например, фото понравившегося вида или события на смартфон во время прогулки) — завязаны на актуализацию того или иного геокультурного слоя (страты), который оказывается ре-активным в определенной ландшафтной ситуации. Повседневная жизнь, обыденные привычные события становятся ландшафтным фоном, и сам ландшафт в его визуальных аффектах проявляет себя зачастую как «экзотическое» событие. Визуализация культурного ландшафта может стать и концептуальной экзистенциальной проблемой, когда почти любая мелкая ландшафтная деталь рассматривается «носителем» конкретного геокультурного «взгляда» на метауровне, в пределах которого те или иные хорошо известные «типовые» значения этих деталей будут встроены в совершенно иную, непривычную или необычную онтологию воображения. В этом случае вполне возможно возникновение конфликта ландшафтных воображений, принадлежащих к различным геокультурным традициям и имеющим разные геокультурные установки.

Онтологические модели воображения, геокультура и визуальность

Онтологические модели воображения формируются, как правило, в рамках довольно продолжительных исторических длительностей (по Фернану Броделю); именно они определяют «тонкие» структуры воспроизводства как геокультур, так и культурных ландшафтов в конкретную историческую эпоху. Роль визуальности и визуального в таких моделях обусловлена доминированием и господством визуальных репрезентаций культурных ландшафтов, дискурс которых (по происхождению — западный, европейский) напрямую свя-

зан с онтологизацией визуального. Воображение в процессе своей собственной онтологизации как бы захватывает непосредственные первичные визуальные восприятия внешнего мира, перекрывая тем самым когнитивные возможности интенсивной ментализации дихотомии внешнее / внутреннее; следствием и результатом такого развития становится создание «автохтонных» визуальных образов, чей пространственный характер фиксируется через и посредством серийных онтологических различений, географических vs топографических дифференциаций, утверждающих непрерывное отождествление феноменологических расширений.

Географическое (геокультурное) воображение оказывается онтологической реальностью, которая моделируется как бы в режиме «здесь-и-сейчас»; в свою очередь, подобное моделирование становится органической, неотъемлемой частью любой геокультуры, транслирующей свои образы. Визуальности, пребывая в качестве онтологической «самости» геокультуры в типологическом смысле, как таковой, в то же время постоянно прибывают, увеличиваются, приращиваются феноменологически, образуя своего рода гибридную реальность, чей онтологический статус остается под вопросом, является спорным и пограничным; в рамках этой гибридной реальности могут формироваться те или иные, зачастую амбивалентные визуальные политики, генетически принадлежащие различным геокультурам. Визуальность конкретного культурного ландшафта проявляется как, по сути, ризоматическая онтологическая множественность геокультурных воображений, ретерриторизующих всякий предыдущий опыт пространственной феноменологии.

Итак, онтологическое моделирование воображения предполагает рассмотрение культурных ландшафтов как визуальных реальностей, что не отрицает наличие также звуковых, тактильных и иных сенсорных реальностей, связанных с культурно-ландшафтными репрезентациями (Kaymaz 2012; Pijanowski et al. 2011). Процедуры визуализации культурных ландшафтов опираются на включение любого условного наблюдателя или автора соответствующих визуальных репрезентаций в автохтонное геокультурное пространство, даже

если этот наблюдатель / автор не принадлежит к автохтонным геокультурам. Подобное допущение основывается на примате геокультурной онтологизации любой визуальности, целенаправленно репрезентирующей тот или иной ландшафт — иначе говоря, реальность ландшафта обусловлена имеющимися в наличии «здесь-и-сейчас» визуальными репрезентациями, моделирующими возможности любых феноменологических расширений, добавлений или дополнений. Таким образом, геокультурная реальность, становящаяся своими культурными ландшафтами, может онтологизироваться как условно «северная», «южная», «северо-восточная» или какая-то иная вне зависимости от геокультурного происхождения самого наблюдателя / автора визуальных репрезентаций и потенциальных интерпретаций. Одним из важных следствий подобного допущения является фактическое признание феноменологической равноценности как колониального, так и деколонизирующего взгляда, поскольку оба они фиксируют определенные онтологические процессы опространствления воображения, закрепляющего также временность и релятивность любой точки зрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Kaymaz I.C. Landscape Perception // Landscape Planning / Ed. by M. Özyavuz. Rijeka: InTech, 2012. P. 251–276. — Электронный ресурс [режим доступа: https:// www.intechopen.com/books/landscape-planning/landscape-perception, дата обращения — 01.01.2020].

Pijanowski B.C., Farina A., Gage S.H., Dumyahn S.L., Krause B.L. What is soundscape ecology? An introduction and overview of an emerging new science // Landscape Ecology. 2011. Vol. 26. No. 9. P. 1213–1232.

О.В. Игнатьева

КОЛЛЕКЦИЯ КАК ВООБРАЖАЕМЫЙ ЛАНДШАФТ

Работы современного американского антрополога А. Аппадураи вновь привлекли внимание исследователей как к теории конструирования наций, так и к роли социального воображения в эпоху глобализации. На волне этого интереса к воображаемому актуализируются различные аспекты «культуры воображения», например, для музейного пространства в качестве концепции «воображаемого музея», введенного еще в 1940-е годы А. Мальро. Играя историческими эпохами и культурными пространствами, собирающий и индивидуализирующий память о произведениях искусства, воображаемый музей доступен каждому из нас.

Но сами произведения искусства гораздо раньше, чем собственно появляются музеи, начинают рассматриваться как таковые в частных коллекциях. Более того, функции частных собраний были связаны не только с репрезентацией власти и богатства, но и с созданием социально воображаемых ландшафтов, будь то воскрешение античной культуры в коллекциях итальянских гуманистов эпохи Возрождения или кунсткамеры как модели мира со всеми его курьезами и загадками.

Среди авторов, занимающихся историей коллекционирования, нет однозначного ответа на вопрос о генезисе практик коллекционирования. В самом широком смысле слова, коллекционирование понимается это способ собирания любой культуры, ее иерархическое маркирование с помощью системы вещей, включенных в различные ландшафтные комплексы, от погребальных комплексов и святилищ первобытного времени до музеев как систематизированных собраний.

Но чаще всего широкое распространение практик коллекционирования связывают с формированием культуры Модернити, с рационализацией как способом «расколдовывания» мира. Культура итальянского Возрождения и Великие географические открытия во многом являлись предпосылками для возникновения новой, научной, картины мира, а вместе с тем и коллекционирования.

Великие географические открытия, как впоследствии географические экспедиции, а также путешествия, обязательно сопровождались собиранием коллекций. Открыть новые территории значило не только нанести их на карту, но и привести свидетельства, артефакты этой территории, как правило, экзотические, из разряда курьезов. Так возникали в Европе, а потом и в России со времени Петра I, кунсткамеры и кабинеты.

В этот же период практики коллекционирования создавали и другие новые культурные ландшафты — галереи в Италии, как пространства для публичной демонстрации коллекций, их изучения, копирования. Эти галереи, прообразы музеев, открывали не новые земли для своих владельцев и зрителей, а эпохи, прежде всего античность, и искусство как воображаемый культурный ландшафт. Кстати, и это отдельная тема для размышлений, в изобразительном искусстве ландшафт всегда отражается как культурный, то есть определенным образом освоенный через особенности художественного стиля, жанра и авторского почерка художника.

Возникающая в культуре Модернити ценность образования как процесса цивилизации человека и народов приводит к популярности образовательных путешествий, итогом которых также становились коллекции. Например, для русской аристократии XVIII века, начиная со знаменитых заграничных путешествий Петра I, сопровождавшихся формированием коллекций как для Кунсткамеры, так и для художественных собраний, путешествия по европейским странам, прежде всего, в Италию, стали одним из основных способов коллекционирования.

Так, княгиня Е.Р. Дашкова, дважды совершившая путешествия по Европе, прежде всего, чтобы дать хорошее образование своим детям, в своих воспоминаниях описывает по-

сещения уникальных мест, будь то археологические экскурсии в Италии по античным древностям или походы в горы и сбор минералогических и флористических коллекций. Во время заграничного путешествия Е.Р. Дашкова собирает свой естественнонаучный кабинет, который «…содержал всего числом 15121 предмет: в том числе животных, натуральных и окаменелых 4805; растений сухих, плодов и проч. 765; камней и руд 7924; антиков — отпечатков 1636» (История Императорского Московского университета 1855: 372).

Аналогичным образом, через путешествия по европейским странам и коллекционирование, русская аристократия в XVIII – первой половине XIX в. создает еще один вид культурного ландшафта — дворянские усадьбы. Заполняясь произведениями европейских художников, собраниями книг, кабинетными раритетами и древностями, дворянские усадьбы становились культурными центрами в провинциальной России. Но, одновременно, дворянские усадьбы создают воображаемый ландшафт в русской литературе и философии.

В XIX веке наряду с интересом дворянства к европейской культуре возникает стремление собирать русские древности. Начинается эпоха наций, как «воображаемых сообществ», по Б. Андерсону, немыслимых не только без карты территории и государственного языка, но и без музея, репрезентирующего национальную историю и традиции. В этом процессе конструирования наций через музей, ключевую роль сыграли частные коллекционеры. Можно утверждать, что коллекционирование создает музеи, а музеи, в свою очередь, репрезентируют как национальные, так и региональные культурные ландшафты.

В России создание провинциальных музеев (в советское время названных краеведческими) напрямую было связано с коллекционерами и коллекционированием, как особым способом собирания территорий. Археологические и этнографические научные общества, выступая проводниками политики внутренней колонизации, опирались в своей деятельности не только на исследователей, но и на владельцев частных коллекций. Так, уставом Московского археологического общества (МАО) предусматривалась возможность вступления в его ряды для коллекционеров.

Частные собрания провинциальных коллекционеров включали, как правило, археологические находки, предметы этнографии, а также материалы из области флоры и фауны своего края. Эти коллекции демонстрировались на выставках, а также становились объектом посещения и изучения отечественных и иностранных ученых. Так, например, в Пермском крае, в административном центре пермских имений Строгановых, в Ильинском, у главноуправляющих В.А. Волегова и А.Е. Теплоухова, были подобные коллекции. П.И. Мельников в своих «Дорожных записках» описывает посещение села Ильинского с целью познакомиться с археологическим собранием В.А. Волегова, который с помощью своей коллекции и общения с Русским географическим обществом «открыл» Пермский край как значимый с точки зрения исторического прошлого. Для П.И. Мельникова эта коллекция являлась свидетельством существования в Пермском крае воображаемой страны Бьярмии, возродить которую можно только с помощью археологии.

А.Е. Теплоухов, получив образование в Германии, имел возможность публиковать свои работы не только в русских научных изданиях, но и за границей. В результате для многих русских и иностранных ученых было важным посетить Пермский край и село Ильинское, познакомиться с коллекцией (финские ученые Й.Р. Аспелин и А.К. Гейкель, французский путешественник барон де Бай, впоследствии президент общества антикваров Франции; английский ученый Эбекромби). Не только миф о Бьярмии, но и легенды о чуди, теории шаманизма и «звериной стадии» в развитии искусства базировались на частных коллекциях и влияли на восприятие Пермского края как особого культурного ландшафта.

С помощью аналогичных частных собраний множились культурные ландшафты российской провинции, кроме того, появлялось стремление сделать эти коллекции доступными для демонстрации, то есть перевести их в статус публичных музеев. На одном из археологических съездов, созванных Московским археологическим обществом, графиня П.С. Уварова так характеризовала эту возникшую «снизу» инициативу: «Губернские, областные и земские музеи, составляю-

щие по существу общественное достояние, но вызванные к жизни и обязанные своим ростом единственно энергия тех же частных лиц, большей частью совершенно неизвестных, скромных, местных тружеников. Коллекции эти, часто весьма богатые, призваны, мне кажется, играть первенствующую роль в изучении нашего обширного отечества и в особенности наших далеких окраин; если сами коллекции эти не так богаты предметами, как столичные музеи, то взамен этого они представляют обыкновенно посетителю возможность изучать местную культуру со всем влияниями, которым подверглись насельники края с древнейших времен. Вместе с тем люди, стоящие во главе этих собраний, так богаты и сильны преданностью к делу, любовью к труду, науке и просвещению масс, что музеи эти не могут не повлиять на развитие местного народонаселения и должны в особенности цениться в России, которая при своей громадности и обширности пространств не может пользоваться теми способами к просвещению, которые до сих пор имели обыкновение сосредоточивать единственно в столичных городах» (Уварова 1888: 14).

Таким образом, роль частных коллекционеров и музеев, создававшихся на их основе в провинции, связывалась не только с изучением обширных российских территорий, но и с конструированием собственно региональных культур как культурных ландшафтов, опирающихся на свою историю, этнографическое разнообразие, особенности искусства.

В связи с активным развитием туризма и почтового сообщения со второй половины XIX в. появляются новые объекты и практики коллекционирования, непосредственно связанные с конструированием культурных ландшафтов. Речь идет о коллекционировании марок и почтовых сообщений, прежде всего, открыток. Ведь первый период в развитии филателии был связан с коллекционированием марок по странам, это был сам принцип собирательства, коллекционеры собирали либо марки одной страны, либо нескольких. Более того, филателия пропагандировалась, прежде всего, как своеобразный способ ознакомления с географией и историей разных стран: «Наклеивая марки в альбом, ребенок узнает, что вот эта марка из Южной Азии, эта из Африки, а вот эта из

Полинезии; что Виктория — английская колония, что Мозамбик принадлежит Португалии, а Исландия — Дании, затем он узнает, что Бразилия, бывшая до 1885 года империей, теперь республика, что пересылка простого письма из России за границу стоит 10 коп., а такая же пересылка из Германии оплачивается маркою в 20 пфенингов, из Франции 25 сантимов и т.д., причем воображение ребенка работает и, сопоставляя марки, ребенок узнает, что 20 пф. или 25 сант. равны нашим 10 копейкам, и т.п. Но вот, и изображения на марках. Дитя слышит имена Франклина, Вашингтона и еще многих других. Интерес возбужден и дитя узнает, что Франклин был человеком добрым и хорошим, всецело преданным делу человеколюбия, что Вашингтон был человеком энергичным, посвятившим себя служению родине. Американские марки в память празднования 500-летия открытия Колумбом Америки представят ребенку, притом самым наглядным образом, периоды жизни этого славного генуэзца» (Какую пользу… 1896: 61).

Можно себе представить, как влияло это детское увлечение коллекционированием марок той или иной страны, переписка с филателистами из других стран и обмен марками на складывающиеся образы природы и культуры этих стран.

Рассмотрев только несколько примеров из истории коллекционирования, отметим, что коллекционирование было и остается одной из практик, включенных, как в создание культурных ландшафтов, так и в их трансформацию. Коллекционеры активно участвовали в создании геокультурных образов как «системы наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающей особенности развития и функционирования тех или иных культур и цивилизаций в глобальном контексте» (Замятин 2006: 56).

БИБЛИОГРАФИЯ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.

Замятин Д.Н. Культура и пространства. Моделирование географических образов. М., 2006.

История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею Степаном Шевыревым. М., 1855.

Какую пользу может принести собирание марочных коллекций? // Марки. 1896. № 4. С. 61–63.

Уварова П.С. Губернские или Областные музеи. М., 1888.

В.Н. Калуцков

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК МАШИНА ВООБРАЖЕНИЯ*

Литература представляет собой мощный и до конца недооцененный фактор освоения и переиначивания земного пространства. Поэтому литературная география как междисциплинарная область исследований относится к перспективным направлениям культурной географии (Семенов-Тян-Шанский 1928; Веденин 1997; Веденин 2006: 15–21; Веденин 2018; Лавренова 1998; Tuan Yi-Fu 1988: 316–324; Замятин 2004; Замятин 2006; Замятин, Замятина, Митин 2008; Максаковский 2006; Калуцков, Матасов 2017: 25–34; Калуцков, Морозова 2019: 79–93 и др.).

Одним из важнейших понятий литературной географии является понятие *литературного ландшафта*, который можно считать одной из разновидностей *культурного ландшафта* (Калуцков 2008).

Как, при каких условиях возникает литературный ландшафт? Каковы факторы его формирования? Как в литературном ландшафте соотносится природа, культура и литература? Какие типы литературных ландшафте можно выделить? Какова его пространственная организация? Как и по каким законам он развивается? Почему литературный ландшафт обладает неисчерпаемыми ресурсами воображения? Какие «триггеры воображения» делают его таковым?

---

* Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (проект №20/2019-И «Чтобы помнили…»: Создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

Исходное определение литературного ландшафта. Ценность ландшафтного подхода заключается в том, что он всегда нацелен на ***целостность*** — на единство территории в контексте отношений «центр-периферия», на взаимодействие природных и культурных систем, на учет роли среды в функционировании объекта, на исследование пейзажа, на «втягивание» в исследование естественнонаучных и гуманитарных знаний и методов (Калуцков 2008).

Поэтому литературный ландшафт — это не набор разрозненных аутентичных и новодельных литературных мест, а ***целостный культурно-природный комплекс.*** В одних случаях его целостность определяется смысловыми связями литературных мест, в других — визуальными, в-третьих — пространственными, в-четвертых — историческими связями.

Разработка и первичная интерпретация концепции литературного ландшафта принадлежит Ю.А. Веденину (Веденин 2006). В Руководящих указаниях ЮНЕСКО выделяется три вида культурных ландшафтов: созданные по проекту, естественно сформированные и ассоциативные (Веденин 2018).

Литературный ландшафт представляет собой такой культурный ландшафт, в котором *литература* представляет собой не только *важнейший фактор освоения пространства, но и главный* системообразующий — *ландшафтообразующий — фактор.* При этом важно понимать, что мемориальное освоение пространства (создание литературных музеев, памятников, наименование улиц в честь литераторов и другое) не менее значимо, чем художественное его освоение (Калуцков, Морозова 2019: 79–93).

Как правило, литературный ландшафт, возникает вокруг литературного места, которое по мере формирования ландшафта становится центральным литературным местом.

Литературный ландшафт — сложный локус литературно-географического пространства, образ которого связан с определенным литературным именем.

Систематизация литературных ландшафтов. Все многообразие литературных ландшафтов можно упорядочить по

разным основаниям — географическим, историческим, литературным, мемориальным и собственно ландшафтным.

1. По *форме территории* литературные ландшафты по форме могут разделяться на два типа — *площадные и линейные*. В качестве площадных ландшафтов будут выступать территории с рядом взаимосвязанных литературных и исторических мест и природных территорий. Линейные литературные ландшафты — «ландшафты исторических путей, запечатленные в литературных произведениях» [Калуцков, Матасов 2017].

2. По *типу культурной среды* можно выделить городские, усадебные и сельские литературные ландшафты.

3. По *времени существования* выделяем от долго живущих, или «старых» литературных ландшафтов (несколько веков) — до молодых, жизненных цикл которых составляет несколько десятилетий.

4. По *сложности структуры ландшафта*. В сложных литературных ландшафтах выделяется множество литературных и историко-культурных мест. Простые ландшафты включают в себя 2–3 литературных места.

5. По *уровню аутентичности ландшафта*. В подлинных ландшафтах доминируют аутентичные литературные и историко-культурные мест; в новодельных, напротив, уровень аутентичности мест минимален.

6. По *количеству «авторов ландшафта»*. Монолитературные ландшафты представляют собой проект одного литератора, полилитературные ландшафты сформированы несколькими авторами. Большая часть городских литературных ландшафтов относится к полилитературным.

7. По *типу «авторства ландшафта»*. Одним литературные ландшафты представляют собой продукт всего творчества писателя, как Мещера Паустовского, другие — ландшафт отдельного произведения. Такие ландшафты включают исторические места и культурные артефакты, природные территории, пейзажи, людей, которые выступили прообразами литературных героев

8. По *роли «соавтора» литературного ландшафта*. Все литературные ландшафты, связанные с крупными писате-

лями музеефицированы и потому испытывают воздействие музейного и территориального проектирования. В одних случаях роль хранителя и ландшафтного проектировщика соразмерна роли литератора (ландшафт Пушкиногорья — это ландшафт Пушкина и Гейченко), в других — роль ландшафтного проектировщика менее заметна.

9. По *соотношению природно-исторической и литературной действительности*. В одних литературных ландшафтах природно-историческое окружение выступает в качестве пассивного фона литературной действительности (доминируют литературные образы), в других, напротив, представляет собой активное «действующее лицо».

Пространственная организация литературного ландшафта. Литературный ландшафт представляет собой сложный локус литературно-географического пространства, состоящий из системы мест и территорий. Если рассматривать литературный ландшафт с позиции его пространственной организации, как соотношение отдельных пространственных локусов, то можно понять внутреннюю логику его пространственного развития.

Пространственная организация литературного ландшафта включает (Калуцков, Матасов 2017: 25–34):

- центральное литературное место;
- литературные места, центры второго порядка;
- другие литературные места, ассоциативные, мемориальные и комплексные;
- исторические места;
- природные территории.

Основу личностного литературного ландшафта составляют литературные места. При этом всегда выделяется важнейшее — *центральное — литературное место*. Центральное литературное место — самое значимое в ландшафте; оно выступает также ландшафтообразующим механизмом. Это абсолютный центр, относительно которого выстраивается вся пространственная организация литературного ландшафта. В усадебных культурных ландшафтах центральным местом выступает усадьба литератора. Часто оно усиливается организацией в усадьбе музея. Центральным литератур-

ным местом может быть памятник поэту, памятник героям его произведений. Обычно оно хорошо маркируется социальными маркерами — направленностью туристических маршрутов, вторичным ономастическим освоением, ритуализированным поведением людей.

Другие значимые в литературном ландшафте *литературные места* — центры второго порядка — задают дополнительные важные пространственные смыслы, усложняющие его пространственную организацию и, тем самым, способствуют децентрализации ландшафта. В местах сгущения грозди литературных мест образуются сложные пространственные комплексы — литературные урочища.

Другие нелитературные — *исторические* — *места*-локусы формируют культурный контекст данного ландшафта. Они могут быть представлены городищами, историческими поселениями, сельскохозяйственными угодьями, историческими путями и т.д.

Природные территории образуют природный фон литературного ландшафта. Это могут быть лесные массивы, болота, речные долины, озера. Роль природных территорий и отдельных природных объектов в литературном ландшафте исключительно велика. Она «отвечает» за аутентичность, подлинность ландшафта, особенно в ситуации утраты исторических артефактов («Этот пруд видел Толстой», «Это дерево посадил Чехов»).

Литературный ландшафт — сложный природно-культурный территориальный комплекс, состоящий из литературных и нелитературных (исторических, природных) локусов.

Литературный ландшафт и триггеры его воображения. Из всех категорий культурных ландшафтов именно литературные ландшафты можно назвать «самыми воображаемыми». Литература представляет собой мощный механизм преобразования земного пространства: она «удлиняет» дороги, «организует» новые паломничества, притягивая в ранее никому не известные места миллионы людей, повышает имидж городов…

Почему именно литературные ландшафты обладают мощным потенциалом воображения? Это связано с наличием

в них множества очевидных и не сразу замечаемых «триггеров воображения».

Перечислим их:

- неоднородный природный и историко-культурный фон, порождающий природно-культурное разнообразие ландшафта и выступающий в качестве декорации литературного произведения и/ или эпизода жизни литератора;
- ландшафтные артефакты-новоделы, усложняющие природно-культурное разнообразие ландшафта;
- реальные ландшафтные артефакты, связанные с жизнью писателя;
- ассоциативные ландшафтные артефакты, связанные с жизнью литературного героя;
- существующие топонимы и топонимы-новоделы (геоконцепты), в своей совокупности формирующие ландшафтный текст;
- сохранившиеся, возрожденные и новые художественные ландшафтные практики — от традиционных народных праздников до «оживления» ландшафта и ландшафтных спектаклей *in situ*;
- новые социокультурные практики — от научных конференций до фестивалей поэзии *in situ*;
- экскурсии в пространстве литературного ландшафта;
- музеи и экспозиции *in situ*.

Верона и Михайловское как воображаемые литературные ландшафты. На примере двух кейсов (Вероны и Михайловского) будет рассмотрена история формирования, усложнение структуры литературных ландшафтов, роль ландшафтных проектировщиков, а также триггеры и потенциал воображения ландшафтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.; М., 1997.

Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия / География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М., 2008.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Калуцков В.Н., Матасов В.М. Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) / Географический вестник. 2017. Т. 1. № 40. С. 25–34.

Калуцков В.Н., Морозова М.М. Литературно-географический регион и процессы мемориализации пространства (на материале Орловской области) / Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 1. С. 79–93.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX веков (геокультурный аспект) / Под ред. Ю.А. Веденина. М., 1998.

Максаковский В.П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: Книга для учителя. М., 2006.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна М.; Л., 1928.

Tuan, Yi-Fu. The City as a Moral Universe / Geographical Review. 1988. Vol. 78. No. 3. P. 316–324.

И.Г. Коновалова

ВООБРАЖАЕМЫЙ ЛАНДШАФТ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Воображение — необходимый элемент представлений о «чужом» пространстве. Фрагментарные данные о далекой и малоизвестной территории воображение преобразует в географический образ, который позволяет представить себе физико-географические и другие особенности тех или иных ландшафтов, будь то город, сельская местность, страна или целый регион.

Исследователи средневековых географических сочинений часто рассматривают воображаемое как антипод реально существующего, в связи с чем у них появляется соблазн «вычесть» воображаемое из общей картины, чтобы выделить «достоверный» остаток информации. Однако роль воображения при создании географических текстов не столь однозначна — абстрагируясь от некоторых реальных деталей, оно тем не менее способно создавать такие географические образы, которые по-своему отражают действительное положение вещей (Коновалова 2008).

В докладе будет рассмотрено ментальное освоение Восточной Европы арабскими географами IX–XII вв., в представлениях которых ключевую роль играло описание речного ландшафта этого региона. Сопоставление созданных ими географических образов позволит проследить трансформации в описании речных систем Восточной Европы.

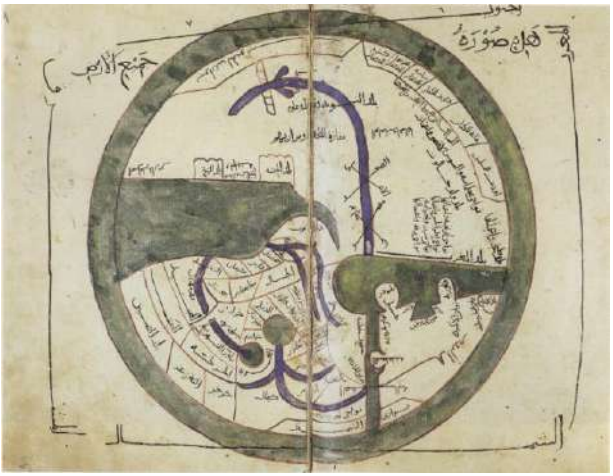
Первый более или менее внятный образ речных путей Восточной Европы принадлежит арабскому чиновнику и ученому IX в. Ибн Хордадбеху. Обрисовывая широтные и меридиональные пути Евразии, Ибн Хордадбех говорит о маршруте купцов-русов, который из северных районов ойкуме-

ны вел по «Танису — реке славян» в хазарский *Хамлидж* и в Каспийское море, где русы высаживались со своими товарами «на любом берегу», а иногда доходили оттуда до самого Багдада (BGA 1889: 154; Ибн Хордадбех 1986: 124). В другом разделе своей книги Ибн Хордадбех прямо отмечает, что *Хамлидж* расположен «в конце [устья] реки, которая течет из страны славян и впадает в море Джурджана (Каспийское. — *И. К.*)» (BGA 1889: 124; Ибн Хордадбех 1986: 109). Отсюда следует, что в понятие «Реки славян» информаторы Ибн Хордадбеха или он сам включали и Нижнюю Волгу, неизвестную им под собственным названием. Таким образом, под гидронимом «Река славян» вряд ли подразумевалась какая-либо конкретная река Восточной Европы. Скорее, это собирательное понятие о водных путях, по которым велось сообщение между Севером и Югом региона. Представление о «Реке славян» как о главной речной артерии Восточной Европы разделяли и арабские авторы первой четверти X в. — Ибн ал-Факих (BGA 1885: 270–271) и ал-Куфи (Куфи 1981: 50).

Одновременно с Ибн Хордадбехом или несколько позже него работал ал-Хорезми, принадлежавший к астрономическому направлению в арабской географии, в основе которого лежала переработка наследия Клавдия Птолемея. Ал-Хорезми последовательно придерживался координатного принципа в описании географических объектов, но вместе с тем приводил и новые данные, которые не могли быть выражены в рамках сетки координат. Взяв за основу данные Птолемея о водных путях Восточной Европы, ал-Хорезми существенно переосмыслил их (подробнее см.: Коновалова 2017: 274–276, 289–290). Все новации ал-Хорезми так или иначе касались описания водных путей, ведущих на север, и своим источником имели поступавшую в исламские страны (и, в частности, в Багдад, где работал ал-Хорезми) информацию о контактах между Севером и Югом Восточной Европы, осуществлявшихся по речным путям.

Идея ал-Хорезми о связи восточноевропейских рек бассейна Черного моря с северными морями получила дальнейшее развитие в трудах так называемой «классической школы» арабских географов X века. На картах ал-Истахри и Ибн

Хаукала «Море Рума» (Средиземное море. — *И. К.*) соединялось с Окружающим океаном посредством широкого пролива, начинавшегося у Константинополя и шедшего на север, через земли славян и русов, вплоть до северной границы ойкумены, омываемой Окружающим океаном. Река *Атил* (Волга. — *И. К.*) изображена на этих картах в виде самостоятельной водной артерии, причем на некоторых картах к сочинению Ибн Хаукала ее западный приток, протекавший по землям русов, соединялся с «Константинопольским проливом» (Илл. 1).



Илл. 1

Круглая карта мира из сочинения Ибн Хаукала
(Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi (Istanbul), Ref. A 3346, 479/1086 г.)
Ориентация южная

Говоря о реке *Атил*, Ибн Хаукал приводит ее другое наименование — «Река русов» (Opus geographicum 1938–1939: 13, 388), бытование которого и в XI веке подтвердит ал-Бируни, называвший *Атил* «Рекой русов и славян» (Бируни 1976: 473). Век спустя в сочинении арабского географа ал-Идриси мы вновь встречаем этот же гидроним, только под «Русской рекой» ал-Идриси понимает не *Атил*, а реку, никак с ним не связанную (Al-Idrīsī 1970–1984: 909–910; перевод —

Коновалова 2006: 115–116). На карте ал-Идриси «Русская река» изображена в виде огромной водной магистрали, пересекающей с севера на юг всю Восточную Европу и имеющую своим устьем Нижний Дон, Азовское море и Керченский пролив (Miller 1927: Taf. 56, 65–66). Картографическое изображение, а также описание «Русской реки» целиком является плодом работы ал-Идриси, сумевшего органично объединить сведения различных источников о стоящих на реках северных городах с представлением о речном пути, связывавшем между собой северные и южные районы Восточной Европы (подробный анализ гидронима см.: Коновалова 2006: 180–185). В сочинении ал-Идриси получило развитие и представление о связи Черного и Каспийского морей через впадающий в Черное море рукав реки *Атил* (подробнее см.: Коновалова 2006: 119, 221–224; см. Илл. 2).

Илл. 2

«Русская река» и река *Атил* на карте ал-Идриси
Реконструкция К. Миллера
Ориентация южная

Таким образом, на протяжении IX–XII вв. представление о речном ландшафте Восточной Европы в арабской географии претерпело существенные изменения. На смену «Реке славян» — первоначальному обобщенному образу восточноевропейских рек, посредством которого этот регион включался в систему трансконтинентальных торговых путей IX –

начала X в., — пришла идея о связи восточноевропейских рек бассейна Черного моря с северными морями через «Константинопольский пролив», который, в свою очередь, соединялся с бассейном реки *Атил* — иначе называемой «Рекой русов (и славян)» — через западный приток последней. В XII в. ал-Идриси, имевший множество современных ему сведений о реках Восточной Европе (благодаря которым он составил описания Днепра и Днестра), тем не менее сохранил гидроним «Река русов», понимая под ним уже не *Атил*, а воображаемую реку, пересекавшую всю Восточную Европу с севера на юг.

Несмотря на то, что представления арабских географов о восточноевропейском речном ландшафте эволюционировали, ядро этих представлений оставалось неизменным. Все рассмотренные авторы так или иначе концептуализировали восточноевропейское пространство как транзитное, но с ярко выраженной идентичностью — они говорили о связи Черного и Каспийского морей через впадающие в них реки и о возможности добраться по речным путям Восточной Европы до северных окраин ойкумены, а также называли реки по имени народов, деятельность которых была наиболее заметна в бассейнах этих рек. Таким образом, речной ландшафт Восточной Европы, описываемый арабскими авторами, это, в первую очередь, ландшафт человеческой деятельности, ландшафт речных путей сообщения региона, связывавших его с окружающим миром. Различные конфигурации речных путей Восточной Европы были связаны с поиском ответа на один и тот же вопрос — о способах передвижения по восточноевропейскому пространству. Поэтому трансформации речного ландшафта в арабских географических сочинениях IX–XII вв. шли рука об руку с изменениями географии торговых путей Восточной Европы.

Представления арабских географов о восточноевропейских реках свидетельствуют о том, что, во-первых, воображаемый ландшафт функционален и подвержен трансформациям, так как он формируется как ответ на вопрос, и во-вторых, что при всей своей умозрительности, речной ландшафт, изображаемый арабскими авторами, по-своему отражает реальность, как ее отражают и другие воображаемые

сухопутные, речные и морские пути — Шелковый путь, путь «из варяг в греки» Повести временных лет, «Восточный путь» древних скандинавов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абу Мухаммад Ахмад ибн А‘сам ал-Куфи. Книга завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981.

Абу-р-Райхан ал-Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1976. Т. V. Ч. 1.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Коновалова И.Г. Воображаемая география как отражение реальности // Теории и методы исторической науки: Шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 357–359.

Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М., 2010. С. 377–412.

Коновалова И.Г. Северная Евразия в исламской геокартографии // *Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А.* Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М., 2017. С. 219–328.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. T. V; 1889. T. VI.

Al-Idrīsī. Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.

Miller K. Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1927. Bd. VI.

Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū’l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... “Liber imaginis terrae” / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.

С.Л. Кропотов

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДСКИХ ЛАНДШАФТОВ КАК БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРИСВОЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Наличие активных городских сообществ является важнейшим условием формирования городской экономики. Мегаполисы сегодня оказываются местами репрезентации — представления себя миру — в конкуренции за признание для различных социальных групп путем непрерывного умножения самоописаний города. Риэлторы и ритейлеры, рабочие и ИТРовцы, интеллигенция и «новые умные» создают свои значимые места, мифы, мемы, культовые фигуры, стиль жизни, культурные практики, свой жаргон.

Нас интересует социальная динамика трансформации структуры городского воображения (последнее трактуется как процесс воспроизводства представлений о возможных ресурсах или переформатирования перспектив, необходимых как для ведения бизнеса, так и простого обеспечения жизнедеятельности социальных субъектов). В Екатеринбурге, как и в России в целом, можно констатировать усложнение общественной жизни при серьезном отставании (поляризации) политической системы. В нашем докладе мы хотим проанализировать три группы репрезентаций (пространственных, визуальных и текстуальных в традиционном, литературном смысле), свидетельствующих о попытках формирования в Екатеринбурге региональной идентичности в ситуации аномии. Во-первых, мы берем традиционные провластные репрезентации — от Храма-на-крови на месте гибели семьи Романовых. По замыслу региональных руководи-

телей начала 2000-х годов, этот проект был призван обозначить перед федеральными властями и инвесторами особый статус региона как места «Русской Голгофы». К этой же группе можно отнести и вполне светский проект городских властей с переносом на 20 км границы Европы и Азии из пригородной зоны в черту города, который можно трактовать как эвфемизм локальной гибридности, сочетания в регионе модерности и архаики. Во-вторых, корпоративные репрезентации, сделанные по заказу местных стейкхолдеров справочники и путеводители, ориентированные на три различных референтных группы: преимущественно бандитский «Е-бург» пермского беллетриста А.В. Иванова; «Место: нестандартный путеводитель» компании по управлению недвижимостью *RED*; и, отчасти, «Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920–1940» (изд-во TATLIN). Наконец, в-третьих, фильм «Страна ОЗ» В.В. Сигарева, действие которого происходит в Екатеринбурге в новогоднюю ночь в 2014 году.

Спектр адресатов, охватываемый данным корпусом текстов, включает нарочито безыдейных, но зато лояльных «практических русских», богемно-буржуазную интеллигенцию и творческих индивидуалистов. Как туристические, так и художественные тексты выполняют функцию ориентационную — служат тому, чтобы при всех различиях сделать повседневные практики (передвижения, шопинга, потребления и приготовления пищи и т.п.) ясными, легко читаемыми, позволяющими схватить целое для успешного оперирования в мегаполисе. Однако художественность достраивает еще один вектор — вообразимость, позволяет задействовать такой ресурс как воображение. Вслед за М. де Серто и Дж. Холлом мы будем различать «операциональность» и «вообразимость» как тактики и стратегии жизни в городе с коротким и долгим, но в условиях аномии трудно достижимым горизонтом планирования. В ситуации фрагментации и отсутствия связности современного мегаполиса, они осуществляют вторичное освоение распавшихся фрагментов органики индустриального города, упорядочивая энтропию в новых нарративах (маршрутах) публичных пространств.

Методологически мы опираемся на работы в области «новой культурной географии» и социологии постструктурализма. Так, при описании «активности» уральского пространства / и в пространстве мы исходим из методологических посылок теоретической социологии П. Бурдье, которая представляла для него, прежде всего, «социальную топологию». Он предъявляет нам «социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения *<…>*. <Социальные> агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их *относительным позициям* в этом пространстве. <…> Действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти и капитала, которые имеют хождение в разных социальных полях. Капитал, который может существовать в объективированном состоянии — в форме материального свойства или, как это бывает в случае культурного капитала, в его *инкорпорированном* состоянии (т.е. обретшим носителя, тело; интегрированным в субстрат, когда речь идет о свойстве, или в урбанистический ландшафт, как в случае с нашим объектом исследования. — *С. К.*) <…> — (Этот капитал) представляет себе власть над полем (в данный момент времени). Точнее, власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд (в частности, власть над совокупностью средств производства)» (Бурдье 2007: 15). При этом угнетенные силы и периферийные регионы, «стоящие в подчиненной позиции в социальном пространстве, занимают ее также и в поле производства символической продукции, потому (что) не ясно, откуда они могли бы получить средства символического производства, необходимые для выражения их личной точки зрения на социальное» (Бурдье 2007: 34). Таким образом, восходящие социальные субъекты — бывшие индустриальные города и их элиты — по мере утраты промышленного потенциала приобретают на протяжении 1990–2000-х годов изначально отсутствующие у них средства символического производства для выражения-конструирования своей уникальной идентичности. При этом любое художественное или научное описание городского ландшафта как бы переконст-

руирует его — вычленяя одни элементы, опускает другие, упорядочивая разрозненные фрагменты города в мифологически связную (как, к примеру, у А.В. Иванова в книге «Е-бург») и, зачастую, натурализированную картину социума, агональность которого детерминирует «сама природа восточного склона Уральских гор» в своих позитивных и негативных качествах.

Мы полагаем, что активные силы или «действующие свойства» уральского пространства, определяющие его «податливость» или «неуступчивость», «пассивность» или «агрессивность» и «энергичность», могут быть начисто лишены какой-либо «мистичности», природной предопределенности. Символический капитал есть работа по производству и внушению смыслов, «почти магических названий» и мифов, способных вызывать явления к жизни при помощи номинации. Это репрезентация социальных различий, функционирующих символически как *пространство стилей жизни*, делающих субъекта замеченным, обособленным и — вся эта грандиозная работа по производству видимых *различительных знаков* статуса класса или места осуществляется в поле культуры и посредством борьбы внутри него. При этом речь идет не столько об индивидуальных, сколько о коллективных субъектах (классах, партиях, корпорациях, региональных элитах), способных «*делать* различия, считающиеся значимыми в рассматриваемом социальном универсуме» (Бурдье 2007: 24–25).

Во втором десятилетии XXI в. этот «парад символической суверенности» сходит на нет. Безразличие федерального центра по отношении к периферии, от которой требуется лишь лояльность, — это безразличие вписано в структуру самого социального пространства и нынешней политической системы. И теперь «символический капитал» или социальный капитал (доверие) делегируется сверху назначенцам в регион. При отсутствии у операторов федерального центра на местах представлений о значимых для горожан символах, в тактическом управлении воображением они ограничиваются набором традиционных тем, в значительной степени исчерпанных («опорный край державы», «аэропорт имени Акинфия Демидова», никак не связанного с Екатеринбургом). Кроме этого власти активно используют в борьбе за

привлечение ресурсов лишь последовательное продвижение мега-событий типа Саммит ШОС и БРИКС (2009), Чемпионат мира по футболу (2018), заявка на ЭКСПО-2020, Универсиада-2022 и т.п. Все они абсолютно индифферентны в отношении локальных идентичностей (Трубина 2012:117–119).

Бурдье хорошо понимал, что «реальная автономия поля символического производства не препятствует тому, что оно остается подчиненным в своем функционировании принуждению, которое господствует в социальном мире, и <что> соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира. Таким образом утверждается неизменность этих соотношений сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорционально их символическому капиталу, то есть получаемому ими от группы признанию» (Бурдье 2007: 27). Подчеркнем, что применяемые в гуманитарной географии ключевые категории перцепции и феноменологии пространства (такие как образное восприятие, перспективное воображение, географическое представление) приспособлены к тому, чтобы изменять видение, меняя категории восприятия. И потому внутри научного и художественного дискурса мы вправе обнаруживать именно автономность символического измерения. Так, вместо деполитизации вопросов градостроительной политики и благоустройства приходит время встречной политизации вполне нейтральных репрезентаций природных форм для построения локальных воображаемых идентичностей (например, сохранение наследия конструктивизма и продвижение культа уральских орхидей дизайнером и издателем Э. Кубенским). Другой пример демонстрирует экологическое движение «Парки и скверы», деятельность которого не ограничивается протестами 2019 г. против застройки популярного общественного пространства культовым объектом. Опыт Екатеринбурга, а ранее и Санкт-Петербурга, отстоявшего свою «небесную линию» (Гладарев 2013: 27, 137, 144), — показал, что ресурс гражданской мобилизации для сохранения памятников природного и культурного наследия, экологии

городской среды с помощью грамматики близости, объединения людей вокруг общественных мест (пространств солидарности), — ресурс этот демонстрирует растущий потенциал в формировании ситуационных воображаемых сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

Гладарев Б. «Это наш город!»: Анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия // Городские движения в России в 2009–2012 годах: На пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М., 2013. С. 23–145.

Трубина Е.Г. Полис и мегасобытия // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2012/3/polis-i-megasobytiya, дата обращения — 24.12.2019].

О.Н. Купцова

ОБРАЗЫ ТЕАТРА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЫ

В культурном ландшафте театральная архитектура, театральные «локусы» — площади, районы, улицы, памятники, театральная топонимика — репрезентируют «память» о месте и роли театра (не только как вида искусства, но и шире: социокультурного явления) в городской жизни. «Летучее» искусство театра визуально остается закрепленным прежде и более всего в архитектуре, воплотившей театральные программы прошлого. Город невольно выступает «живой» историей театра, фиксацией опорных точек этого по сути устного искусства.

Театральные здания, как правило, живут дольше тех программ, ради которых они были созданы. В городском ландшафте, таким образом, одновременно сосуществуют, ведут диалог, борются представления о театре многих эпох, происходит постоянная трансформация, приспособление, актуализация и ремифологизация разнообразных культурных образов театра.

Современная Москва использует/эксплуатирует для театральных событий как театральные здания XVIII–XXI вв., так и не специальные, ранее нетеатральные помещения, а также открытое пространство.

Доклад посвящен проблеме взаимодействия, взаимовлияния «старых»/традиционных и «новых» театральных образов в культурном ландшафте города; изменениям в московской театральной картографии. В первое десятилетие XXI в. расширение ряда культурных образов театра шло, в первую очередь, через реконструкцию/строительство зданий по индивидуализированным, авторским, часто создан-

ным совместной фантазией режиссера и театрального художника проектам («Школа драматического искусства», «Мастерская П.Н. Фоменко», «Студия театрального искусства», Электротеатр «Станиславский» и др.). Один из главных и актуальных нынешних сюжетов — конфликтное существование «старого» представления о театре (и модели так называемой итальянской или ярусной архитектуры — «театра-мира», и репертуарного театра, «театра-дома», и др.) с «новыми» образами (в частности, «театра городской среды», вышедшего за пределы закрытых зданий и отправившегося в путешествие-прогулку-экскурсию по городу, а также осваивающего нетеатральные пространства: фабрики, заводы, вокзалы, музеи, библиотеки и пр.).

О.А. Лавренова

ВООБРАЖЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В современных теориях культурного ландшафта важное значение имеет информация, которая зачастую изучается уже совершенно самостоятельно, как образы, знаки, метафоры, связанные с географическим пространством и географическими объектами.

Семиотическая концепция культурного ландшафта предполагает изучение его как знаковой системы, причем не абстрактной, а закрепленной на земной поверхности, в частности, через топонимы.

Процессы семиозиса, постоянно происходящие в культуре, неизбежно затрагивают конкретные места на земной поверхности, а также используют географическое пространство, его объекты и закономерности, в качестве «материала» для построения разнообразных кодов и смыслов.

В этом процессе немалую роль играет воображение. Природа воображения обычно обсуждается с двух противоположных точек зрения — является ли оно дверью в иные миры или исключительно произвольным конструктом человеческого сознания. С одной стороны, происходит конструирование воображаемых пространств на основе культурогеографической информации, с другой — на реально существующие ландшафты зачастую налагается флер придуманных образов разной степени абстрактности или отвлеченности.

В результате ландшафт выступает как пространственная развертка значений — абстрактные смыслы, концепты и соответствующие им знаки разворачиваются на земной поверхности.

Трансцедентные смыслы и география

Базовые закономерности бытия земного пространства определяют схемы построения образов запредельных миров. Например, представления о разных уровнях Небес, расположенных одно над другим, разных уровнях инфернальных пространств, уходящих вглубь земли, по сути используют схему движения «вверх-вниз» и наблюдения изменяющихся природных условий в зависимости от высоты над уровнем моря, изначально характерную для природных ландшафтов.

Даже самые сокровенные понятия человек пытается вообразить и выразить с помощью привычных образов, укорененных в земном пространстве, вошедших в ткань обыденного языка и в философский метаязык, — гора, пустыня, река, океан и т.д.

В Упанишадах можно встретить выражение «Океан огня», с помощью которого описывается изначальное космическое пространство до Большого взрыва (если применять язык современной физики к древним текстам).

«Волны Хаоса» — устойчивое выражение, встречающееся в индо-европейских языках, также связанное с космогоническими теориями.

«И у Господа есть приливы и отливы, как у моря, Он оставляет иногда праведника, и тот тоже бывает сух, будто обнажившаяся галька», — говорит Экзюпери устами своего героя (Цитадель, CCXVIII).

С другой стороны, конкретные сакральные пространства, связанные со священным писанием или преданием, ценны именно побуждением человеческого воображения к полету в мифологические и транцедентные миры. Причем священные места определенной смысловой наполненности могут мигрировать довольно далеко от локусов, где с наибольшей вероятностью происходили те или иные мифологические события. Для этого необходимо перенести какой-то материальный элемент или план изначальной местности.

Например, дерево Боддхи в Анурадхапуре (Шри Ланка), почитается как дерево Будды, хотя по преданию Его просветление совершилось на севере Индии. Почитаемое дерево

выросло из привезенного сюда семечка того самого изначального дерева, под которым медитировал царевич Гаутама.

Новый Иерусалим построен по принципу перенесения в российский ландшафт плана основных иерусалимских святынь. Каждый элемент своим названием должен пробудить воображение, напомнить о событиях, описанных в Евангелиях, и настроить человека на молитвенное предстояние перед Богом.

Выдуманные и реальные ландшафты

Когда в литературных произведениях или в художественных фильмах создаются новые ландшафтные образы, они явно наследуют те же закономерности бытия земного пространства. Попытки опротестовать закономерности земного пространства обычно не заканчиваются принципиальным переконструированием пространства. «Марсианские хроники» Рэя Бредбери, фантазийные миры Урсулы ле Гуин и другие — по сути всего лишь его модификации, где меняется цвет, климат, период сезонных изменений, но остаются горы, песок, море, приливы и отливы и т.п., подобно тому как если на портрете нарисовать усы, выражение глаз будет прежним, и это все равно останется тот же портрет.

Фантазийные кинематографические ландшафты еще больше связаны с реальностью, поскольку для съемок необходима натура, которая потом перерабатывается с помощью компьютерной графики. Так, отснятые в Новой Зеландии прототипы мест действия саги «Властелина колец» в результате становятся местами притяжения туристов, и в каждом пейзаже воображение человека дорисовывает картины фильма. Для молодого поколения этот фильм уже потерял свое культовое значение, но молодые люди из разных стран специально перед визитом в Новую Зеландию смотрят эту ленту, чтобы обеспечить себя необходимым багажом воображаемых картин для полноты восприятия реальных ландшафтов.

Другой культовый фильм — «Аватар» — породил новые слоганы для туристических маршрутов по Китаю, где иноземцам демонстрируются парящие над землей вершины как горы «Аватара». Визуальный эффект, порождаемый низко лежащими облаками, издавна отображаемый в китайской

живописи, теперь ассоциируется не с традиционным мастерством художников, а с упомянутым фильмом, в котором с помощью компьютерной графики вполне земные ландшафты превращены в фантазийные летающие горы.

Пейзажная живопись — мечты о ландшафте

Вполне реалистичная пейзажная живопись представляет собой стилизацию видимой реальности. Художественный стиль эпохи выступает как способ унификации эстетических предпочтений. Например, пейзажи малых голландцев представляют собой довольно однотипные образы.

XX век в искусстве ознаменовался разнообразием стилей и жанров. Привносится личностная образность в изображение ландшафтов, происходит его разъятие на цвета и простые формы. Используются неожиданные цветовые сочетания, в художественное пространство входят «гении места» — связанные с ним исторические или мифологические персонажи, мифологизированные местные жители.

Изображаемый пейзаж с помощью творческого воображения становится уникальным, в нем проявляется разная степень субъективности, персонифицированные образы и индивидуальные стили. Таковы Гималаи Н. Рериха, Крым М. Волошина и К. Богаевского, Таити П. Гогена, Аляска Р. Кента, Витебск М. Шагала — все эти художественные миры весьма далеки от реальности, хотя и сохраняют генетическую связь с первообразом.

Сады и парки — реализация воображаемых пространств

Одно из первичных значений сада в культуре — воплощение принципа рая. Рукотворный культурный ландшафт строится как своеобразная икона, выражающая религиозное миросозерцание и своими частями символизирующая на плоскости «вертикальные» слои мироздания. В этом пространстве есть место и для потусторонних сил и мифологических персонажей. Это приводит к сакрализации либо ландшафта в целом, либо его частей.

Мечты о рае находят воплощение в иконографии конкретных садов и парков разных эпох. Поиск утраченной бла-

женной земли компенсируется ее конструированием в ландшафте, превращается в онтологический абсолют, в осознанное природно-человеческое единство.

Другой вариант — сказочные пространства вроде Парка Мумми-троллей в Наантали (Финляндия), где в реальном ландшафте целенаправленно создаются фантазийные места. По образу и подобию локусов, описанных в литературных произведениях, создаются парки и строения, которые обыгрываются в последующей работе с посетителями. В том же Мумми-доле в Финляндии гостей встречают все персонажи сказок Туве Янсон.

* * *

Таким образом, мы видим, воображаемые пространства оказываются неразрывно связанными с земными прототипами, и, наоборот, формируют стереотипы восприятия конкретных мест и даже создаются определенные локусы, которые по мере возможности копируют фантазии литераторов. Формируется единое геокультурное пространство, в котором есть места, стимулирующие воображение и выводящие сознание в иные миры.

М.В. Лескинен

В ПОИСКАХ «ИСТИННО» РУССКОГО РЕГИОНА И ЭТНИЧЕСКОГО ТИПА

КОНКУРИРУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ РУССКОСТИ В ПЕРИОД КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИИ

Термин «ландшафт» применялся в немецкой географической науке начиная с 1830-х гг., хотя вплоть до 1880-х гг. как в европейских языках, так и в русском, «ландшафт» («пейзаж») трактовался прежде всего как «красивое сельское местоположение и рисунок, представляющий внешний вид» (Михельсон 1883: 368). Первыми в качестве научного понятия термин начали использовать А. Гумбольдт и К. Риттер (Сухова 1981: 45). Создавая учение о ландшафтах на основании сравнительного метода, Риттер выделил ландшафтные пояса (природные зоны), а также выявил «физиономию» природы каждого ландшафта путем сравнения географических и биологических параметров природно-климатических комплексов. А. Гумбольдт, разработав концепцию ландшафта, объявил его главной географической единицей с четко выраженными естественными границами, устанавливаемыми исходя из природных факторов (Сухова 1983: 46-47). Хозяйственная деятельность, антропологический облик, быт и историческое развитие населения, по мысли А. Гумбольдта, определяются ландшафтом и изменяются вместе с ним. Понятие «типичного» оказалось центральным в формировании ландшафтной теории, расцвет которой пришелся на первые десятилетия XX века. «Тип» ландшафта выявлялся на основании комплексного изучения и последовательного сравнения отдельных его элементов. Способ выделения ландшафта был связан с аналитическими процедурами сравнения и реконструкции, так как границы ландшафта нуждались в обос-

новании. Это невозможно было осуществить без обращения к методу типизации, поскольку ландшафт в сущности и был «типической местностью».

Термин «ландшафт» получил распространение в российской науке благодаря именно трудам К. Риттера. Его книгу перевел на русский язык П.П. Семенов (с 1906 г. — Семенов-Тян-Шанский) (Риттер 1856), риттеровское понимание закономерностей развития и взаимосвязей природы и общества, географических и этнографических факторов было воспринято в России и повлияло на особенности формирования концепций этнического и национального типов в процессе нациестроительства в Империи.

Во второй половине XIX в. бесспорными при определении этнотерриториального типа представлялись два фактора: а) воплощением национального типа характера считался представитель народа, в аграрном обществе это был крестьянин, и как следствие б) типичный пейзаж связан был с природным окружением сельского труженика и ассоциировалось с негородским природным пространством — как освоенным человеком (поля, пастбища, селения) и неосвоенным (лес, реки, озера). Как правило, на воплощение народного или национального типа «претендовали» этнические группы (не этносы, а субэтносы, именуемые «отраслями» или «поколениями» народа-этноса), исторически связанные с «признанным» типичным ландшафтом или те, которые рассматривались как менее всего затронутые влиянием цивилизации и сохранившие древние устои и традиции (Rosander 1988). Несколько иначе протекал этот процесс в полиэтнических государствах или империях: там большую роль играли исторические заслуги народа/этноса в создании государства и его культурном процветании (Honko 1988).

Поиск этнорегиональной типичности — в пространственных, временных и антропологических координатах — можно считать характерным для европейской науки того времени процессом. Начиная с 1880-х годов в Российской империи формируется новое направление, свидетельствующее об укреплении концепции регионализма как основы государственного единства. Речь идет о попытке обозначить

в качестве значимых и единых те области страны, которые ранее уже репрезентировались как типичные регионы. Но они трактовались таким образом не с точки зрения этнической чистоты (как это пытались определять ранее), а, напротив, выступали примером успешного сосуществования и экономического процветания различных этносов, конфессий, профессиональных групп.

С 1890-х годов к критериям районирования добавился экономический фактор. Именно в это время на роль важного с точки зрения торговли и «благосостояния народа» претендует Среднее Поволжье (его «началом» по течению Волги, как известно, является Нижний Новгород, «нижней» границей — впадение Камы). Этот ареал исторически воспринимался исконно «своим», относящимся к национально-государственному «ядру» или приближенным к нему (Горизонтов 2004: 210–214). В этническом отношении регион должен был стать эталоном межконфессиональных отношений и цивилизаторской политики русских на восточных (цивилизуемых) окраинах Империи. Однако активная «апробация» на роль «истинно русской» (в значении «великорусской») земли Поволжья — главным образом Верхней и Средней Волги более связана с разработкой концепции «Волги-матушки — (кормилицы) русского народа». Сама формула-метафора была не нова, но теперь она актуализировала в первую очередь роль русского Поволжья как образца для типизации «русскости». Стремление включить Поволжье в ареал русского «ядра» можно заметить в размышлениях А.Н. Пыпина — в его известной работе «Волга и Киев» (1885). Неслучайно эта статья послужила отправной точной для рассуждений о русском национализме историка А.И. Миллера (Миллер 2006). Такие особенности волжского региона как расовое и этническое, а также конфессиональное разнообразие рассматривались как дополнительный позитивный фактор. Так демонстрировалось мирное сосуществование разных этнокультурных групп — в качестве образца для истинно-русского и имперского бытия. Ведущая роль торговли в жизни волжских городов и процветание купечества под-

тверждали гармоничное сосуществование разных сословий (Лескинен 2016: гл. 7).

Рассуждения этнографов и антропологов о великорусском типе в 1860-е – 1890-е годы отражали не только теоретические дискуссии о национальном с точки зрения конкретных научных данных, но и наиболее характерные тенденции в поисках «чистого» в антропологическом и этническом отношении великорус. На воплощение народного или национального типа «претендовали» этнические группы («отрасли», или «поколения»), исторически связанные с «признанным» типичным ландшафтом, или те, которые рассматривались как менее всего затронутые влиянием цивилизации и сохранившие древние устои и традиции. На роль регионального типа, «назначенного» истинным выразителем русской национальной этничности, претендовали сначала обитатели Центральной России — то есть так называемой «внутренней» России, «кондовой» Руси — ведь именно эта нечерноземная зона, земли, вошедшие в состав Московского государства на раннем этапе, считались наиболее типичным русским регионом. С 1880-х годов на это место в истории и этничности ставят Русский север (северно-русские губернии), жители которых, как утверждалось, сохранили в максимальной чистоте как истинный славянский (неиспорченный финно-угорскими влияниями и метисацией) характер с присущими ему добродетелями и физической красотой, а также формы быта, культуры, фенотип, нравственные качества — потому что не были затронуты ни татарским игом, ни крепостным правом. В этих поисках отразилась важная с точки зрения этнической истории убежденность в том, что великорус является прямым потомком новгородских (ильменских) славян и одновременно — наследником Рюриковой государственности. Эти две мифологические концепции функционировали нераздельно (Лескинен 2016: гл. 6).

Таким образом, во второй половине XIX столетия в разных концепциях на роль истинно-русской земли «назначались» разные регионы, а их русские жители — на статус типичных великорусов (бедствовавшие в 1860-х – 1880-х годах

великорусы Нечерноземья, крестьяне «средних черноземных» губерний, благополучные жители Московской промышленной области — ярославцы и костромичи — или метисные в антропологическом отношении русские всего Волжского региона, а также стойкие к невзгодам обитатели Русского севера и др.). Следует подчеркнуть, что главным основанием выбора в процессе нациестроительства — и это было общей чертой европейского процесса «конструирования наций» — вначале становился природно-географический фактор: необходимо было определить типичный ландшафт, то есть «эмоционально окрашенный образ пространственного единства» (Филиппов 2002: 59), локализовать его на карте страны и лишь затем выявить степень чистоты или число представителей этноса, претендующего на репрезентанта нации — поскольку вплоть до конца столетия господствовали идеи географического детерминизма, согласно которым именно ландшафт определяет этнокультурную самобытность человеческих сообществ. В целом механизм избрания такой национально-репрезентативной области можно определить как универсальный в процессе формирования национальной идентификации в Европе XIX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 210–226.

Лескинен М.В. Великороссы / великорусы. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.

Миллер А. Империя и нация в изображении русского национализма // *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 147–170.

Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов. М., 1883.

Пыпин А.Н. Волга и Киев // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 188–215.

Риттер К. Землеведение Азии: География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири / Пер. … с доп.,

служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародов. с 1832 г. и сост. П. Семеновым. СПб., 1856.

Сухова Н.Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981.

Филиппов А. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2002/6/geterotopologiya-rodnyh-prostorov, дата обращения — 26.12.2019].

Honko L. Studies on Tradition and Cultural Identity: An Introduction // Tradition and Cultural Identity / Ed. by L. Honko. Turku, 1988. P. 7–26.

Rosander G. The “nationalization” of Dalecardia. How a special province became a national symbol of Sweden // Tradition and Cultural Identity / Ed. by L.Honko. Turku, 1988. P. 93–142.

О.В. Лысенко

ОТ «КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ» ДО «ТИХОГО ОМУТА»

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОДНОЙ ЗАВОДСКОЙ ОКРАИНЫ ГОРОДА ПЕРМИ

Доклад опирается на результаты исследования, проведенного в сентябре-октябре 2018 года в одном из удаленных микрорайонов г. Перми под названием «Бумажник», а на языке неформальной топонимики города — в поселке Голованово, по названию деревни, некогда там существовавшей, и станции железной дороги. Это одна из самых удаленных окраин Перми, отстоящая от центра на 25 км и расположенная на стрелке рек Кама и Чусовая. Здесь проживает около семи тысяч человек, как в многоквартирных домах (двухэтажных сталинского типа и в пятиэтажных «хрущевках»), так и в частном секторе.

Инициировано исследование было местным градообразующим предприятием, Пермским целлюлозо-бумажным комбинатом (ПЦБК) в преддверии своего 60-летия. Полевая часть исследования включала серию экспертных интервью (общим числом 20) с руководителями общественных и бюджетных организаций на территории поселка, с руководящими работниками ПЦБК, с местными активистами, а также пять фокус-групп, две из которых были проведены с работниками комбината, проживающими в микрорайоне (10 участников из рабочих и 10 — из числа офисных работников и ИТР), а три — с жителями поселка трех возрастных категорий: молодежью, людьми среднего возраста и пенсионерами (9, 13 и 10 человек соответственно).

Исследование, помимо утилитарных целей, должно было прояснить такие вопросы, как место локальной поселковой идентичности в структуре других территориальных идентичностей, свойственных современному россиянину (общегородской, региональной, всероссийской и т.д.), описание содержательных элементов самоидентификации и самопрезентации жителей поселка (образов, тропов, символов), элементов исторической памяти жителей Голованово и т.п. Иными словами, бóльшая часть бесед с информантами так или иначе вращалась вокруг их представлений о поселке, его истории, о взаимоотношениях головановцев с жителями других районов и микрорайонов Перми, то есть как раз о культурном ландшафте поселка, воплощенном в материальные объекты и воображаемом. Поэтому полученный материал позволяет пролить свет на динамику представлений жителей поселка о том месте, где они проживают.

Собранный материал ценен также тем, что он отражает мнения людей, обычно не имеющих шансов быть услышанными. Действительно, культурный ландшафт обычно конструируется на основе литературных произведений, материалов СМИ, интернет-публикаций, иных текстов, произведенных *образованными для образованных*. Они (тексты) логичны, грамотны, хорошо структурированы и декорированы, но все же отражают только часть (и, возможно, малую) тех смыслов, которыми формируется социальное и культурное пространство. Здесь же, на полутора тысячах страниц стенограмм перед нами предстают смыслы и образы, бытующие в основном в устных рассказах и преданиях и выступающие доктринальной основой для многих повседневных практик.

За неимением возможности привести здесь анализ всех результатов исследования, ограничимся только некоторыми кратко сформулированными выводами с минимальными цитатами.

Итак, в представлении большинства опрошенных экспертов и участников фокус-групп история Голованово начинается в 1959 г. со строительства комбината, а точнее — древесно-массового завода (ДМЗ), ставшего первым производством из всех существующих ныне на комбинате.

Впрочем, есть и иные версии основания поселка, призванные придать ему более высокий статус в глазах рассказчиков за счет сдвига даты возникновения далеко в прошлое. Есть, например, история о некоем «умном Головане», от чьего имени-прозвища пошло название деревни «Голованы», позднее трансформировавшееся в Голованово (о том, что поселок существовал задолго до завода, некоторые рассказчики находят неожиданное подтверждение и в фильме «Волга-Волга», 1938 года, где сцена переправы якобы снималась как раз напротив поселка; документальных свидетельств этому нет). Есть также версия, что некогда здесь, на стрелке рек Чусовой и Камы, собирались караваны судов с пушниной, железом и медью, существовали перевалочные склады для перегрузки товары с чусовских барок на большие баржи — версия, ставшая популярной явно под влиянием писателя А.В. Иванова. Это, кстати, дает основание некоторым жителям Голованово даже чуть свысока поглядывать на Пермь («Да, от нас пошла Пермь, понимаете. Мы сейчас окраина Перми, но когда-то здесь был самый центр» — здесь и далее текст в кавычках обозначает цитаты из стенограмм интервью и фокус-групп). Существует даже совсем экзотическая версия о проживании поблизости Заратустры («Да, конечно, он отсюда родом, это установили»), поскольку на другом берегу Чусовой нашли древнюю археологическую стоянку.

Впрочем, такие краеведческие изыски известны немногим, в основном — местным библиотекарям и учителям. Для подавляющего большинства жителей история поселка напрямую связана с историей комбината, который многие информанты (в том числе и молодежь) по привычке до сих пор называют «завод»: «Сначала у нас было ПЦБК, а потом уже появился поселок». В таком утверждении есть некоторое самоутверждение, мол, мы сразу были частью города, решительно потеснившего местные деревни. И только у некоторых информантов, чьи предки давно проживали на территории микрорайона, еще сохранились семейные предания о населенных пунктах, существовавших до поселка.

Существует, как минимум, две версии о том, кто составил костяк населения будущего поселка: парадная и реали-

стическая. Первая версия вполне вписывается в каноны советского прошлого: поселок был заселен в основном приезжими специалистами, попавшими сюда либо как комсомольцы-добровольцы, либо специалистами по распределению, что и объясняет его прекрасное прошлое, когда «все жили дружно и весело», и особый, здоровый климат поселкового сообщества тех лет. Особенно это подчеркивается через сравнение с соседним микрорайоном Гайвой, возникшим на месте лагерей строителей КамГЭСа (трудармейцев из числа русских немцев, депортированных в начале войны, вероятно, уголовных заключенных и немецких военнопленных), «из зон именно сидельских». Как говорят наши информанты, «на Гайве люди не такие хорошие как у нас <…>. Все равно менталитет на следующих поколениях <…> он проявляется, людям там действительно на все наплевать».

Вторая версия происхождения поселка не столь оптимистична. Она сохраняет память о разных источниках пополнения населения Голованово: о жителях деревень, затопленных при строительстве Камской ГЭС (заполнение водохранилища проходило в 1954–1956 гг.), либо просто существовавших рядом, о крестьянах, бежавших в города от хрущевских реформ, о распределенных после окончания вузов и техникумов специалистах, об оставшихся после службы в армии молодых людях, в основном из Белоруссии, поскольку «они ведь были под оккупацией, Белоруссия была разбомблена, было голодно», а здесь «была работа, жилье и перспективы», и даже «улицы были — Пинская, Сестрорецкая», о ссыльных и раскулаченных с Украины и Прибалтики («существовал целый кулацкий поселок»), о бывших полицаях, «боявшихся возвращаться домой после войны», которых «сильно не притесняли, но если мужики выпьют то, конечно, припомнить иногда и могли… где-то там за стопочкой», и даже о некой «баронессе» и «людях были высокого сословия еще из царской России».

Все вместе это стало неким плавильным котлом позднесоветской промышленной цивилизации, где постепенно стирались различия, забывалось прошлое, уходила память о семейных трагедиях, все вполне в духе советской идеологии.

Осью, стержнем этой жизни оставался завод (комбинат), вокруг которого выстраивалось пространство поселка, который дал ему имя («Старые люди все его называли “Бумажник”, это официальное название»), давал ритм жизни («Три с половиной тысячи людей утром шли на работу на завод все вместе»), работу и все основные социальные блага, включая баню, образование, детский сад, развлечения, культуру (ДК), спорт («Был стадион, с трибунами, там соревнования проходили»). Героями там были директор завода и главный инженер, жившие тут же, в поселке («не то, что нынешние»), спортсмены, местный писатель (кстати, весьма известный — Лев Иванович Кузьмин), местные чудаки и веселые пьяницы.

В постсоветские годы этот идиллический образ, разумеется, был разрушен. Несмотря на то, что ПЦБК сумел выжить и даже процветает, прежний патерналистский контракт между ПЦБК и жителями поселка оказался разорван: руководство комбината предпочитает брать на работу за меньшие деньги жителей городов-спутников Перми (Добрянки, Краснокамска), в то время как жители поселка в массе своей ездят на работу в краевой центр и получают, соответственно, больше. На это накладываются обиды из-за низких зарплат, плохого состояния жилья (поселок, действительно, выглядит непрезентабельно и бедно), проблем с экологией (неприятные запахи и грязные стоки) и т.д.

Изменился и состав жителей Голованово. С одной стороны, теперь здесь появился коттеджный поселок, куда переезжают обеспеченные жители центра, привлеченные близостью леса и реки, а с другой — прежние заводские дома все больше заселяются выходцами из края, привлеченными низкой стоимостью жилья, что приводит к возрастающей социальной поляризации, и, вслед за этим — к изменению смысла территории. Теперь это уже глубокая внутригородская провинция со всеми вытекающими последствиями: постепенным бегством «в город» образованной молодежи, запустением и ликвидацией «третьих мест» (по Р. Ольденбургу), падением качества образования и медицины.

Заправляют этой провинцией люди «из центра» — сотрудники администрации ПЦБК, руководители местных му-

ниципальных учреждений (школы, поликлиники, детского сада), помощники депутатов, постоянно не проживающие на территории поселка, но приезжающие сюда на работу. С их точки зрения, местные суть «аборигены», в чем-то милые и наивные, в чем-то — грубые и недалекие, но в любом случае нуждающиеся в опеке и управлении. По сути, в своей работе они опираются на этакий колониальный дискурс на местный манер.

Им противостоят по мере сил либо местные активисты из числа жителей коттеджей, либо местные интеллигенты, конструирующие из подручного материала мифологию места на новый манер (см. выше про Заратустру и караваны). Но во всех случаях Голованово теперь — это просто тихая окраина, либо отмеченная печатью упадка, либо таящая в себе прелести субурбии, либо «вещь в себе», непонятная чужакам.

А. де Ля Фортель

ПРЕДЕЛЫ ЗАБВЕНИЯ

МНЕМОТОПИКА И МНЕМОТОПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Под «мнемотопикой» в докладе подразумевается литературная репрезентация пространств, которые коррелируют в топографическом аспекте с реальным ландшафтом и которые связаны с проблематикой исторической памяти; исследование же и описание сложного взаимодействия текста, пространства (ландшафта) и памяти предлагается называть «мнемотопологией» (де Ля Фортель 2020).

2. Выступление ставит своей целью показать на примере нескольких автобиографических романов С. Лебедева (Лебедев 2012, 2016), каким образом мемориальная проблематика современной русской литературы соотносится с пространственными парадигмами и как эти последние, формируемые особым воображением и представлением северного лагерного ландшафта, становятся важной составляющей нарратива метапамяти. Пространство и ландшафт в анализируемых текстах играют важную смыслообразующую роль, являются не просто фоном, декорацией, функцией, не просто механизмом, порождающим «эффект реальности», а утверждаются как «мотор» повествования, как независимая означивающая инстанция, определяющая и структурирующая также и непространственные характеристики текста (де Ля Фортель 2019).

3. В качестве основных эвристических моделей для исследования мемориальной тематики лебедевских текстов, вписывающихся в общеевропейскую литературную парадигму травматической «постпамяти» (Hirsch 2012), предлагается использовать теории памяти и забвения, сформули-

рованные Полем Рикером, который заложил эпистемологическую основу для исследования дискурсивных мемориальных практик современной культуры (Рикер 2004), а также концепции Алейды Ассман (Ассман 2017, 2018).

4. Память у Лебедева рассматривается в аксиологической перспективе как «добродетель, которая по своему существу и назначению обращена к другому» (Рикер 2004: 129), что обуславливает ее концепцию и с точки зрения прагматики. Память предстает как *проект*, обоснованный этической и ценностной ориентацией на «долг воздания справедливости — через память — иному, нежели «я»» (Рикер 2004: 129), как обязанность вернуть в настоящее голос жертв прошлого, которые оказались вычеркнуты из манипулируемой и фальсифицируемой идеологией истории (де Ля Фортель 2020).

5. «Возвращение имен» и голоса жертвам репрессий неотделимо в проекте справедливой памяти от противостояния пространственной «амнезии» (Катерина Кларк обозначает советский террор второй половины 30-х годов как производство «нелиц и непространств», см.: Кларк 2009) — от создания нарратива о месте их гибели (лагерный ландшафт), которое должно вернуться в историю через пространственный же язык литературных форм, о нем свидетельствующих.

6. Тексты Лебедева создают подобный нарратив, одновременно эксплицитно поднимая вопрос о модальностях его формирования: спациальные отсылки вводят в повествование географическую территорию через размышления о функционировании того языка, при помощи которого данное пространство обретает свое дискурсивное воплощение (констатация несоответствия «привычного языка» объекту описания, разрыв между знаком и референтом, проблема произвольности знака).

7. Наиболее яркий пример пространственного языка, который становится основным инструментом лебедевской мнемотопики, связан с образностью северного лагерного ландшафта как «не-места» (Auger 1992).

7.1. Если топика, символика, тропология Севера сформировали — внутри как русской, так и европейской литературы — достаточно устойчивую репрезентационную «сетку»

(пространственный язык которой регулярно семантизирует особость и очень большую знаковую насыщенность этих территорий), то в случае лебедевского пространственного нарратива можно говорить об очевидной трансформации воображения лагерного ландшафта, когда акцент ставится на его бесформенности, безликости, развоплощенности (де Ля Фортель 2020). Лагерный город в «Пределе забвения» лишен имени, а его территория вводится в роман через описание типовой, лишенной антропологических параметров гостиницы — то есть высвечивается через поэтику, которую можно обозначить, используя понятийный аппарат Марка Оже, как поэтику «не-места».

7.2. Лагерь из этого «не-места» не ушел, он «размазан в пейзаже» (Лебедев 2012: 218), его неотчетливое присутствие заштриховано как в самом ландшафте (заброшенные бараки), так и в специфике восприятии этого последнего — ограждения построенных в тех местах заводов ассоциируются у наблюдателя с колючей проволокой лагеря. Этот последний требует ретерриториализации, включения в устойчивую систему координат и смыслов и обретения ясно прочитываемой картографии.

7.3. Проблематика преображения абстрактно-безличного ландшафта в «антропологическое» место, наделенное «идентифицирующими» и «связующими» характеристиками (Auger 1992), в котором должно соединяться настоящее и прошлое, становится определяющей для мнемотопического построения лебедевских текстов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ассман А. Распалась связь времен. М., 2017.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018.

Кларк К. Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов // НЛО. 2009. №1. — Электронный ресурс [режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/kk8.html, дата обращения — 01.02.2019].

Лебедев С. Предел забвения. М., 2012.

Лебедев С. Люди августа. М., 2016.

де Ля Фортель А. Поэтика подземного: «Котлован» Андрея Платонова и «Предел забвения» Сергея Лебедева // На самой черте горизонта: Платоновские пространства. Поэтика Андрея Платонова / Под ред. Е.А. Яблокова. М., 2019.

де Ля Фортель А. (Мета)память и мнемотопика современной русской литературы. «Предел забвения» Сергея Лебедева» // *Homo Scriptor:* К 70-летию М.Н. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М., 2020.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

Auger M. Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris, 1992.

Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. New York, 2012.

Эмилио Мари

СЛИЯНИЕ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

ОБРАЗ РАБОЧЕГО ПРИГОРОДА И КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

В последние годы все чаще различные дисциплины, такие как урбанистика, география, антропология, семиотика и культурология находятся перед необходимостью сплоченного и перекрестного размышления над концептами «гибридизации», «интермедиальности» и «отстраненности». Такие понятия как «эксурбанизация», «урбанизированная деревня», «рурбанизация», «периурбанизация», «третье пространство», «третий ландшафт», вошли в общий словарь этих наук, позволяя описывать территорию, сформировавшуюся, начиная с периода больших индустриальных революций, которую стало невозможно «прочитывать» и описывать лишь через традиционные территориальные и антропологические категории «города», «деревни», «городского» и «сельского».

Городская окраина, по тому как она формировалась в Западной Европе, и особенно в России на рубеже XIX–XX веков, была особым результатом этих процессов. Несмотря на свою хаотичную обживаемость и социальные проблематики, она способствовала установлению диалога и обмена между культурами, исторически разными и противоположными: с одной стороны, они были местом инклюзии сельского в городское и устройства новой городской идентичности, с другой — гарантировала сохранение внутри города «выживания» и «противостояний» в антропологическом смысле. Это про-

явилось в самых разных областях: в формировании неразличимых пространств между городом и деревней (остаточные территории, участки все еще под застройкой, чья символика была сначала инстинктивно воспринята писателями и художниками того времени, а затем сжата критикой в термин *terrain vague,* то есть единство «неопределенных, размытых, расплывчатых, нечетких территорий, которые заключают в себе ожидания мобильности, блуждания, досуга и свободы»); а также в прогрессивном утверждении альтернативных форм селения, по отношению как к городским, так и деревенским, созданных из предметов и меблировки где-то на границе между сельским ремесленным продуктом и индустриальным артефактом, из повседневной и праздничной жизни, застывшей между традицией и современностью.

На сегодняшний день изучение таких пространств внутри дискуссии о культурном ландшафте дает возможность снова взять за отправную точку лотмановскую интерпретацию периферии как места «обмена информационными потоками и креолизированных семиотических структур» и поразмышлять над некоторыми вопросами, касающимися взаимоотношений между ландшафтом и культурой: какие виды «промежуточных культур» родились в России в XX в. в результате взаимодействия города и деревни? Каковы механизмы их образования? Какие эстетические вкусы развивали их представители? И, наконец, какими особенностями обладали художественные и литературные формы этих «промежуточных» культур?

В работе 1983 г. «О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени», искусствовед В.Н. Прокофьев отмечал: «Вдохновлявшие Гойю при создании “Капричос” лубки “мира наизнанку” вовсе не обладали первичной чистотой догородской и внегородской культуры — естественной формы бытования фольклора. Они сами были уже вторичны по отношению к фольклорной почве, сами вырастали в контактах с “ученостью” и в городской среде — в ее средних и низовых сферах, весьма далеких от патриархальной величавости, эпической целостности, космогонической ориентированности и принципиально утверждающего духа

фольклорной культуры» (Прокофьев 1983: 6). И, вводя термин «третья культура», добавил: «Итак, что это за “третья культура” в общей системе искусства Нового и Новейшего времени? Когда и на какой почве она возникла? Каковы хотя бы приблизительно ее границы? Как она функционировала в прошлом и как функционирует сейчас? Вот вопросы, на которые следует ответить сегодня, пусть хотя бы в самой приблизительной и по необходимости (в силу новизны предмета) несовершенной форме. Вопросы эти будут рассматриваться почти исключительно на материале изобразительных искусств — живописи, графики, хотя совершенно очевидно, что “третья культура” ими отнюдь не ограничивается, что она существует и в литературе, и в театре, и в музыке. Но здесь слово за специалистами в данных областях» (Прокофьев 1983: 7–8).

Чтобы ответить хотя бы частично на вопросы, поставленные Прокофьевым, мы предлагаем в этом докладе проверить механизмы культурного смешения между «городским» и «сельским» посредством анализа двух исследований и двух разных с геокультурной точки зрения реальностей, но по многим параметрам дополняющих друг друга: рабочей окраины, от предреволюционной эпохи и до разнообразного ее развития в советское время, а также колхозной деревни в ее оригинальном понимании, сформированном в период первой пятилетки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени / Отв. ред. В.Н. Прокофьев. М., 1983. С. 6–28.

К.А. Медеуова

КРАТКАЯ ВЕРСИЯ АРХИТЕКТУРЫ АСТАНЫ/НУР-СУЛТАНА

ИНВЕСТИЦИИ ИЗВНЕ И ПОРЯДОК ИЗНУТРИ

Одна из ранних шуток о новой столице Астане была построена на логике отстроченного результата: «Зачем Вы столицу назвали столицей?»[1] — «А потом опять переименуем..., если хорошо получится город, то назовем его Нуркентом или Нурбургом, а если плохо — Нурдорфом».

В итоге новую столицу с марта 2019 г. называют Нур-Султаном. Получился ли город как город, реализовались ли здесь желания иметь мировую столицу, преодолелись ли колониальные паттерны и стала ли столица пространством ревитализированной казахскости, ответ такой же амбивалентный, как и шутка двадцатилетней давности.

Но сам факт того, что столица была пространством постоянного воображения, заставляет обращаться ко всем пластам городского заполнения с особым пиететом дескриптора, для которого архитектура выполняет особую роль, роль конфигуратора столичного пространства. В докладе будет расмотренно, каким образом осуществляется общая логика вытеснения советской градостроительной матрицы и ведется поиск нового языка самоописания средствами архитектуры.

Преодоление советскости

Советские города, за исключением столиц, были городами с преобладанием минималистского и уравнительного стиля архитектуры. Целиноград, предшественник Астаны,

---

[1] Каз. *астана* — столица.

активно развивался как центр целины, и был типичным советским городом, сформированным по линейной градостроительной матрице, функционализм которой характеризовался пренебрежением к культурным контекстам. При строительстве Целинограда было задействовано 29 заводов строительной индустрии советских городов, а генеральный план был разработан ленинградским проектным институтом под руководством архитектора Г. Гладштейна, все вкупе это создало типичный «хрущевский город». Целиноград — образцовое воплощение советской градостроительной школы с функциональным зонированием территорий, что означает слабо выраженный визуальный язык. И поэтому первая логика переформатирования областного города в столичный, это логика простых и ясных решений по усилению визуальной, иконографической картинки города. А поскольку река Ишим была естественной границей города, то на какое–то время она стала и границей между старым и новым пространством столицы (Медеуова 2004).

Самые первые шаги по созданию имиджевого (симулятивного) лица новой столицы были связаны с водой. Была увеличена зеркальная поверхность воды, оформлены берега, появились беседки. Набережная не просто стала первым досуговым центром столицы, но она символически разделила город на две части: правый, с памятью о модернистском поясном соцгороде, и левый берег, с интенциями на новый столичный формат. В фактическом плане старого и нового достаточно на обоих берегах, и, более того, в официальных градостроительных документах Астана позиционируется как полицентрический город (Генеральный план Астаны 2014), но это разделение по руслу реки, своеобразная дихотомическая привычка к противопоставлению — в данном случае советского и постсоветского. При этом постсоветское могло пониматься и как инверсия новой геополитической конфигурации, когда Астана позиционировалась как центр Евразии и как интерпретация кардинального разрыва с прошлым, когда об Астане писали как о единственной столице в мире, которая строится в XXI веке (Назарбаев 2005).

Ребрендинг

С распадом СССР и обретением независимости в 1991 г. для постсоветских городов в целом стояла задача ребрендинга. От визуального советского старались отказаться, вытесняя его новыми символами «независимости», «исторической подлинности», «культурного своеобразия». Если советские столицы были равными среди равных, то формат новой столицы независимого государства позволял выйти на новый уровень визуальной идентификации.

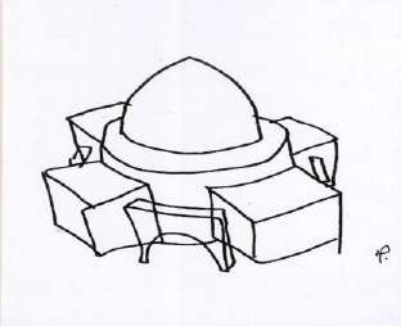
Первые проекты по преодолению «советскости» были связаны с изменением визуально-иконических образов, переходом к интернациональному стилю, который в Астане представлен классикой навесных панелей, тотального остекления, использования ломаных поверхностей и фронтального фибробетонного дизайна. В мировой практике стеклянная архитектура была на пике популярности с 60-х годов XX в., ее приход в новые государства постсоветского периода на рубеже веков никак не могло рассматриваться как отражение современной архитектурной мысли. Поэтому эстетические программы декларируются как осознанная эклектика.

Один из принципов эклектики — это поворот к «говорящей архитектуре», что значит привлечение мировых «звездных» архитекторов. Второй принцип — развитие дискурса о национальном, колорите, характере архитектуры. Оба эти фрейма в пересечении создают интересную конфигурацию когда желание артикулировать национальное упирается в возможности местных архитекторов выразить средствами новых строительных технологий паттерны традиционного жилья кочевников, а для звездных архитекторов — найти тот уровень метафоризации и символизации, который считывался бы местными агентами и как высокая архитектура, и как архитектура, имеющая отношение к национальной культуре.

Работы казахстанских архитекторов в Астане

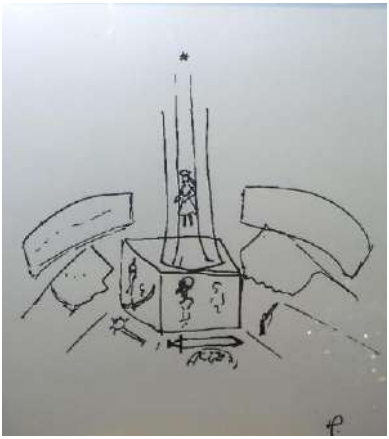
Несмотря на частые утверждения о том, что главным архитектором Астаны является Президент страны Н. Назарбаев, Астана в реальности способствовала развитию не толь-

ко отечественной архитектурной традиции, но и стала площадкой для реализации проектов международных архитекторов. Рисунки, эскизы Президента (Назарбаев 2005) были в активном дискурсе. Самыми известными из них являются наброски к зданию Центра культуры и мемориала «Отан коргаушлары» (Илл. 1–2).



Илл. 1.

Эскиз Президентского центра культуры
(ныне Военно-исторический музей Вооруженных сил РК).



Илл. 2.

Эскиз мемориала «Отан қорғаушылар» (Защитники Отечества).

За четверть века Астана стала не только площадкой для личностного роста архитекторов, но и для развития отечественных архитектурных традиций и строительной индустрии. В этих процессах нетворкинга новой столицы наиболее яркими акторами являлись архитекторы А. Рустембеков, С. Жамболатов, Ш. Матайбеков, В. Лаптев, К. Монтахаев, С. Рустамбеков, Н. Токаев, Н. Борискин, генпланировщик А. Чиканаев, застройщик А. Белович.

Работая как индивидуально, так и над совместными проектами, казахстанским архитекторам удалось выйти на уровень определенной самодостаточности, лучшим примером которой является коллективная работа над эспланадой левого берега, водно-зеленым бульваром, получившей название «Нурлыжол».

Кроме общественных зданий и сооружений архитекторы много работали над новыми проектами жилых комплексов. В Астане получила популярность практика называть отдельные жилые комплексы звучными именами: «Арман», «Северная корона», «Французский квартал», «Сары-Арка» и др., что в целом привело к изменению культуры восприятия городского ландшафта. Вместо безличных микрорайонов активно используются понятия, заимствованные не только из стандартизированного глобализированного, но и нового деколониального нарратива. Названия жилых кварталов — это определенный индикатор национализирующегося дискурса, когда одновременно можно встретить названия «Английский квартал» и «Махабат» (Любовь) или «Коктем» (Весна).

«Звездные» архитекторы

Из зарубежных «звездных» архитекторов, оказавшихся в центре столичного переноса, наиболее известными стали Кишо Курокава, Норман Фостер, Манфреди Николети, Микаэль Калатрава, Рикардо Бофилл. Известные архитекторы также входили в Архитектурный совет столицы при Президенте РК (Указ об Архитектурном совете 2007). Некоторые могли быть участниками международных конкурсов, но не реализовать свои индивидуальные проекты в Астане как, например, Заха Хадид, Бьярке Ингельс и Арата Исодзаки.

Присутствие «звездных» архитекторов в Астане не помешало проявить себя и другим менее известным архитекторам. Это Филип Мойзер, написавший первый архитектурный обзор по казахстанской архитектуре (Мойзер 2017), Юджи Имайо, Никита Явейн и др. При строительстве наиболее знаковых объектов привлекались зарубежные застройщики. В формировании архитектурного облика Астаны участвовали строительные компании Швейцарии, Великобритании, Чехии, Турции и других стран.

Кишо Курокава — японский архитектор, победитель международного конкурса 1998 г. на эскиз-идею генерального плана города Астаны. Основной месседж для Астаны от мэтра японской архитектуры заключается в том, что архитектура перейдет от универсального международного стиля к стилю межкультурному, который ставит своей целью симбиоз универсального и регионального. Под его влиянием в концепцию строящейся Астаны закладывались идеи алеаторности, отсутствия архитектурных доминант, конкуренции разных архитектурных видов и свобода в интерпретации связей.

Норман Фостер — британский архитектор, приглашенный в Астану для реализации нескольких крупных проектов, является фигурой знаковой в современной хайтек и «зрелищной» архитектуре. Одним из его проектов в Астане является торгово-развлекательный комплекс «Хан-Шатыр», представляющий собой сооружение шатровой формы. Фостер предложил построить «Хан-Шатыр» из светопрозрачных материалов, которые обеспечивают эргономический режим под куполом. С одной стороны, здание выглядит как классический образец стеклянной архитектуры, с другой — в техническом плане в нем преодолены недостатки, из-за которых критикуется стеклянная архитектура.

Одной из главных стратегических задач формирования столичного образа Астаны было решение проблемы баланса между интернационализацией и регионализацией архитектурного языка. Общемировой тренд перехода от монументальной к демократичной городской скульптуре и малым архитектурным формам, призванным оживлять городскую среду, хорошо прослеживается в пространстве Астаны.

На формирование архитектурного образа Астаны оказывают влияние романтические по духу идеи национального самосознания, конфессионального ренессанса, патриотического воспитания, толерантной среды, евразийской природы современного Казахстана. В результате обилия исходных задач происходит смешение стилей. И в целом такую архитектуру можно называть эклектичной или постмодернистской.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акишев К., Хубдулина М. Древности Астаны: Городище Бозок. Астана, 2011.

Астана город мира. — Электронный ресурс [режим доступа: http://astana2030.narod.ru/architektura/index.html, дата обращения — 01.01.2020].

Астанагенплан, 2014. Краткая пояснительная записка. Внесение изменений и дополнений в генеральный план развития города Астаны до 2030 года. — Электронный ресурс [режим доступа: http://astana.gov.kz/ru/modules/material/category/16/page, дата обращения — 01.01.2020].

Дубицкий А.Ф. Акмола — город славный. Акмолинск, 1959.

Медеуова К. Рождение симулякра // Дни Петербургской философии: Метафизика искусства. Мировая и петербургская традиции реалистической философии. Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 132–139.

Назарбаев Н. В сердце Евразии. Алматы, 2005.

Назарбаев Н. Өмірбаян. Астана, 2013.

Указ Президента РК от 12 ноября 2007 года №434 «Об Архитектурном совете столицы при Президенте Республики Казахстан».

Мойзер Ф. Астана. Архитектурный путеводитель. Астана, 2017.

И.И. Митин

ВООБРАЖЕНИЕ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ*

Множественность — одна из важнейших черт пространственных репрезентаций места, определяющая и содержание наших представлений о культурных ландшафтах (и, следовательно, самих культурных ландшафтов), и механизм бесконечного (пере)создания все новых и новых представлений. При этом именно воображение, а не восприятие пространства, по всей видимости, выступает ключевым процессом поддержания этой множественности культурного ландшафта и, в целом, «наращивания» его символического капитала, множества смыслов, значений, представлений о культурном ландшафте.

В докладе мы рассмотрим один из, на первый взгляд, простых и формализованных механизмов, влияющих и на воображение пространства, и на «производство» множественности культурных ландшафтов, — переименование места. Мы проанализируем различных существующие подходы к научному осмыслению переименований и попытаемся «уложить» их в единую рамку культурного ландшафта как палимпсеста, включающую, в числе прочего, и факторы, влияющие на трансформацию культурного ландшафта и его воображения.

---

* Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 20/2019-И «“Чтобы помнили…”: Создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

Переименование как (ре)концептуализация места

В отечественной культурной и гуманитарной географии наиболее близко к вопросу переименования места подходит в рамках этнокультурного подхода В.Н. Калуцков (Калуцков 2012; Калуцков 2015; Калуцков 2016; Калуцков 2019). В качестве «базового» понятия он рассматривает понятие *топоса* как местоназвания, единицы пространственной организации культурного ландшафта, причем «любой топоним всегда выполняет пространственно-организационную функцию» (Калуцков 2008: 103), создавая в совокупности с местом *топос*. Топос существует только в контексте определенного культурного ландшафта и сам формирует таковой (Калуцков 2008: 102–109, 229–231).

Переход на уровень выше осуществляется В.Н. Калуцковым через понятие *геоконцепта* и процесс (гео)концептуализации места. Под геоконцептом понимается «любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом» (Калуцков 2012: 27) или — точнее — «знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определенного человеческого сообщества» (Калуцков 2016: 102). Процесс не естественного (исторического) освоения, а *намеренного конструирования* подобного означенного места-геоконцепта исследователем предложено называть *(гео)концептуализацией* (Калуцков 2012: 28). Она на ономастическом уровне может происходить «в форме номинации или реноминации территории» (Калуцков 2012: 28). При этом процесс геоконцептуализации описывается через «наделение отдельных мест или территорий более высоким культурным статусом», создающее «знаковые для данной культуры места» (Калуцков 2016: 102).

Переименование — иной по сравнению с описанным выше механизм концептуализации места (Калуцков 2019), который добавляет к означенному месту-топосу новый смысл и образ, то есть, в терминологии В.Н. Калуцкова, создает новый или трансформирует существующий геоконцепт.

В обоих случаях место приобретает «новый более яркий смысл» (Калуцков 2019), однако, на наш взгляд, налицо противоречие с упомянутым выше определением геоконцепта,

«завязанным» на некую *устойчивость* образа места. В данном случае не раскрыт механизм символического «наращивания» значений места, семиозиса пространственных мифов (Митин 2004). Воображение пространства в этой парадигме предстает как единичный *акт* — акт переименования или акт символической «возгонки» топонима до нового концептуального уровня. Нам же воображение представляется, прежде всего, как *процесс* семиотически бесконечного (пере)означивания места и символического производства его множественности.

Переименования в критической топонимике

Возникшая на стыке критической географии и традиционных топонимических (ономастических) исследований критическая топонимика послужила в последние десятилетия стимулом к активизации исследований по топонимике именно в рамках географической науки. Соответствующие исследования отходят «от традиционных изысканий в сторону критического осмысления социально-политической и символической роли топонимов, политики номинации и ее политических результатов, а также связанных с ней социально-экономических и иных процессов» (Басик 2018б: 57).

При этом несмотря на отсылки к критической культурной географии, парадигма анализа топонимов была связана с базовыми концепциями новой культурной и гуманистической географии: топонимы рассматривались как символы, «активно вовлеченные в «создание мест»» (Басик 2018б: 58). Иными словами, речь идет о том, что С.Н. Басик называет «топонимическим производством пространства» (Басик 2018б: 59).

Так, Я. Вуолтенахо и Л. Берг замечают, что одной из задач критической топонимики становится «соединение воедино материального и дискурсивного» (Vuolteenaho, Berg 2009: 1). Лавируя между поиском уникальности места в его значении (Tuan 2002; Relph 1976; Entrikin 1991) и пониманием места как уникального в пересечении социальных отношений различного рода (Massey 1991) и опираясь во многом на попытку соединения в городской топонимике проживаемого и воспринимаемого пространств (Certeau 1984: 91–110),

критическая топонимика пытается посмотреть на процесс именования как на развитие символических значений места, конструирование социальных практик и широкую рамку *place-making*, взятых вместе, в комплексе (Vuolteenaho, Berg 2009).

Этот подход, на наш взгляд, роднит парадигму критической топонимики с категорией культурного ландшафта — одной из немногих в современной культурной и гуманитарной географии объединяющих пространственные представления (репрезентации) и элементы двух других лефевровских пространств (Lefebvre 2000; Soja 1996).

Подробный разбор современного состояния и истоков (начиная с античных времен!) критической топонимики можно найти в фундаментальном сборнике под редакцией Л. Берга и Я. Вуолтенахо (Vuolteenaho, Berg 2009; Berg, Kearns 2009; Azaryahu 2009 и др.) или в диссертации Е.А. Терентьева (Терентьев 2006). Мы же сосредоточимся именно на переименованиях.

Таковые представляются как своеобразный акт (социального) нормирования и, разумеется, власти и контроля. Так, в Океании исторически переименования представлялись как неизменный атрибут установления власти, завоевания и покорения и, более того, символическая метафора власти и маскулинности. В то же время именно они становились толчком к формированию новой территориальной идентичности (Berg, Kearns 2009). В новейшее время этот же инструмент используется в политике идентичности в рамках символической и содержательной деколонизации пространства (Berg, Kearns 2009; Helander 2009). Те же механизмы задействовались при конструировании государственной идентичности в Израиле, революционных сменах режимов в нацистской, а затем послевоенной Германии и, конечно, при постсоциалистическом транзите. Это позволяет перенести властные отношения на сферу повседневной жизни, вовлечь новые идеологемы в проживаемое пространство обывателя (Azaryahu 2009). Подробный анализ политических дискурсов и проживаемых пространственных практик при подобных «топонимических революциях» в российском контексте представлен в обзоре и собственном эмпирическом исследовании Е.А. Терентьева (Терентьев 2006).

Переименование в палимпсесте

Нам представляется целесообразным, отталкиваясь от положений концепции геоконцепта В.Н. Калуцкова (см. выше) и некоторых подходов критической топонимики (см. выше, а также Басик 2018а) «встроить» трансформацию топонимических практик при переименовании в концепцию культурного ландшафта как палимпсеста. Она предполагает моделирование множественности культурного ландшафта, при которой сосуществующие в реальности места представляются в виде *контекстов*, объединенных теми или иными доминантными значениями (Митин 2014; Mitin 2010, 2018).

Переименование в этой модели представляется форсированным актом намеренного переозначивания места, одним из бесчисленных актов семиозиса пространственных мифов. При этом совершенно особое место в этом переозначивании занимает как редуцируемый прежний смысл (старое название), так и придаваемое месту новое значение (новое название). Семиотический подход к переименованию позволяет сохранить здесь единство материальных практик ландшафта и его визуальности (означающего), трансформирующегося политического (национального, постколониального и т.п.) дискурса (означаемого) и, наконец, локализованных социальных практик проживания места (значения).

Воображение пространства, «отталкиваясь» от доминантных значений сменяющих (или все еще сосуществующих) контекстов, символически наращивает их, превращая в полноценные проживаемые (реальные-и-воображаемые, по Э. Содже: Soja 1996) пространства, в которых восприятие окружающей действительности и, возможно, и поведение индивидов подчиняется новой логике переозначивания.

Так культурный ландшафт вновь предстает палимпсестом сосуществующих значений и практик, а переименование — *одним из многих актов переозначивания* этого места, в котором воображение превращает намеренную и часто персоналистскую (властную) интенцию переименования в повседневную практику людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Басик С.Н. Имя и место: Топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018а. № 3. С. 1–15.

Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018б. № 1 (44). С. 56–63.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.

Калуцков В.Н. О трех столпах географической ономастики: Топоним — географическое название — геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 7–13.

Калуцков В.Н. «Имя» в географии: От топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.

Калуцков В.Н. О концептуализации географического пространства // Общественная география в меняющемся мире: Фундаментальные и прикладные исследования. Материалы X международной научной конференции в рамках X ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Казань, 17–22 сентября 2019 г.). Казань, 2019. С. 105–107.

Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск, 2004.

Митин И.И. Место как палимпсест: Мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: Экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону, 2014. С. 147–156.

Терентьев Е.А. Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга). Дисс. … канд. соц. наук. М., 2016.

Azaryahu M. Naming the past: The significance of commemorative street names // Critical toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 53–70.

Berg L.D., Kearns R.A. Naming as norming: “Race,” gender and the identity politics of naming places in Aotearoa/New Zealand // Critical

toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington, VT, 2009. P. 19–52.

Certeau M. de. The practice of everyday life. Berkeley LA, 1984.

Entrikin J.N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Houndmills; London, 1991.

Helander K.R. Toponymic silence and Sámi place names during the growth of the Norwegian nation state // Critical toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 253–266.

Lefebvre H. Writings on cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas. Oxford, 2000.

Massey D. Global sense of place // Marxism Today. 1991. June. P. 24–29.

Mitin I. Palimpsest // SAGE Encyclopedia of Geography / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks CA; London; New Delhi; Singapore, 2010. Vol. 4. P. 2111–2112.

Mitin I. Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests: A case of Moscow city (Russia) distant residential areas // BELGEO. 2018. No. 4. P. 1–15. URL: https://journals.openedition.org/belgeo/28126.

Relph E. Place and placelessness. London, 1976.

Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Oxford, 1996.

Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis; London, 2002.

Vuolteenaho J., Berg L.D. Towards critical toponymies // Critical toponymies: The contested politics of place naming / Ed. by L.D. Berg, J. Vuolteenaho. Farnham; Burlington VT, 2009. P. 1–18.

М.М. Морозова

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

К ПОНИМАНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В отечественной культурной географии следует различать два понимания литературного ландшафта:

1. Понимание ландшафта как метафоры, при котором исследуется особенность трактовки художественных образов природных ландшафтов, городов и сельских мест. Данное понимание ландшафта характерно для зарубежных литературно-географических исследований, а также литературно-географических исследований, выполняемых литературоведами и краеведами.

2. Понимание ландшафта как «сложного природно-культурного территориального комплекса, состоящего из литературных и нелитературных локусов и природных урочищ, связанного с определенным литературным именем» (Калуцков, Матасов 2016). Понятие «литературный ландшафт» возродил в своих работах в 1990-е годы Ю.А. Веденин (Веденин 2006: 16). Интересными представляются стадии создания литературного ландшафта Ю.А. Веденина (Веденин 2008):

1. Этап формирования культурного ландшафта.

2. Осознание историко-культурной ценности ландшафта.

3. Рост публичной привлекательности культурного ландшафта.

4. Переход к эффективной системе управления ландшафтов.

Исследование литературных ландшафтов во втором его понимании было продолжено в работах В.Н. Калуцкова и В.М. Матасова, в котором были выделены этапы становления и развития литературного ландшафта Пушкиногорья: этап

до Гейченко, этап Гейченко и этап «Постгейченко» (Калуцков, Матасов 2016).

В данной статье нами будут рассмотрены стадии эволюции литературных ландшафтов — от эволюции воображения литературных ландшафтов до эволюции мемориальных ландшафтов писателя и процесса их оживления.

Эволюция литературных ландшафтов Ф.М. Достоевского

Каждое мемориальное литературное место на карте писателя представляет собой литературный протоландшафт. Центральное литературное место дополняется образованными вокруг него центрами второго порядка, историческими и природными местами, обретающими собственные литературные образы, постепенно формируя литературный ландшафт (Калуцков, Матасов 2016).

На территории России расположено семь музеев Ф.М. Достоевского, семь ключевых литературных мест писателя, ряд которых уже образовал вокруг себя литературный ландшафт, а другие являются потенциальными местами для развития подобных ландшафтов. Эти музеи расположены в Москве, Санкт-Петербурге, Даровом, Омске, Новокузнецке и Старой Руссе.

Эволюция литературного ландшафта Петербурга Ф.М. Достоевского

Важнейшим городским ландшафтом Ф.М. Достоевского является городской ландшафт Петербурга. Впервые Достоевский описал Петербург в романе «Бедные люди» и продолжал воспроизводить и наращивать его образ до последнего романа — «Братья Карамазовы». Художественное описание города, его воображение, составляет вторую стадию формирования культурного ландшафта.

Следующим этапом эволюции литературного ландшафта является рост его публичной привлекательности, который проявится в создании Н.П. Анциферовым экскурсий и исследования литературных мест и образов Санкт-Петербурга в 1920-е годы (Анциферов 1923).

На четвертой стадии эволюции литературного ландшафта его структуру дополняют музеи, памятники и туристические объекты. Например, вокруг Владимирской расположено шесть отелей, два бара, ресторан и магазины, носящие имя писателя и его героев. Здесь же находятся станция метро «Достоевская», ул. Достоевского, памятник писателю и его музей.

Качественно новой стадией эволюции литературного ландшафта является его оживление. Когда мы говорим о воображении литературных ландшафтов, то, прежде всего, имеем в виду отражение определенного ландшафта в творчестве писателя, его видение окружающего пространства. Однако театрализованное оживление литературного ландшафта является переосмыслением прежнего литературного ландшафта, наложением нового смыслового слоя, образование палимпсеста. Примером является День Достоевского в Санкт-Петербурге, в ходе которого оживляется Кузнечный переулок, где появляются герои произведений Достоевского.

Эволюция литературного ландшафта села Даровое

Ключевым сельским литературным ландшафтом Достоевского является село Даровое — место, где писатель проводил свои детские годы. На основе эпох развития Дарового А.С. Бессоновой, материалов проекта «Достоевский 2021», типологии стадий развития культурного ландшафта Ю.А. Веденина и этапов развития литературного ландшафта Пушкиногорья В.Н. Калуцкова определим стадии развития литературного ландшафта Дарового (Бессонова 2013; Сайт «Заповедное Даровое»; Веденин 2008; Калуцков, Матасов 2016).

Стадия 1. Формирование основ культурного ландшафта (XVI в. – 1820-е гг.). Известно, что в писцовых книгах XVI в. Даровое и Моногарово числятся в качестве имения Хотяинцевых. Даровое в этот период — это помещичий двор с небольшим господским домом и хозяйственными постройками, а Моногарово представляет собой несколько имений и Храм Сошествия Святого духа. Черемошня, которая позднее будет приобретена Достоевскими, в это время разделена между несколькими владельцами.

Стадия 2. Осознание историко-культурной ценности ландшафта (1830-е –1910-е гг.). На этом этапе закладываются первые впечатления Ф.М. Достоевского о ландшафте Дарового (приобретенного семьей в 1832 г.), которые затем в 1846 г. будут воспроизведены в десяти произведениях писателя. На момент приобретения усадьбы М.А. Достоевским помимо усадебного дома здесь находились липовая роща, фруктовый сад и «мазанка». В 1832 году пожар уничтожил усадебный дом, а семья поселилась в «мазанке». В этот период была приобретена Черемошня и создан пруд в Даровом. В 1839 г. после смерти М.А. Достоевского имение наследуется его детьми, а в 1852 г. семья В.А.Достоевской (Ивановой) выкупает доли всех детей.

Стадия 3. Рост публичной привлекательности культурного ландшафта (1910-е гг. – настоящее время). Даровое — это формирующийся литературный ландшафт. Обращаясь к стадиям развития культурных ландшафтов Ю.А. Веденина, современный этап в истории Дарового следует отнести к переходным между третьей стадией и четвертой, так как культурный ландшафт уже является привлекательным для туристов, обрел определенную систему управления территорией еще в 20-е годы XX в., но все еще не перешел окончательно к эффективной системе управления ландшафтом. В третьей стадии эволюции литературного ландшафта Дарового следует выделить три этапа: М.А. Ивановой, Поиска хранителя памяти места и В.А. Викторовича.

Этап 1. М.А. Ивановой (1910-е – 1920-е гг.). В.А. Достоевская становится помещицей Дарового со смертью мужа в 1868 г., в этот период усадьба перестраивается. С 1918 г. в Даровом постоянно живет племянница Достоевского М.А. Иванова. В 1921 году Даровое объявлено национализированным памятником. В хозяйственных целях в этот период местными жителями вырубается множество деревьев в роще и садах Дарового. С 1923 до 1926 года усадьба находится под началом Зарайского музея. После смерти М.А. Ивановой вся историческая обстановка дома передается в московский музей Ф.М. Достоевского.

Этап 2. Поиск хранителя памяти места (1930-е – 1980-е гг.). С 1928 по 1933 год усадьба является филиалом Московского музея Ф.М. Достоевского, в 1950–70-е, в 1990-е годы и в настоящее время является филиалом музея-заповедника «Зарайский Кремль». В этот период в Даровом открывается библиотека и экспозиция о жизни писателя. В 1930-е годы во флигеле открываются ясли, в этот период в Моногарове закрывают церковь. В 1962 году в Даровом помещают мемориальную табличку, а в 1970-е закрывается библиотека.

Этап 3. В.А. Викторовича (1990-е гг. – настоящее время). В 1990 году Даровое становится филиалом Зарайского историко-художественного музея, в 1993 г. здесь устанавливают памятник Достоевскому. С 2011 года при Даровом В.А. Викторовичем создано некоммерческое партнерство «Заповедное Даровое», обобщающее исследования Дарового, выполняемые с 2003 г. исследователями Москвы и Коломны, и популяризирующее проект «Достоевский 2021», по которому планируется создание музея-заповедника в Даровом к 200-летию писателя. Возможно, современный этап развития Дарового позволит полноценно оформиться сельскому литературному ландшафту Достоевского, а эволюция ландшафта перейдет в четвертую стадию — переход к эффективной системе управления ландшафтов.

Заключение

В процессе эволюции ландшафт проходит четыре стадии развития, каждая из которых может включать в себя дополнительные этапы. Литературный ландшафт Санкт-Петербурга прошел все стадии формирования ландшафта, в том время как литературный ландшафт Дарового еще не достиг этапа эффективного управления ландшафтом, чему препятствует ряд факторов, в том числе отсутствие у него статуса музея-заповедника. Исследование стадий эволюции литературных ландшафтов способствует пониманию процессов воображения культурного ландшафта и эффективному управлению литературным пространством региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. Петроград, 1923.

Бессонова А.С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом. Материалы научной конференции. 26–28 августа 2011 г. Коломна, 2013. С. 149–176.

Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия. География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

Веденин Ю.А. Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия // Теория региональных исследований. 1008. № 4 (19). С. 1–9.

Калуцков В.Н., Матасов В.М. Пушкиногорье как литературный ландшафт // Псковский регионологический журнал. 2016. № 4 (28). С. 112–121.

Нуждина М.А. Что реставрировать? // Педагогія Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 210–215.

Сайт культурно-просветительского научно-реставрационного музейного центра «Заповедное Даровое». — Электронный ресурс [режим доступа: http://darovoe.ru/darovoe/history, дата обращения — 19.10.2019].

Сайт проекта «День Достоевского». — Электронный ресурс [режим доступа: http://dostoevskyday.ru, дата обращения: —19.10.2019].

Семь музеев Достоевского: [буклет] / Материалы предоставили: Н.Т. Ашимбаева [и др.]. СПб., 2000.

А.В. Подосинов

КОНСТРУИРОВАНИЕ «СКИФСКОГО» КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ПОНТИЙСКИХ ЭЛЕГИЯХ ОВИДИЯ

РЕАЛЬНОСТЬ И ФИКЦИЯ

Как известно, великий римский поэт Овидий провел последние десять лет жизни (8–18 гг. н.э.) в ссылке на западном берегу Черного моря (Понта Эвксинского). На протяжении этого периода жизни поэт вел оживленную переписку с друзьями и родными в Риме в форме поэтических писем, которые получили названия «Скорбных элегий» (*Tristia*) и «Посланий с Понта» (*Epistulae ex Ponto*). В этих элегиях Овидий подробно описывает особенности местной жизни, природу и климат места своей ссылки, нравы его обитателей, их язык, одежду, обычаи, военную обстановку и бытовую ситуацию. Многие историки широко используют его сведения как исторический источник, будто бы реалистично освещающий ситуацию в Западном Причерноморье начала новой эры.

Как же описывает Овидий место своей ссылки?

Уже в первой элегии, написанной по пути в греческий город Томы, место его ссылки, Овидий сообщает своим респондентам, что он плывет в «Сарматскую землю» (Tr. I, 2, 82), она же оказывается в Tr. I, 3, 61 «Скифией». Показателен контекст, в котором прозвучало это название. В драматическом описании последней ночи в Риме, когда поэт прощался перед отъездом в ссылку с родными и близкими, с большим мастерством рассказывается, как Овидий, уже отправляясь в путь, вновь и вновь возвращается, чтобы обнять плачущую жену, и здесь у поэта вырывается восклицание: “Denique ‘Quid propero? Scythia est, quo mittimur’, — inquam. Roma relinquenda

est”… (Наконец, я говорю: «К чему мне торопиться? Ведь Скифия [то место], куда меня отсылают, а оставлять приходится Рим»).

С этого места «Скорбных элегий» начинается сознательное конструирование «скифских» декораций, в которых вынужден жить ссыльный поэт.

Картина местной жизни вырисовывается такая. Овидий сослан в «отдаленнейшую окраину мира», в Скифию, дальше которой нет ничего, кроме необитаемой из-за морозов земли. Страна эта лежит под созвездиями Медведиц, здесь рождается северный ветер Борей, поэтому местный климат здесь прямо-таки полярный: круглый год стоит зима, снег не тает иногда по два года, ежегодно покрываются льдом Понт и Истр, застывают озера, замерзшее вино, вынутое из сосуда, сохраняет его форму, поэтому его едят кусочками и т.д.

Под стать климату и ландшафт: унылая, однообразная пустыня лишена леса и всякой другой растительности, только горькая полынь торчит среди необработанных полей. Земля не родит здесь ни яблок, ни винограда, земледелием не занимается никто из страха перед варварскими набегами.

Кроме «скифского» географического ландшафта, Овидий пытается показать и «скифское» варварство, окружающее его в «Скифии».

Оказывается, что как сам город Томы, так и все западное побережье Понта, утратили свой эллинский облик в результате смешения греков с местными варварами (в данном случае гетами). Греки переняли у варваров их костюм, включающий «персидские штаны», одеваются в шкуры и, как варвары, не стригут волос и бород. У немногих из них сохранились «остатки греческого языка», но и те уже побеждены гетскими звуками. В само́м городе бо́льшую часть домов занимают варвары; скифы, сарматы и геты разъезжают по улицам на лошадях в полном боевом снаряжении, прямо на главной площади они устраивают кровавые драки и внушают всем ужас своей дикостью и воинственностью. Овидий постоянно жалуется, что живет среди сарматов и гетов.

В результате преобладания в городе негреческого населения вокруг Овидия звучит почти только гетская, скифская,

сарматская и фракийская речь. Никто не знает здесь латинского языка, так что Овидия никто не понимает, здесь варваром оказывается он сам и вынужден объясняться с местными жителями жестами, в то время как местные греки разговаривают с варварами на каком-то общем наречии. Поэту некому прочесть свои стихи, не с кем побеседовать, поскольку в Томах он — единственный римлянин. Постепенно Овидий против своей воли выучивает местные варварские языки — гетский и сарматский — и вступает в беседы с местными гетами, сарматами и скифами. В одном из последних «Посланий с Понта» Овидий рассказывает, что он даже написал на гетском языке оду в честь Августа и членов его семьи и выступил с ее рецитацией перед гетами, которым очень понравились его стихи.

Нет мира и вне стен Том. По словам Овидия, Томы тесно окружены дикими воинственными варварскими племенами, живущими грабежом и разбоем. Геты, скифы, сарматы, языги, бессы, кораллы, синты находятся в состоянии непрерывной войны. Замерзающий зимой Истр уже не сдерживает орд кочевников, которые переправляются по льду реки и опустошают прилегающие к Дунаю местности. Вооруженные луком и стрелами всадники часто подступают к стенам самих Том, захватывают в плен тех, кто не успел скрыться за стенами города, забрасывают улицы и дома Том стрелами, смазанными змеиным ядом.

Как видим, вся информация Овидия о местной жизни сводится к трем основным мотивам: неудобства местных климатических и географических условий, варварское окружение внутри города и постоянная угроза внешнего нападения. Варьируясь в различных комбинациях, эти три темы-мотивы пронизывают собой все сюжеты, эпизоды и описания, в которых поэт обращается к изображению своей ссылки. Получающаяся картина обладает большой внутренней системностью и убедительностью, дает цельное и законченное изображение всеобъемлющего варварства «скифской страны», в которой вынужден жить поэт.

Тем не менее критическое исследование достоверности Овидиевых описаний местной земли заставляет сомневать-

ся в реалистичности большинства сведений поэта и приводит к выводу о сознательном конструировании культурно-исторического, социального, географического и климатического ландшафтов места ссылки поэта (Подосинов 1984).

Причины такого конструирования «скифских декораций» понятны: Овидий в своих элегиях ставит задачу расположить к себе сославшего его принцепса и вымолить у него прощение; ходатайствовать за себя он просит свою жену, друзей и знакомых, которым адресованы письма. Так, в Tr. II, 200–204 он пишет Августу: «Отсюда я смиренно молю тебя сослать меня в безопасное место, чтобы вместе с родиной я не был лишен также и мира; чтобы я не боялся племен, которые едва сдерживаются Истром, и чтобы меня, твоего гражданина, не смогли захватить в плен враги...». Эта задача задавала вполне определенный аспект в описании местной жизни, которая должна была казаться невыносимой. Весь поэтический дар Овидий и его риторическая выучка были подчинены созданию такого образа места ссылки.

В создании этой картины большую роль играли стереотипы восприятия Скифии в римском образованном обществе, на которое ориентировался поэт. Для понимания многих элементов рисуемого Овидием образа варварской страны весьма важным оказывается следующее наблюдение М.М. Бахтина: «Установка на слушателя есть установка на особый кругозор, особый мир слушателя… Говорящий стремится ориентировать свое слово со своим определяющим его кругозором в чужом кругозоре понимающего… строит свое высказывание на чужой территории, на его, слушателя, апперцептивном фоне» (Бахтин 1975: 95).

Отсюда одна из главных особенностей изображения местной жизни, ее климата и обитателей: на все окружающее, на все происходящее вокруг него поэт смотрит как бы глазами римлян; единственной точкой отсчета в любом таком описании остается Рим, все сравнивается с Римом. Овидий хорошо понимал, какие ассоциации могут возникнуть у образованного столичного жителя в связи с местом ссылки поэта, изгнанного в саму «Скифию», и каких описаний ждут в Риме, и по мере сил и возможностей старался соотносить

свое изображение Том с этими представлениями. В частности, этим объясняется нагнетание таких черт в описании понтийского климата и варварства местной земли, которые сложились в представлении образованного римлянина, стали стереотипными в римской ученой поэзии для изображения северного и северо-восточного варварского мира.

Уже давно исследователи не без удивления отмечали в описаниях местной страны у Овидия многочисленные следы использования сведений и образов его поэтических предшественников — Вергилия, Горация и других античных писателей. И действительно, сопоставление текстов Овидия (Tr. III, 10) и Вергилия (Georg. III, 349–383), дающих изображение «скифской зимы», показывает, что Овидий сознательно использовал описание Вергилия (имеются почти буквальные совпадения), расцвечивая и дополняя его деталями, ставшими знакомыми ему из личного опыта (Besslich 1972: 179 ff.; Вулих 1974: 67; Evans 1974/1975: 1–9).

Кстати, вторичность многих этнографических и географических данных Овидия служит одним из аргументов в гиперкритической теории, что поэт никогда не был в томитанской ссылке, а писал свои понтийские элегии, не выезжая из Рима (см. Подосинов 2014: 263–268).

Конечно, в сведениях Овидия встречаются и некоторые реальные детали, которые поэт мог наблюдать в ссылке (см. о них: Подосинов 1984: 110–158). Но, как правило, они выпадают из общей картины местной жизни, которую тщательно конструирует поэт, и относятся к числу оговорок, противоречащих стандартному набору жалоб. Особенно ярко это проявилось в одном из последних «Посланий с Понта» (IV, 14), где Овидий пытается оправдаться перед гражданами Том, познакомившимися с его писаниями и возмутившимися «клеветой» на их жизнь и нравы. Овидий взваливает вину на недобросовестных переводчиков. Однако и наш современный анализ его понтийских произведений показывает, что культурный ландшафт, конструируемый Овидием, во многом носит фиктивный характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Вулих Н.В. «Тристии» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 64–80.

Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М., 1984. С. 8–178.

Подосинов А.В. Был ли Овидий в ссылке? // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2014. Т. 9. С. 263–268.

Besslich S. Ovids Winter in Tomis. Zu Trist. III, 10 // Gymnasium. 1972. Bd. 79. S. 177–191.

Evans H.D. Winter and Warfare in Ovid's Tomis (Tristia, 3, 10 // Classical Quarterly. 1974/1975. Vol. 70 (3). P. 1–9.

Т.И. Рожкова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ТРАДИЦИИ, ИГРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВООБРАЖЕНИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

Изучение локальных образно-географических зон России определено задачами научного прогнозирования развития территорий. Базовым репрезентирующим материалом являются топонимы и система устных топонимических преданий, фиксирующих образ пространства в слове и по-своему его преломляющих. При этом не всегда берутся во внимание материалы регионального литературного творчества, способствующие изучению функционирования первичного образа во времени. С этой точки зрения интерес филологической науки к непрофессиональному сочинительству и творчеству региональных авторов отвечает запросам времени по консолидации междисциплинарных исследований, связанных с изучением поэтики пространства. К тому же региональная словесность отличается необычайной чуткостью к разным культурным пластам в истории места.

Реки, как вектор заселения и освоения территории Южного Урала, отличаются в своих наименованиях богатством языковых основ, связанных с тюркскими, финно-угорскими, славянскими, индоиранскими, монгольскими и другими некогда проживающими здесь народами (Лабзина 2000: 83). О сложностях и задачах в изучении принципов номинации на Южном Урале неоднократно писал А.К. Матвеев (Матвеев 2001).

Нарративов, объясняющих происхождение интересующих нас гидронимов — Гумбейка, Зингейка, Янгелька — в первых топографических описаниях территории, в днев-

никовых записях путешественников не обнаружено. Во многом это объясняется интересом исключительно к горным районам, названные реки достаточно удалены от центров железоделательного производства XVIII–XIX веков.

В работах специалистов по топонимике края, появившихся во второй половине XX века, гидронимы Гумбейка, Зингейка, Янгелька появляются как примеры продуктивного влияния русской словообразовательной модели на тюркский язык с заменой звука «г» на «ка» (Лабзина 2000: 85). Краеведы высказывают гипотезу происхождения названий рек от мужских имен: Гумбей (Гунбей или Гунбай); Зингерей (Зингей); Янгил (Янкиле) (Шувалов 1989, Поздеев 2011).

Развернувшаяся с 60-х годов XX в. на территории Башкортостана экспедиционная работа фольклористов позволила собрать и опубликовать большой пласт топонимических преданий (Башкирское народное творчество. Предания и легенды 1987: 72–93). Нарративов, осмысливающих этимологию наших гидронимов, записано не было. Реки являются притоками реки Урал (Яик), вытекают из разных географических точек. Гумбейка, Зингейка имеют характеристики равнинных рек, Янгелька — носитель некоторых признаков рек горных. В своем течении они сближаются на территории Агаповского района Челябинской области.

Первый интерпретационный нарратив происхождения гидронимов найден в газете «Магнитогорский рабочий» (1973), где известная в городе поэтесса, наследница пролетарской поэзии Магнитки Н.Г. Кондратковская (1913–1991) публикует «Степную легенду» (позднее — «Три невесты», «Три сестры») (Магнитогорский рабочий, 1973, 18 августа). В основе ее поэтического сочинения лежит сюжет этиологического характера. Появление рек связывается с гибелью трех сестер, вынужденных бежать из родного дома после решения отца выдать их замуж за «вдовца-богатея». Традиционный конфликт народной повествовательной культуры не противоречит принципам изображения прошлого советской литературой: жестокие и богатые распоряжаются жизнями слабых и беззащитных женщин («Три дочки живые, с глазами раскосыми, // Три мертвых жены у камней под березами»). Био-

графия писательницы, а также особенности зачинов ее легенд, где, как правило, выстраивается ситуация рассказывания историй «простыми людьми» (отсюда жанровое определение — «сказы»), заставили обратиться к изучению круга друзей и учеников писателя.

В жанре легенды в эти годы работал Кенжегалей Досмухаметов (1949 г.р.). Его сочинения, основанные на вольной интерпретации истории родных мест, часто публикуются в районной печати. Кенжегалей родился в деревне Кызыл-Казах, учился в казахской школе, любил читать. С ранней весны до поздней осени приходилось пасти скот. Первые сочинения рождались «в голове», сочинял о природе, какую наблюдал, о том «что могло бы быть» (Архив лаборатории ЗС-2018; ЗС-2019). В 1970-е годы в его творчестве оформился прозаический текст «Три сестры», объединивший географическое пространство и топографию родных мест: камни у старых берез и параллельное течение трех рек — Гумбейка, Зингейка и Янгелька. Таким образом, пространственная сцепленность географических объектов в конкретное событие состоялась в сознании непрофессионального сочинителя, «наивного» писателя. В отсутствии первичного топонимического предания он легко сложил свой нарратив и, уступив просьбе Н.Г. Кондратковской, подарил ей его для поэтического переложения.

Мировосприятие Кенжегалея близко к устной традиции, что прекрасно демонстрирует круг других его сочинений: «Жаркаин», «Река», «Озеро Лебяжье», «Белый камень». Кенжегалей хорошо знает казахский язык, а в легенде «Ручеек и журавли» топоним «Субутак» (мокрая ветка) использует в мотивировке поведения своих предков. Русский язык долго оставался для него чужим. Тем интересней тот факт, что в гидронимах Гумбейка, Зингейка, Янгелька мужских имен Кенжегалей не почувствовал.

Собранный материал дает пример взаимодействия письменной традиции региона, близкой к фольклорной, но не фольклорной, с топонимикой территории. Е.Л. Березович, представитель Уральской ономастической школы, предлагает взаимодействие фольклорного текста и топонима обозна-

чить термином «фольклорная ремотивация топонима». Его уместно использовать и в нашем случае с той разницей, что ремотивация состоялась в поле не устной, а письменной традиции. Для писателей, как и для создателей фольклорного текста «вопрос об истинности/ложности мотива нерелевантен», тогда как «для топонимии проблема соответствия вторичной мотивировки исходной является достаточно важной» (Березович 1999: 4). Состоявшаяся в тексте Кенжегалея Досмухаметова вторичная интерпретация смысла гидронимов Гумбейка, Зингейка, Янгелька никак не связана с первичной мотивировкой в названии рек и была обусловлена мироощущением и воображением народного автора. Семантическая неясность топонима не стала помехой для творческого воображения Н.Г. Кондратковской.

К 1990-ым годам сочинения, связанные с осмыслением субстратных топонимов, становятся востребованными. Они создавали иллюзию понимания языка земли, на которой жили, но о которой мало что знали. В истории города Магнитогорска к этому времени оказалась исчерпана логика индустриального будущего, выросло новое поколение. Поиск иных тематических полей в творчестве Н.Г. Кондратковской реализовался в обращении к фольклору. О востребованности темы в читательской среде говорит популярность ее сборников «Синий камень» (1974), «Сердце озеро» (1984). В них первичные топонимические образы территории не только приобретают поэтические формы, легализуют себя в пространстве более статусной культуры («Чертов палец», «Камень Шайтан», «Сказ о горе Башмак»), но во многом творятся заново («Сердце-озеро», «Предание о Соленом озере», «Игнатьевская пещера»). Благодаря школьному литературному краеведению все они закрепляются в сознании населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив лаборатории народной культуры научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова». Шифр хранения: Записи сотрудников - 2018; Записи сотрудников - 2019.

Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987.

Березович Е.Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации. — Электронный ресурс [режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31181/1/oidl-1999-01.pdf, дата обращения — 15.10.2019].

Лабзина М.В. Гидронимы Южного Урала // Вестник Магнитогорского государственного университета. 2000. № 1. С. 82–90.

Кондратковская Н.Г. Степная легенда // Магнитогорский рабочий, 1973, 18 августа.

Матвеев А.К. Топонимия Урала как памятник языка и истории // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 19. С. 7–11. — Электронный ресурс [режим доступа: http://philology.ru/linguistics1/matveev-01.htm, дата обращения — 15.10.2019].

Поздеев В.В. Топонимика Южного Урала: Историко-топонимический словарь. Челябинск, 2013.

Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. Челябинск, 1989.

В.В. Рябиков

«СЕДЬМОЙ КРИТЕРИЙ»

АРХЕТИП И ЛАНДШАФТ

Для включения объекта в список всемирного наследия ЮНЕСКО рекомендует десять критериев. Из них шесть являются культурными и четыре — природными.

Особенную сложность для применения представляет седьмой критерий. Он предполагает, что для того, чтобы природный ландшафт был внесен в список всемирного культурного и природного наследия, а значит, получил бы шанс на сохранение, он должен «включать величайшие явления природы или места исключительной природной красоты и эстетической ценности» (Руководство… 2005: 19).

Тот факт, что переживание исключительной красоты является феноменом, относящимся к субъективной сфере, и во многом зависит от искушенности самого созерцателя, ставит сложную и при этом чрезвычайно интересную методологическую задачу. А ситуация, когда красота ландшафта может противопоставляться ценностям чисто утилитарного свойства и, соответственно, экономическим интересам, побуждает искать убедительные аргументы в пользу необходимости введения охранного статуса по отношении к территории, где он расположен, несмотря на его кажущуюся практическую бесполезность. Мир людей в своем развитии периодически оказывается в ситуации, когда эстетические ценности воспринимаются либо как пустяки, которыми можно пренебречь, либо как непозволительная роскошь.

Первые попытки научного осмысления природного ландшафта как объекта эстетического опыта были предприняты в XVIII веке. Формулировка основ концепции эстетического восприятия, характерной для того времени, была дана Им-

мануилом Кантом в его «Критике способности суждения». Он рассматривал природу в качестве модельного объекта эстетического опыта и утверждал, что естественная красота природы первична по отношению к красоте искусства и как таковая способна формировать правильные навыки восприятия.

Теория объективности странным образом обеспечила основу для осмысления и формулирования трех эстетических измерений природы: прекрасного, возвышенного и сценичного (живописного). Концепция прекрасного нашла свое применение в устройстве рукотворных ландшафтов садов и парков. Но уже во второй половине XIX в. получила распространение точка зрения, предложенная Джорджем Перкинсом Маршем (1865), который утверждал, что человечество своей деятельностью все больше способствует разрушению красоты природы. К концу столетия эта идея была представлена в работе американского натуралиста Джона Мура, опубликовавшего известное эссе «Близ панорамы Высокой Сьерры» (1894). Мур воспринимал всю естественную окружающую среду и особенно дикую природу (не исключая, традиционно считающихся монстрами рептилий, насекомых, летучих мышей и т.д.) как эстетически красивую и находил уродство только там, где природа подверглась человеческому вторжению» (Колбовский 2011: 163).

Однако уже к концу XIX – началу XX столетия отношение к эстетике природного ландшафта резко изменяется. Эстетические достоинства природных ландшафтов вообще были подвергнуты сомнению. К этому времени сложилось мнение, что эстетическая оценка предполагает эстетические суждения самого творца эстетической иллюзии. А поскольку наличие рефлексирующего проектировщика у природного ландшафта, мягко говоря, ставилось под сомнение, то и в красоте ему тоже было отказано.

Когда к концу XX века сделались очевидными обезображивающие последствия антропогенного воздействия на естественную среду обитания, были востребованы новые критерии и новые принципы оценки эстетических достоинств окружающей природы. По мнению Е.Ю. Колбовского, в современном научном дискурсе выделились две основные

тенденции, а соответственно и два лагеря: когнитивный (концептуальный, или нарративный) и некогнитивный (не концептуальный, «средовой») (Колбовский 2011: 161).

В последние десятилетия в отечественной географии и геоэкологии формируется самостоятельное направление — «эстетика ландшафтов», которое, используя различные подходы и методы, позволяет нам по-новому взглянуть на проблемы соприкосновения человека и природы.

По мнению В.А. Николаева, это направление должно развиваться в рамках современного ландшафтоведения (Николаев 1999: 10–15; Николаев 2002: 12–19). Ю.А. Веденин определяет ей место в рамках «культурной географии» (Культурная география 2001: 192). Б.Б. Родоман рассматривает особенности и закономерности формирования современного ландшафта, широко используя понятие «красоты ландшафта», определяя его как вдохновляющий ресурс в рамках «теоретической географии» (Родоман 1993: 63–85, Родоман 2000: 8–10). Геоморфологи разрабатывают новое геоморфологическое направление — «эстетика рельефа» (Лихачева, Некрасова 2002: 308–345). Еще ранее эстетическое направление в изучении ландшафтов разрабатывалось в рамках территориальной планировки краеустройства (Эрингис, Будрюнас 1975: 107–159), а также рекреационной географии (Веденин, Преображенский 1975: 224). Б.И. Кочуров и Н.В. Бучацкая настаивают на том, что «эстетика ландшафтов» — это особое научное направление, изучающее внешний вид ландшафта (пейзаж) как особый вид возобновляемого природного ресурса, влияющего на психологическую комфортность человека (Кочуров, Бучацкая 2007: 25–33).

Мы полагаем, что переживание красоты природного ландшафта является признаком сближения сознания человека с глубинными архетипическими слоями коллективного бессознательного, что обеспечивает его способность к субъектификации окружающей среды, повышению синергии как в индивидуальном, так и в социально-природном масштабах. Слово архетип образовано от греческих слов: ἀρχή (начало) и τύπος (отпечаток, форма, образец). С понятием «архетип» связываются некие таинственные упорядочивающие силы

коллективного бессознательного, организующие и направляющие психическую деятельность человека и проявляющиеся в разнообразных культурных феноменах. Красивым оказывается ландшафт, который содержит в себе символический потенциал, активизирующий связь с информационным результатом генетической ассимиляции оценок окружающей среды, приобретенных человеком на самом начальном этапе своего развития.

Человек развивался в коэволюции с окружающей средой. Природный ландшафт содержит в себе системные факторы, которые активизируют связи между его сознанием и глубинными, упорядочивающими, архетипическими силами его бессознательного. Эти системные факторы могут обладать видимой наглядностью, но их сила по большей части скрыта от непосредственного наблюдения, так как она возникает в результате системного взаимодействия наблюдателя с ландшафтом в целом. Принципиальным является вовлеченность наблюдателя в созерцаемый им ландшафт как в географическую систему, в качестве ее элемента. В этом случае у созерцателя возрастает вероятность развития особого аффекта, который существенно влияет на его воображение, поскольку сопровождается захватом смыслов из глубинных слоев бессознательного.

Примечателен тот факт, что в последних публикациях и высказываниях лидера архетипической психологии Дж. Хиллмана обозначается отчетливая связь с экопсихологией. В предисловии к книге «Экопсихология» он пишет: «В своем развитии психология может идти по пути натуралистов, ботаников, океанографов, геологов, урбанистов и дизайнеров среды для того, чтобы исследовать скрытые намерения и латентную субъективность разных сред, которые прежняя парадигма психологии рассматривала не более, чем набор физических характеристик… Стремясь пробудить сознание, психология должна открыть глаза и признать фундаментальную истину, а именно то, что человека невозможно ни изучать, ни лечить в отрыве от среды» (Hillman 1995).

Эстетическая ценность ландшафта обеспечивается символическим потенциалом, кондиционирующим связь с архе-

типами коллективного бессознательного. Разрушение этого потенциала имеет крайне негативные последствия как для отдельного человека, так и для человеческого сообщества и природы в целом. Важнейшим условием развития является отказ человека от господства над природой и обществом и построение отношений с миром на основе сотрудничества и служения священной преемственности жизни.

Задача выявления и сохранения ландшафтов, обладающих исключительной природной красотой и эстетической ценностью, сопряжена с необходимостью обеспечения «точек доступа» как для отдельных людей, так и для человеческих сообществ к ресурсам коллективного бессознательного. Для поддержания необходимого для жизни баланса ландшафт жизненного мира человека должен включать в себя символический потенциал, поддерживающий связь с архетипическими упорядочивающими силами. Если эта задача будет решена неверно, человечество будет дезориентировано относительно понимания своей изначальной природы и первичных принципов, лежащих в основе возникновения феномена человечности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Веденин Ю.А., Преображенский В.С. Теоретические основы рекреационной географии. М., 1975.

Колбовский Е.Ю. Эстетическая оценка ландшафтов: Проблемы методологии // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. III. № 4. С. 161–166.

Кочуров Б.И., Бучацкая Н.В. Оценка эстетического потенциала ландшафтов // Методы экологических исследований. Юг России // Экология и развитие. 2007. № 4. С. 25–33.

Культурная география. М., 2001.

Лихачева Э.А., Некрасова Л.А. Анализ ландшафта с позиции экологии и эстетики рельефа // Рельеф среды жизни человека (экологическая геоморфология) / Отв. ред. Э.А. Лихачева, Д.А. Тимофеев. М., 2002. С. 308–345.

Николаев В.А. Эстетическое восприятие ландшафта // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 1999. № 6. С. 10–15.

Николаев В.А. Феномен пейзажа // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2002. № 6. С. 12–19.

Родоман Б.Б. Пейзаж России // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 3. С. 63–85.

Родоман Б.Б. Об устойчивом ландшафте. Раздел: К устойчивому развитию // Сила тяготения. Издание Правительства Всемирного Союза Охраны Природы для стран СНГ. М., 2000. № 4. С. 8–10.

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Центр всемирного наследия, 2005.

Эрингис К.И., Будрюнас Р.А. Сущность и методика детального эколого-эстетического исследования пейзажей // Экология и эстетика ландшафта. Вильнюс, 1975. С. 107–159.

Hillman J. Preface. The Soul as big as the Earth // Ecopsychology: Restoring the Earth, healing the mind / Ed. by T. Roszak, M.E. Gomes, and A.D. Kanner. San Francisco, 1995. P. VIII–XXII.

С.Е. Сидорова

«НЕ СЧЕСТЬ АЛМАЗОВ В КАМЕННЫХ ПЕЩЕРАХ»

МИСТИФИКАЦИЯ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ИНДИИ В БРИТАНСКИХ НАРРАТИВАХ

С момента обнаружения европейцами пещерных храмов в Индии они стали для них местом «паломничества», объектом притяжения, любопытства и страха, превратившись в один из ключевых ландшафтных маркеров восприятия этой страны как сказочной и уникальной, полной тайн и загадок. Использование пещер для описания Индии в таком ключе не ограничивалось исключительно английским колониальным дискурсом. Если обратиться к отечественному материалу, на ум приходят строки «Не счесть алмазов в каменных пещерах», которые поет индийский гость из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко», представляя Индию как страну чудес. В 1879 г. Е.П. Блаватская, основатель Теософского общества в поиске неизвестных науке оккультных сил отправилась в Индию, описание путешествия по которой она назвала «Из пещер и дебрей Индостана», где на первых же страницах сообщала, что «Индия — страна легенд и таинственных уголков» (Блаватская 1998: 11).

Авторы писем, травелогов, дневников часто отмечали диссонанс между воображенной, придуманной заранее Индией, и увиденной наяву страной. Решившись связать с Востоком жизнь и отправившись на другой конец земли, британцы сталкивались там с реальностью и условиями, которые зачастую не отвечали их ожиданиям. Подобные настроения испытывали героини романа Эдварда Форстера

«Поездка в Индию» (1924 г.). Только что прибывшая в Индию мисс Адела Квестед, утомившись от общества соотечественников в клубе, восклицала: «Я хочу увидеть *настоящую* Индию». Ее компаньонка преклонных лет миссис Мур «тоже была разочарована скукой их новой жизни. Они «совершили романтическое путешествие по Средиземному морю, пересекли пески Египта и доплыли до Бомбея ради того только, чтобы обнаружить расставленные прямоугольной решеткой одноэтажные дома с верандами» (Форстер 2018: 35, 36). Чуть позже встречается фраза: «Случилось так, что у миссис Мур и мисс Квестед в течение прошедших двух недель не было ровным счетом никаких острых ощущений и сильных переживаний» (Форстер 2018: 198). У ехавших в колонию европейцев нередко была установка, что *настоящая* Индия должна быть необычной, дарить острые ощущения, быть похожей на страну из сказок «1001 ночь». В поисках необычного и компенсации постигшего разочарования они отправлялись в путешествие по пещерам. Эти были вырубленные вручную в скальных породах буддистские, джайнские и индуистские храмы, внутри которых находились гигантские статуи Будды, индуистских богов, а также остатки настенных фресок. С начала XIX в. там появляются профессиональные исследователи и рядовые путешественники (как, например, та же Блаватская или героини Форстера), чьи описания увиденного складываются в две нарративные традиции: условно научную и обыденно-обывательскую.

В рамках обывательского восприятия вокруг пещер формируется описательный дискурс с характерным набором элементов, нагнетавших страх и создававших вокруг пещер ореол таинственности, сказочности. В него входили подчеркивание доисторичности появления пещер, невозможность идентифицировать время их создания, нечеловеческое или сверхчеловеческое происхождение, непостигаемое разумом и не выразимое словами явление, уверенность в существовании других, еще неизвестных, «не раскрытых со времен пришествия богов» (Форстер 2018: 186) пещер. Непременным элементом было молчание или даже молчаливый заговор местных брахманов, которые что-то знают про тайну

пещер, но скрывают ее, что автоматически заставляло посетителей предполагать возможность нахождения там каких-то страшных существ: реальных тигров, шакалов или нереальных богов или богинь. Эти опасения подкреплялись свойством эха, которое воспринималось как глас богов. Кроме того, случавшиеся с визитерами обмороки, дурнота, помутнение рассудка также нередко приписывались особой ауре пещер.

Мистификация пещер происходила на фоне научных экспедиций и публикаций, в которых авторы оперировали теми же словами (сказочный, прекрасный, волшебный), вкладывая, правда, иной смысл или содержание. Так, Дж. Фергюссон и Дж. Бергесс, авторы огромного труда «Пещерные храмы в Индии», вышедшего в 1880 г., сообщали на первой же странице, что «история Будды и раннего буддизма, которая ранее была сказочной и затуманенной, теперь стала ясной и понятной на основании признанных фактов» (Fergusson, Burgess 1880: xiii). Ученые тоже фиксировали и закрепляли уникальность объекта, но на основе полученного знания и экспертной оценки. В качестве источника для анализа научного дискурса в данном исследовании используется отчет о научной экспедиции в пещеры Аджанта в 1872–1873 гг. директора Бомбейской школы искусств Джона Гриффита со студентами школы с целью копирования настенных фресок. Внимательно изучая изображения, Гриффит обнаруживал в них общие черты с ранней итальянской живописью XIV в., отмечал, что позы некоторых фигур, «вызывают столь стойкие ассоциации с фигурами христианского искусства, что им скорее место в средневековых европейских церквах, нежели в пещерах Аджанты», усматривал уникальность в передаче образов в сопоставлении с флорентийской и венецианской изобразительными манерами, находил пещерное искусство полным жизненности и экспрессии по сравнению с исламским искусством, «неестественным, застывшим и потому неспособным к развитию» (Griffiths 1873: 3, 4, 6).

В результате научного сопоставления художественного оформления пещер с другими изобразительными традициями, типологизации и включения исследованных памятников в мировое культурное наследие невиданное превращалось в

уже где-то виданное. Вокруг объектов изучения происходило наращивание культурной толщины, вписывание в исторический контекст, а вместе с тем десакрализация места, лишение его ореола таинственности и очеловечивание создателей пещер, т.к. из мифических циклопов они превращались в людей, которые наблюдали жизнь вокруг себя, мастерски перенося ее на стены и в скульптуры. Этому также способствовал начавшийся процесс музеефикации. Консервирование пещер, ограничение доступа в них, введение регламента знакомства с ними, невозможность потрогать и прочие музейные практики отстраняли жаждавших посетителей тайны от ее источника.

Эти практики вызывали сопротивление со стороны обывательской традиции. Европейцы, по-прежнему жаждавшие сохранить место на земле, еще не попавшее под каток европейских линеек, шаблонов, каталогов, энциклопедий, обладающее эффектом чуда, определяемого категориями невиданного и непознанного, старались не замечать параллельно существовавший научный дискурс. Разрыв между двумя тенденциями описала та же Е.П. Блаватская: «… между *официально* расследованной Индией и (если дозволено так выразится) *подземною*, настоящею Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма и настоящею *русскою* Россией» (Блаватская 1998: 11–12).

БИБЛИОГРАФИЯ

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1998.

Форстер Э.М. Путешествие в Индию. М., 2018.

Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples of India. London, 1880.

Griffiths J. Report on the Work of Copying the Paintings in the Caves of Ajanta in 1872–73 // Nagpur Archives. Revenue Department. Hyderabad Residency — Civil Offices. Berar Branch. File No. 23 of 1872. Subject: Results of the Expedition of 1873 to the Ajanta Caves and Preservation of Paintings in Those Caves.

Н.А. Смирнов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВООБРАЖЕНИЯ ЗЕМЛИ И ЕЕ ЛАНДШАФТОВ ДИСКУРСОМ АНТРОПОЦЕНА

Сегодня дискурс антропоцена приводит к радикальному переосмыслению статуса человека и его места в мире. В частности, происходит демонтаж онтологических доминант, критика антропоцентризма, реабилитация ряда домодерных и альтернативных модерных космологий, их гибридизация с различными магистральными секулярными теориями.

Эти процессы сильно влияют на воображение Земли, ее пространств и ландшафтов, трансформируют то, что можно назвать *географическим воображаемым*. На первый план начинают выходить связи между акторами в ландшафте, что преследует цель предложить новую диалектику части (земного актора) и целого (Земли). В итоге, возникают различные гибридные версии переосмысленного земного пространства, которые стремятся представить Землю как диалектически сложное цельное единство. Среди многочисленных примеров можно назвать атомарно-материалистическую *оптику касания* теоретика Карен Барад (Barad 2018), концепцию *разземления* Бена Вударда (Woodard 2013), который опирается на Шеллинга и Мерло-Понти в создании своей менее антропоцентричной новой геофилософии. Или призыв к разработке множества *космотехник,* принадлежащий гонконгскому философу Юк Хуэю (Hui 2017).

Отечественные концепции Земли и ее ландшафтов начинают выглядеть рабочими альтернативами в этом ряду. В частности, *хорологическое понятие ландшафта,* наследующее немецкой идеалистической философии и натурфилосо-

фии; концепция *земных индивидуалов* в евразийстве и классическом либеральном краеведении; *геохимическое заземление человека/космохимическое разземление Земли* у В.И. Вернадского (Вернадский 2001) или обращение к домодерным общинным космологическим моделям устройства мира в ряде современных теорий разной степени массовости и научной точности. Все они предлагают разные версии диалектики части и целого в воображении пространства, которые могут оказаться вполне рабочими альтернативами внутри проблематики антропоцена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001.

Barad K. On Touching — The Inhuman That Therefore I Am (v1.1) // Power of Material / The Politics of Materiality / Ed. by S. Witzgall and K. Stakemeier. Zurich, 2018.

Hui Y. Cosmotechnics as Cosmopolitics // E-flux Journal # 86. November, 2017. — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.e-flux.com/journal/86/161887/cosmotechnics-as-cosmopolitics/, дата обращения — 01.02.2020].

Woodard B. On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy. Brooklyn NY, 2013.

Е.К. Созина

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ УРАЛА

Определений культурного ландшафта великое множество. «…Под ладшафтом могут пониматься и пространственно-визуальный ансамбль места, и репрезентация местности, и символический ландшафт, и символ места, и метафора… и даже текст…» — пишет В.Н. Калуцков (Калуцков 2008: 32). Выделяя природоцентричный и культуроцентричный подходы к исследованию культурного ландшафта, этот автор останавливается на втором подходе, однако его анализ базируется в большей степени на материальных компонентах ландшафта, включая в качестве дополнительных продукты духовной культуры, обнаруживаемые в том или ином топосе/ландшафте.

Иная стратегия исследования характерна для работ Д.Н. Замятина. «Культурные ландшафты — это территории или пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через “призму” культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов. <…> …культурные ландшафты формируются как устойчивые ментальные образования с помощью историко-географических образов» (Замятин 2004: 189, 196), так что природная среда как бы «растворяется», преодолевается посредством этих образов и в них самих. На наш взгляд, подход Д.Н. Замятина («география воображения») не менее феноменологичен, чем так называемое феноменологическое направление в ландшафтоведении, представляемое В.Л. Каганским. Роль литературы и других видов искусства в понимании и тематизировании ландшафта оказывается при этом незаменимой, что, собственно, и демонстрируют различные тексты (научные и художественные) самого Д.Н. Замятина и ряда других исследователей.

Урал — регион, давно и плотно освоенный человеком, разнообразный в географическом, природном, социальном, экономическом, культурном отношении. Причем, говоря о его культурных ландшафтах (а также — о ландшафтах любого иного протяженного в пространстве региона), рядом с географией мы должны поставить на первое место историю: любой культурный ландшафт формируется, развивается, а возможно, и угасает во времени истории; художественно-географические образы — перформативные «свидетели», знаки, конструкторы его изменений и образующихся трансформаций. Кроме того, культурно-исторический ландшафт чаще всего имеет этнопривязку (идея Л.Н. Гумилева о зависимости этноса от ландшафта, но не менее важно учитывать и обратное — воздействие этноса на ландшафт). Этническая компонента, также меняясь во времени, становится не столь существенна в процессе модернизации страны, промышленного освоения региона. Имея это в виду, мы выделяем следующие типы культурно-исторических ландшафтов Урала как своего рода макрорегиона, или макрорегионального культурного ландшафта, существовавшие вплоть до начала индустриализации страны конца 1920-х – 1930-х годов:

• горнозаводской;

• казачий (степное Оренбуржье);

• тюркско-кочевой (также степной, используя привычное для XVIII–XIX вв. наименование обитателей степей — киргизский или киргизско-кайсацкий; территория нынешнего Западного Казахстана);

• лесо-охотничий европейский (зырянский и пермяцкий: территория нынешней республики Коми, а также Коми-пермяцкого автономного округа);

• лесо-охотничий азиатский (вогульский и остяцкий: восточный склон Уральского хребта, переходящий в Западную Сибирь);

• сельско-удмуртский.

Как видим, все они, за исключением горнозаводского типа, являются *этно*ландшафтами, где природное окружение порождало определенный вид занятий населения, а отсюда — образ жизни и социально-культурной среды. Типо-

логия эта более чем условна и может быть изменена, дополнена, скорректирована, но она стремится охватить весь так называемый Большой Урал, разнообразие его угодий и населения. В целом, к территории «Большого Урала» вполне применима характеристика российского пространства, данная Д.Н. Замятиным: «…российское пространство повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения, и тем самым оно осуществляется в образном плане как пространство перехода и как ламинальное, пограничное, фронтирное пространство» (Россия 2009: 16; см. там же репрезентацию образа Урала в статье В.В. Абашева, с. 218–237).

Основными критериями выделения типов культурных ландшафтов являются следующие факторы: 1) природный ландшафт (лес / парма / тайга, степь, городские поселения); 2) основной род занятий населения, выражающий целевую прагматическую направленность ландшафта; 3) историческая память (нынешних казахов или башкир кочевниками не назовешь, но этот образ жизни и род занятий у них «в крови», как мандельштамовский «блуд труда» — у значительной части обитателей горнозаводского Урала); 4) культуропорождающая, культуро-формирующая способность — то самое пространство географических образов, «воображение пространства / пространство воображения» (Россия 2009), которое «работает» и созидается в культуре, науке, искусстве, собственно, и делая культурный ландшафт таковым. Эта последняя способность как атрибутивное качество культурного ландшафта может складываться и проявляться не обязательно в своей культуре, но зачастую — в культуре отражающей, рефлективно-аналитической: так, казачья культура порождала своих креатур и агентов из себя (достаточно вспомнить оригинального писателя середины XIX в. И.И. Железнова), кочевая же, тюркская (казахский и частично башкирский этносы) вплоть до 1920-х годов отражалась в чужой — в восприятии тех, кто пришел и внедрился в степь (оставляя в стороне трудный вопрос об аутентичности народного эпоса, дошедшего до нас в записи опять-таки пришлых просветителей). С точки зрения географа, здесь следует говорить о внешних и внутренних типах ландшафтов (Калуцков 2008: 72–74).

Каждый тип ландшафта способен порождать свой текст, или выражаться в своем тексте как некоей семиотической реальности, входящей в культуру и представляющей свой ландшафт в ней. Горнозаводской ландшафт Урала, ныне становящийся историей, как и вся «горнозаводская цивилизация», породил массу горнозаводских текстов, складывающихся в сверхтекст; он и сегодня имеет своих апологетов — М. Никулина, А. Иванов, О. Славникова и др., то есть хранит историческую память места и его смысловой наполненности (см.: Созина 2019).

Каждому тексту, репрезентирующему свой тип культуры и культурного ландшафта, должен прийти свой срок, свой черед. Скажем, зырянская тема и зырянский ландшафт вовлекаются в отечественную литературу и культуру главным образом в XIX в., хотя начало их формирования — первые десятилетия XV в., когда создается «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого и весь корпус разнообразных текстов о колонизации Перми Вычегодской и Перми Великой — древних земель народа коми. Но в силу разных причин все эти произведения не получили широкого распространения, имели ограниченный круг функционирования. Поэтому зырянский лесо-охотничий ландшафт и соответствующий сверхтекст формируется вместе с литературной традицией коми, а осмысляться начинает еще позже, скорее в XX веке, когда открываются двери «другой» (не русской, не православной) литературно-художественной традиции (К.Ф. Жаков, ближе к концу XX века — Г. Юшков, О. Уляшев, П. Лимеров и др.). Тип удмуртского ландшафта схож с коми, но имеет более спокойный, домашний, сельско-деревенский характер, в немалой степени связанный с особенностями национального менталитета. Вместе с тем, на территории Удмуртии есть место и горнозаводскому типу ландшафта — это заводские регионы Ижевска, Воткинска; из общего контекста выделяется также купеческий Сарапул, введенный в состав Удмуртии достаточно поздно.

Рассмотрим более пристально казачий и тюркский (киргиз-кайсацкий) типы ландшафта, чрезвычайно близкие друг другу. Границы между Уралом, Казахстаном, нижним Повол-

жьем (Астраханской губернией) здесь прочертить достаточно трудно: южно-уральская, оренбургская степь плавно переходит в казахскую, среднеазиатскую, отличавшуюся «региональной неоднородностью» (Сартори, Шаблей 2019: 25); и коренное население, и давние, хотя и пришлые «насельники» — казаки — могут быть названы номадами, так что сходство между ними, к возмущению русской (казацкой) стороны, нередко обнаруживали авторы-путешественники XIX в. (см., например: Небольсин 1855). Тем не менее, различать эти два ландшафта, не сливая их в однородную массу, позволяют не только отмеченные выше критерии, но и различие точек зрения — разное восприятие их акторами, в роли которых выступали отечественные, чаще всего русские писатели и критики, — то есть различие в порожденных литературой культурно-географических и социокультурных образах. Позицию русского человека, живущего на рубеже со степью, ярко выразил уфимский журналист середины XIX в. В. Зефиров: «…киргизская степь, страна разъединенной воли народа, без всяких законов, без всякого образования, почти без религии, без сил самосохранения, грубая, буйная, оборванная по наружности и ничтожная внутри» (Зефиров 1851). Этот взгляд на «киргизскую степь» безусловно разделял И.И. Железнов, примерно в то же время служивший в Уральском казачьем войске и ставший идеологом и «певцом» родного ему казачества. Степь в его повести «Василий Струняшев» предстает как безводная мертвенная пустыня, «лишай земной, как больное место, пораженное заразой» (Железнов 1910: 158), а ее обитатели — все сплошь разбойники, не знающие ни права, ни достоинства, ни чести. Однако Г. Зелинский, польский поэт, в 1830-е годы оказавшийся в ссылке в Ишиме, в поэме 1842 г. «Киргиз» выразил совсем иное восприятие того же степного (киргизского) ландшафта, справедливо заключив: «Нет! Чтобы степи близкими стали, / Надо жрецом быть этой святыни! / Надо родиться сыном пустыни!» (Зелинский 1982: 276). Эти столь разные позиции участвовали в напряженной полемике вокруг степи, продолжавшейся весь XIX век, и во многом определили бытование выделенных ландшафтов в воображении культуры последующего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.

Железнов И.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1910. Т. 2.

Зелинский Г. Киргиз: Повесть // Польская романтическая поэма XIX века / Пер. с пол. М., 1982. С. 273–300.

[*Зефиров В.*] Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года // Оренбургские губернские ведомости. 1851. 12 мая.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Небольсин П. Уральцы // Библиотека для чтения. 1855. Т. 130. № 3–4. С. 95–165; Т. 131. № 5–6. С. 44–98.

Россия: Воображение пространства / Пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин и И.И. Митин. М., 2009.

Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019.

Созина Е.К. Локальные тексты Урала // Восток — Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сб. науч. трудов к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга. Волгоград, 2019. С. 124–130.

А.А. Соколова

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЗОН ТЕКТОНИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ САКРАЛЬНОГО ОБРАЗА

Типологии культурных ландшафтов и системы культурно-ландшафтного районирования опираются на природные, этнокультурные, геополитические и иные особенности территории. В качестве физико-географической основы используются преимущественно схемы широтной зональности и физико-географического районирования, что позволяет выделять и картографировать условно целостные и однородные контуры (Веденин, Кулешова 2001). Такой подход актуален при разработке схем территориального планирования, оценке туристско-рекреационных ресурсов и решении других прикладных задач. Значительно реже объектом исследования становятся зоны границ, как природных (экотоны), так и культурных в широком смысле — историко-географические рубежи, фронтиры, этноконтактные зоны (Замятин 2003: 102–113; Замятина 1998: 75–88., Манаков 2012: 54–66; Очерки 2001 и др.).

Геологические границы, в отличие от геоморфологических, ботанико-географических и др., остаются за пределами внимания исследователей. Вместе с тем, литосфера Земли представляет собой весьма сложную систему, в которой условно монолитные и относительно устойчивые структуры (литосферные плиты, микроплиты, блоки земной коры) разделены разломами различной глубины заложения, протяженности и ширины. Они могут быть открытыми или погребенными, что не является препятствием для проявления на поверхности Земли и влияния на размещение поселений, коммуникаций, культовых сооружений. Такое прямое или

опосредованное воздействие обусловлено прежде всего тем, что крупные разломы земной коры контролируют долинно-речную сеть. Морфологически разломы могут быть выражены в рельефе (вулканы, горсты и грабены рифтовых зон, интрузивные купола), образовании термальных источников и гейзеров, развитии линейных тел эффузивов и интрузивов (цепочки даек), кор выветривания. Системы разрывных нарушений контролируют оруденение, контуры металлогенических зон, рудных районов и узлов.

По масштабу и значимости выделяются *линеаменты* или планетарные разломы протяженностью более 1000 км при ширине в десятки километров; разломы *трансрегиональные* протяженностью до 1000 км, *региональные* (до 100 км), *локальные* (до 10 км) и *трещины* (до 10 м). Как правило, крупные разломы сопровождаются более мелкой и тонкой трещиноватостью с длиной зон нарушения до 8–25 км при ширине 2–5 км. Глобальную сеть образуют срединно-океанические хребты, рассеченные трансформными разломами.

Линейные разрывные нарушения значительной протяженности — регмы (греч. *rhegma* ‘разрыв, трещина’) составляют общепланетарную регматическую сеть, заложенную на ранних этапах развития литосферы. На Восточно-Европейской платформе регулярные разломные сети сформировались уже в раннем докембрии. Исследования на Украинском и Балтийском щитах показали, что крупные разломы отстоят друг от друга на 140–150 км, а между ними расположены разломы более низких порядков (Кац и др. 1986).

Очевидно, размерность зон тектонических нарушений не совпадает с иерархией культурных ландшафтов. Как правило, разломы могут быть соотнесены с отдельными частями культурных районов, культурными ландшафтами, а интрузивные купола, трубки взрыва, дайки, — с таксонами более низкого уровня. Так, к «приразломным» культурным ландшафтам относится остров Гогланд в Финском заливе, расположенный в Чудской субмеридиональной структуре глубинного заложения (Афанасов, Казак 2009: 21). К этой же зоне относится Чудской приозерный культурно-ландшафтный район, состоящий из культурных ландшафтов побережья

Чудского озера (Андреев 2012: 158). Но есть и исключения. Например, Исландия — это *культурный мир* по терминологии Р.Ф. Туровского (Туровский 1998), сформировавшийся в пределах фрагмента осевой зоны Срединно-Атлантического хребта, поднявшейся над поверхностью океана.

Культурным ландшафтам, формирующимся в зонах тектонических нарушений, присущи характерные черты, которые могут быть обусловлены следующими факторами (условиями):

– развитием в долине крупной реки (Подвинье, Поволховье, Причудье и т. д.) или узле слияния крупных или средних рек (Великий Устюг);

– наличием месторождений полезных ископаемых (культурные регионы Урала, Алтая, Забайкалья и других исторических и современных центров горного промысла);

– высокой расчлененностью рельефа, наличием изолированных возвышенностей, источников, скальных выходов, пещер и других морфологических проявлений глубинных разломов и зон трещиноватости пород осадочного чехла.

Сакрализация природных объектов, расположенных в зонах тектонических нарушений, тесно связана с существованием в религиозном сознании образов «нижнего» или «верхнего» («горнего») мира. Локализация культовых объектов в древних верованиях и мировых религиях также поддается «геотектонической интерпретации». Например, в Баргузинской котловине основная часть культовых мест шаманистов, в том числе почитаемые минеральные источники, тяготеет к обрамляющим котловину разломам. Баргузинский дацан, как и многие другие буддистские храмы, построен в центре котловины, что не мешает привязать его на карте более мелкого масштаба к грабен-горстовой структуре и далее — к Байкальской рифтовой зоне.

В современной культуре можно наблюдать сохранение традиционного образного восприятия объектов, генезис которых связан с разрывной тектоникой (многочисленные

святые горы, источники, поднятия с нагорными крестами, родники Богородицы и т. д.). Десакрализация источников в советский период привела к появлению Родников Молодости, почитание которых сродни христианскому культу. Им приписываются лечебно-оздоровительные свойства, независимо от результатов гидрохимического анализа.

В 1990-е годы в России началось активное изучение разломов земной коры, обусловленное объективно существующей опасностью возникновения катастрофических процессов и бедствий (обвалы, оползни, повреждения и разрушения сооружений и т.д.) (Шерман 2009) и негативным влиянием на здоровье человека повышенных концентраций радона, что послужило основанием для выделения геопатогенных зон (Рудник 1998: 4: 23.)

Однако в массовом сознании это привело к появлению новой, не имеющей аналогов в прошлом тенденции к мифологизации целых сетей дизъюнктивных нарушений. Узлы разломов стали связываться с образами «плохих (гиблых) мест», что полностью соответствует принципам дифференциации геопространства в традиционной культуре. Так, Долина Смерти, приразломная впадина в Юго-Восточном Забайкалье, ассоциируется у местных жителей с нижним миром, *бездной* (Соколова 2001). Опубликованные в СМИ и сети интернет материалы о влиянии тектонических нарушений на заболеваемость жителей, безопасность движения, криминогенную обстановку и проч. подготовлены на основе открытых источников, и не могут быть проверены на достоверность, поэтому следует согласиться с выводами, содержащимися в статье Википедии — геопатогенные зоны стали объектом городских легенд (Геопатогенные зоны 2019).

Несмотря на псевдонаучность представлений о геопатогенных зонах, родниках молодости и ряде других явлений, связанных с зонами тектонических нарушений, следует признать сам факт вовлечения структур литосферы в воображаемое пространство и систему мифологических и сакральных символов: «Бытие культуры в географическом пространстве неотделимо от процесса символизации среды» (Лавренова 2009: 123). Знакомство с реальными проявле-

ниями энергии земных недр способно вызвать яркие и глубокие переживания, поскольку геологическая история Земли и масштабы событий несоизмеримыми со сферой бытия человека.

Таким образом, мифологизация и сакрализация зон тектонических нарушений позволяет рассматривать данные образования в качестве значимого фактора формирования и территориальной дифференциации культурных ландшафтов. Их следует изучать не только как компонент природного каркаса, но и в качестве подосновы самостоятельно развивающихся «приразломных» культурных ландшафтов разного таксономического ранга, генезис которых начался значительно ранее истории человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев А.А. Типология культурных ландшафтов Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 152–166.

Афанасов М.Н., Казак А.П. Проявление тектоно-магматической активизации на северо-западе Русской плиты и перспективы поисков полезных ископаемых (Псковская, Ленинградская, Новгородская области) // Вестник СПбГУ. Сер. 7: Геология. География. 2009. Вып. 4. С. 20–31.

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Сер. географическая. 2001. № 1. С. 7–14.

Геопатогенные зоны — Электронный ресурс [режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Геопатогенные_зоны, дата обращения: 23.01.2019].

Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

Кац Я.Г., Полетаев А.И., Румянцева Э.Ф. Основы линеаментной тектоники. М., 1986.

Лавренова О.А. Стратегии «прочтения» текста культурного ландшафта // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 123–141.

Манаков А.Г. Культурная география Псковской области: районы и границы// Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 54–66.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общей ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева. СПб., 2001.

Рудник В.А. Геоактивные зоны земной коры и их воздействие на нашу среду обитания // Жизнь и безопасность. 1998. № 4. С. 236.

Соколова А.А. Географическое пространство в культуре русского населения Забайкалья // V Царскосельские чтения. Научно-теоретическая конференция. СПб., 2001. Т. X. С. 42–46.

Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.

Шерман С.И. Тектонофизические параметры разломов литосферы, избранные методы изучения и примеры использования // Современная тектонофизика. Методы и результаты. М., 2009. С. 302–317.

Б.Е. Степанов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ВООБРАЖЕНИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА

Проблематика воображения в 1990-е – 2000-е годы все более активно осваивается социальными науками. Так, А. Аппадураи признает воображение принципиально значимым элементом социального действия в обществе модерна, а Э. Соджа утверждает его в качестве важнейшего элемента географического анализа (Appadurai, 1996; Soja 1996). Любопытно, что и для литературоведения проблематика воображения оказывается достаточно нетривиальной. Как показывает, в частности, Т.Д. Венедиктова, обращение к теме воображения позволяет выявить антропологическую значимость литературы для современного человека, представить чтение как ключевую культурную практику (Венедиктова, 2018). Эти тенденции создают благоприятную почву для разработки новой интерпретации литературы как формы городского воображения и феномена городской культуры.

Применительно к русской литературе ключевым объектом подобного переосмысления должен стать Петербург. Значимость Петербурга для разработки городской проблематики в русской литературе предопределило появление концепции «Петербургского текста», которая была растиражирована в многочисленных литературоведческих исследованиях «городского текста», реализованных на материале российских городов. Начиная с 2000-х годов появляется целый ряд трудов, авторы которых стремятся критически переосмыслить программу «петербургской семиотики» и

предложить иные трактовки литературной репрезентации города на Неве. Намеченная выше перспектива исследования литературной антропологии, которая предполагает взаимодействие литературоведения, социальной истории и социальных наук, позволит выстроить эту работу более систематическим образом. В рамках формирования теоретической базы для этого проекта стоит обратить внимание на то, что Петербург занимает свое место как в литературоведческой традиции рефлексии о городской репрезентации (Д. Фангер, Б. Пайк (Fanger 1998; Pike 1981), так и в социальной рефлексии о современном городе (примером может служить классическая книга М. Бермана *All That Is Solid Melts into Air*, в которой Петербург рассматривается как средоточие городской культуры модерна (Berman 1998)).

В докладе будет предпринята попытка проследить трансформацию образа Петербурга в пространстве соотнесения социальной истории города, к которой относится и социальная организация литературной коммуникации, и собственно историю образа города в контексте литературной эволюции. Перспектива социальной истории предполагает не только фиксацию традиционных социально-экономических характеристик развития города (рост и дифференциация его населения, характер его занятости и т.д.), но проявление этих процессов в культурной организации городского пространства (возникновение разных типов пространств и архитектурная эволюция города в контексте становления городской культуры, практики освоения городского пространства, формирование системы городских коммемораций и т.д., вплоть до пространственной организации литературной индустрии). Что касается литературной эволюции, то тут также можно выделить несколько уровней работы с литературой: 1) социальная прагматика обращения литературных текстов в контексте урбанизации, связанная с осмыслением характера их производства и потребления; 2) проблемы жанровой структуры литературного потока и ее связь с формирующейся городской культурой; 3) репрезентация городского пространства (освоение / вытеснение тех или иных пространственных локусов, конструирование точки зрения городского

субъекта средствами литературы, осмысления жизни города в перспективе образов города, существующих в наличной культурной традиции); 4) саморефлексия литературы в связи с городской культурой и ее местом в жизни города.

Исследователи выделяли несколько этапов эволюции образа Петербурга в XVIII–XIX вв.: классический период, связанный с панегирическим изображением города, романтический период, связанный с переходом от панегирического изображения к осмыслению проблематики отчуждения, и, наконец, капиталистический период, где разворачивается критика социальных контрастов. Мы выберем более крупную периодизацию, связанную с переходом от классической риторической культуры к культуре современной, что позволяет, с одной стороны, зафиксировать барочный генезис литературной репрезентации Петербурга, связанный с наследованием традиций античной и средневековой литературы, а с другой — показать направления становления осмысления Петербурга в рамках модерной литературы. Суть первого из выделяемых периодов заключается в становлении и разложении панегирической репрезентации города. Результат эволюции этой риторической традиции осмысления Петербурга как новой российской столицы оказывается двояким: с одной стороны, как показывает в своей книге Р. Николлози, для позднего панегирика характерно окостенение и рутинизация приемов, с другой — на базе корпуса панегирических текстов происходит формирование новой постпанегирической литературы, в которой панегирические топосы встраиваются уже в новый исторический, философский и литературный контекст (Николози 2009). Формирование корпуса постпанегирических текстов, центральное место в котором занимает «Медный всадник» А.С. Пушкина, открывает второй этап развития петербургской литературы. Он связан не только с превращением Петербурга в мегаполис и формированием специфической для него культурной атмосферы, но и с радикальным изменением в системе организации литературной коммуникации, превращением литературы в современный социальный институт. Речь идет об освоении литературой повседневных ситуаций и пространств

растущего мегаполиса, с новым ритмом обращения и адресации текстов в рамках системы периодической печати, с новой системой литературных средств и жанров, среди которых на первый план выходят очерк, повесть, роман, публицистика.

Эволюция романа демонстрирует характерную двойственность: повышение его статуса как литературного жанра происходит в процессе обращения к более широким слоям населения — сначала буржуазным, а впоследствии — рабочим и крестьянским, определяя новую культуру чтения. В содержательном плане роман выступает в качестве важнейшего инструмента социальной рефлексии в отношении проблематики модерна (ценностные конфликты и социальное многообразие, проблематика успеха и жизненного пути индивида и т.д.), т.е. в значительной степени проблематики именно городского существования. В эстетическом плане роман становится местом формирования эстетических правил, характерных для «реалистической» условности. Здесь оттачиваются формы рефлексивности, игровой драматизации и воображаемого отождествления в границах фикционального письменного повествования, «рафинируются различные способы создания эффектов документальности и синхронности описания и чтения, иллюзии правдоподобия и сиюминутности происходящего, вовлекающей читателя в действие, заставляющей его выйти из своих привычных временно-пространственных горизонтов, отказаться от наивной установки на единственную реальность, “забыться”, вместе с тем играя различными регистрами этого “самозабвения” и “возвращения в себя” (“занимательность”)» (Гудков, Дубин, Страда 1998: 43). Таким образом, романная традиция аккумулирует достижения романтической и реалистической литературы и, вместе с тем, порождает диапазон поджанровых разновидностей — социально-бытовой роман, роман воспитания, исторический роман, уголовный роман и т.д.

Для характеристики диапазона романной репрезентации города можно обратиться к двум наиболее ярким и полноценно исследованным образцам романа — «Петербургским трущобам» В.В. Крестовского и петербургским романам

Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1868–1869; «Подросток»,1875). Роман Крестовского воспроизводит характерную модель романа «городских тайн», которая была инициирована известным литературным блокбастером Э. Сю. Как и в романе Сю, в этом произведении социально-критическая перспектива изображения города (не случайно подзаголовок обозначает его как «книгу о сытых и голодных») сочетается с авантюрным сюжетом. Крестовский заимствует также и сюжетные линии из своего французского прототипа, такие как, например, история незаконарожденных отпрысков аристократических семей, проводящих жизнь в бедствиях и лишениях, благородных женщин, соблазненных и вовлеченных в занятия проституцией. Вместе с тем, Крестовский гораздо больше внимания уделяет описанию маргинальных городских пространств, таких как тюрьма, бордель, трактир и т.д., вплоть до описания конкретных мест, таких, например, как «Вяземская лавра». Подробные описания этих мест и их обитателей, в некоторых случаях оформлявшиеся в самостоятельные эпизоды, развивали этнографическую линию городской литературы и журналистики.

Романы Достоевского в гораздо более значительной степени открыты разнообразию литературного опыта XIX в., элементы которого он переплавляет в собственной литературной конструкции. Вместе с тем они демонстрируют специфическую открытость и урбанистическому опыту: в отличие от этнографически-топографических опытов Крестовского Достоевский препарирует опыт фланера, формирует через изображение города специфическую атмосферу своих произведений. В центре внимания писателя находится антропология городского существования. Нравственные коллизии и психологические конфликты раскрываются здесь при помощи романтических техник проблематизации реальности. Характеризуя эти особенности творчества писателя, исследователи используют такие словосочетания как «романтический реализм» и «фантастический реализм» (Fanger 1998; Jones 2005). Показательно, что именно произведения Достоевского в конечном итоге стали ассоциируро-

ваться с Петербургской атмосферой. Кроме того, в петербургских произведениях Достоевского мы находим специфическую (в частности, по сравнению с О. Бальзаком и Ч. Диккенсом) интерпретацию проблем, фундаментальных для культуры больших городов, таких как индивидуализм, успех, накопление и т.д. Все это не только позволяет поместить произведения Достоевского на противоположный «Петербургским трущобам» полюс миметической литературы, но и до некоторой степени предопределяет роль этих произведений в формировании нового модерного городского мифа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Венедиктова Т. Литература как опыт, или «буржуазный читатель» как культурный герой. М., 2018.

Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.

Николлози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М., 2009.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; London, 1996.

Berman M. All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. New York, 1988.

Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Evanston (Ill), 1998.

Jones M.V. Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's fantastic realism. Cambridge, 2005.

Pike B. The Image of the City in Modern Literature. Princeton, 1981.

Soja E. Third Space: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford, 1996.

А.В. Стрельникова

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(НА ПРИМЕРЕ РАБОЧИХ РАЙОНОВ МОСКВЫ)*

Переориентирование современных городов на деиндустриализацию привело к ряду серьезных изменений, затронувших районы, которые ранее были заводскими. Такие районы в недавнем прошлом представляли собой типовые гомогенные пространства для работы, жизни и досуга в непосредственной близости от промышленных объектов (Меерович и др. 2011). Их «самодостаточность» способствовала социализации жителей внутри данной территории, закрепляя коллективный характер повседневной жизни и формируя тот культурный ландшафт, который в настоящее время соотносится с противоречивым советским прошлым.

В данной работе будет рассмотрена роль культурного ландшафта в формировании территориальной идентичности. Под территориальной идентичностью я понимаю эмоционально окрашенное чувство принадлежности к пространству, которое формируется, прежде всего, благодаря знанию о тех событиях, объектах и локациях, которые связаны с данным пространством (Стрельникова 2018б). Информационной базой авторского исследования, материалы которого легли в основу данной работы, являются интервью со «старыми» и «новыми» жителями двух московских районов (Ту-

* Текст подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-33-01006 «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности».

шино и ЗИЛ), а также интервью с экспертами-девелоперами и серия наблюдений. Помимо этого, проводился сбор ментальных карт, анализ онлайн-дискуссий (официальные сайты застройщиков, СМИ, материалы социальных сетей и блогов, тематические сайты), работа с вторичными источниками данных.

В ходе анализа данных были выделены следующие базовые категории, характеризующие культурные ландшафты бывших рабочих районов: производственный профиль, обособление территории, советское прошлое. Эти категории выступают в качестве идентификационных маркеров, позволяющих охарактеризовать коренных жителей данных районов и членов их семей и «новых» жителей, чей опыт взаимодействия с бывшими рабочими районами складывается только в настоящее время (благодаря появлению современных жилых комплексов).

Производственный профиль

Рассмотрим эту категорию на примере кейса Тушино. Тушино является одним из примеров территории с многослойным социокультурным ландшафтом и противоречивыми границами. Причастность к авиационному прошлому района, информированность об этом прошлом является одним из важных смыслообразующих элементов территориальной идентичности жителей Тушино.

Ранее Тушино было поселком, позднее — городом, затем было присоединено к Москве в качестве района, границы которого варьировались с течением времени, все больше отличаясь от исторических (в настоящий момент он административно состоит из трех территориальных единиц — Южное Тушино, Северное Тушино и Покровское-Стрешнево). В советское время в Тушино работали предприятия авиастроительной и космической промышленности, размещались аэродромы полярной и военной авиации, что способствовало формированию тушинской идентичности через привязку к авиационной тематике. В нарративах местных жителей подчеркивается: «Я воспринимал Тушино как мощный авиационный район» (муж., 65 лет, работал на авиационном предприятии в коллаборации с ТМЗ); «Здесь было довольно много заводов

авиапромышленности» (жен., 36 лет, живет в Тушино с детства); «Многое, что связано все-таки с авиацией, именно для меня символ — мотор, самолет, что-то такое» (жен., 59 лет, живет в Тушино 50 лет).

Одним из наиболее известных изделий, созданных на тушинских заводах, был орбитальный корабль Буран, рассказы о котором закономерно встраиваются в образ тушинской локальной идентичности: «Три космических достижения было: полет Гагарина, высадка на Луну и наш Буран» (муж., 83 года); «Работой на заводе [ТМЗ] гордились, хвастались; это был передовой завод, на котором построили Буран» (муж., 30 лет). В нарративах о Буране можно выделить несколько ключевых структурных элементов: обозначение масштаба проекта, обозначение своей личной роли в реализации проекта, история создания Бурана, история транспортировки Бурана по району, история успеха и славы, история упадка, и, наконец, история сохранения памяти (Стрельникова 2018б). Вокруг этих нарративов формируются солидарности и поддерживается территориальная идентичность коренных жителей района и членов их семей.

Обособление территории: физическое и символическое

Идентичность «старых» жителей формировалась в советский период, вместе с географической изолированностью района и его социально-классовым единообразием. Нарративы о прошлом показывают, что совместная деятельность как в рабочее, так и во внерабочее время, способствовала формированию внутригрупповой сплоченности («Все друзья жили компактно, в соседних домах.... На праздниках и похоронах собирались все с района»; «В школьные годы мы из района даже не выезжали»). Переходя к описанию настоящего, эти нарративы становятся нарративами об утраченных смыслах жизни, о потерянных жизненных ориентирах, так как территориальная идентичность местных жителей базируется на заводском прошлом (Стрельникова 2018а).

Освоение заводских территорий в ходе редевелопмента привносит новые формы обособления пространства в бывшие рабочие районы. В то время как прежний район утратил свою однородность, она начинает формироваться в местах

новой застройки (в том случае, если застройщики следуют концепции «город в городе»). Как следствие, новые жители данных жилых комплексов символически отделяют себя от окружающих территорий: «Есть мы, а есть все остальное Тушино» (житель Тушино, 2018); «Хотел, чтобы однородное было сообщество» (житель ЗИЛарт).

Смыслообразующими центрами для будущих жителей становятся элементы, отражающие «экологичность», «спортивность» и «современность». С одной стороны, они воспринимают свое место проживания как пространство с однородным социальным окружением (Tach, Emory 2017), с другой — имеют смутные опасения относительно «заводского» района, что подчеркивает различия в восприятии городского пространства в зависимости от статуса индивида относительно этого пространства.

Советское прошлое: принятие или отвержение

Становясь объектом воспоминаний, заводское прошлое реконструируется через наиболее яркие, типичные, узнаваемые события, контекст которых соотносится с советским прошлым в целом. Оно является важным смыслообразующим ресурсом для идентичности жителей заводских районов, будучи практически единственной «универсальной» опорой, поддерживающей субъективное восприятие себя и своего места в обществе (Гудков 2009).

В настоящее время, когда заводы утратили свое основополагающее влияние на организацию жизни и пространства заводских районов, жители ощущают себя не так комфортно, как ранее. Это связано с тем, что гомогенная среда района стала постепенно разрушаться (Crowley 2016). Попытки остановить это разрушение приводят к появлению различных инициатив местных жителей, направленных на поддержание героического образа прошлого (ностальгические сообщества и др.). Для старшего поколения жителей неотъемлемыми элементами символического образа «заводского» района по-прежнему выступает сам завод и связанные с ним инфраструктурные объекты. Восприятие пространства через эти элементы обращено к прошлому, то есть отражает не по-

вседневность текущего момента, а опыт советской повседневности, которая сформировала структуру их жизненного мира.

В то же время, интервью с новыми жителями показывают, что отношение к «старому» району скорее негативное: «Тушино — это что-то ретроградное, связанное со старой Москвой, с какой-то неустроенностью, как в бытовом, так и в социальном смысле. А тут люди все новые» (житель Тушино, 2018).

Полученные результаты позволяют дать ряд рекомендаций по развитию познавательно-досуговых активностей, которые смогли бы расширить пространственные практики новых жителей индустриальных районов, выводя их за пределы собственной локальной территории и знакомя с многослойным прошлым района, воспринимающимся ими на данный момент как «опасное» или «неинтересное». Это позволит повысить туристически-досуговый потенциал «старых» культурных ландшафтов бывших индустриальных районов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 8–37.

Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: Градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011.

Стрельникова А.В. Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов // Смыслы жизни российской интеллигенции / Сост. Д.Г. Цыбикова; под общ. ред. Ж. Тощенко. М., 2018. С. 275–280.

Стрельникова А.В. Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 16. С. 60–69.

Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. No. 5. P. 397–422.

Tach L., Emory A.D. Public Housing Redevelopment, Neighborhood Change, and the Restructuring of Urban Inequality // American Journal of Sociology. 2017. Vol. 123. No. 3. P. 686–739.

Т.А. Тыркова

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА КАК ОСНОВА ЛОКАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Культурный ландшафт города — это материально-ментальная проекция смысловой, духовной и эстетической деятельности человека: отдельных личностей или территориальных сообществ. Чем глубже художественно-философское, духовно-эстетическое восприятие пространства теми или иными людьми или сообществами, тем больше возможностей для проявления имплицитных слоев, образов и смыслов, формирующих то или иное пространство.

На сегодняшний момент вопрос «Зачем нужен художественно-гуманитарный подход в исследовании городского пространства?» постепенно меняет свою «маргинальную» форму звучания на легитимную потенцию в урбанистическом дискурсе. Способствует этому не только практическая составляющая, которая монетизируется в пространстве города, но и исследовательский формат.

Незыблемая основа искусства — это воображение. Как правило, территориальное планирование местности включает в себя анализ улично-дорожной сети, экономической и природно-ландшафтной среды, жилищный фонд, существующее землепользование и т.д. Важное место в этом анализе занимает исследование исторического пространства территории, а также ее культурный потенциал. Воображение — это моделирование ситуации, в которой экономические, социальные, исторические, культурные слои города взаимовыгодно «располагаются» по отношению друг к другу.

В данном случае верхушкой айсберга культурного ландшафта является общая социальная и экономическая значи-

мость. Но возвращаясь к самому началу нашего рассуждения, где говорится о том, что такое культурный ландшафт города, мы найдем там важную, подводную часть исследуемого «айсберга». Материально-ментальную проекцию невозможно проявить (с точки зрения видения, а не данности) с помощью набора статистических данных. Проявление феноменологической данности в городском пространстве возможно, прежде всего, в ситуации конфликта эмоционального и творческого. В данном случае конфликт понимается не как противоречие, а как реакция на нечто неожиданное, резко отличающееся от привычного образа повседневности.

Обращаясь к трудам Георга Зиммеля, мы обратим внимание на одну из выделенных им особенностей большого города — его перенасыщение внешними раздражителями. Эпидермальным барьером в городской среде является равнодушие. Нельзя сказать, что городской житель никак не реагирует, к примеру, на калейдоскоп быстро меняющихся, ритуализированных событий. Реакция эта происходит не на чувственном уровне, а на рациональном, когда человек адаптируется к условиям своего физического существования в городе. Особенность «художника» (в данном случае мы рассматриваем не профессиональную принадлежность) заключается в том, что он прислушивается к своим эмоциональным и рациональным раздражениям, осмысливая их и сублимируя в творческий продукт. Иногда для того чтобы в своих работах выдержать многоуровневое эмоциональное воздействие, художник прибегает к различным жанрам возможных репрезентаций своего художественного опыта.

Осмысленная реакция на внешние эмоциональные вызовы проявляется в образной разработке тех или иных художественных форм. Город — это художественный материал, находящийся в постоянной пластике. Постмодернизм вывел искусство из камерной концепции на большую арену, включающую в себя общество, город и частную жизнь каждого из нас. Актуальное искусство не таится в выставочных залах, а становится частью повседневности. В городском пространстве самым очевидным инструментарием актуального искусства является искусство реди-мэйда (англ. *ready-made*), которое

появляется тогда, когда утилитарный город подвергается художественным, метафизическим и феноменологическим воздействиям — граффити, акустическая мелодия в подземном переходе, фанатская наклейка на эскалаторе в метро, сфотографированный закат, написанное стихотворение и т.д. Объект, перемещенный из утилитарного пространства в художественное, проявляет уникальные свойства, которые вне художественного контекста остаются незамеченными.

В середине 80-х годов XX в. фотография начинает играть как главную, так и вспомогательную роль для художников. В наши дни, благодаря доступности визуальных технологий, внедрению социальных сетей в корень человеческого бытия, а также «революции изображений», визуальные репрезентации стали инструментом документирования частной жизни и способом художественной, невербальной коммуникации. Опыт работы над проектом «Басманный город» показал, что с помощью художественно-документальной фотографии возможно интерпретировать метафорические высказывания города, которые содержат в себе социальную, экономическую, политическую и урбанистическую проблематику. Исключительно утилитарное понимание городского пространства приводит к имманентному, редуцированному восприятию реальности.

В нашем исследовании важна не документальная фотография, которая фиксирует реальность, не художественная фотография, которая выстраивает свой независимый от города контекст, а фотография, базирующаяся на стыке двух визуальных жанров. К подобным фото-урбанистическим работам можно отнести творчество советского фотографа М.А. Дашевского. Визуальные репрезентации Дашевского 1960–1990-х годов демонстрируют смысловые локусы ушедшей Москвы, которые мы можем, в некоторой степени, проследить и сегодня. Особый интерес в исследовании городского пространства вызывает серия работ, названная фотографом «Палимпсест». Задействованный метод двойной экспозиции демонстрирует наложившиеся пространственные слои, а также идею метафизической основы физического города (Дашевский 2015).

Другим ярким примером художественно-документальной фотографии является творчество современного урбанисти-

ческого фотографа Дмитрия Зверева (Зверев 2013). Работы Зверева, как и Дашевского, исходят из едва уловимой ткани города, ощутить которую возможно, прибегнув к методу фланирования Беньямина и дрейфу Ги Дебора. В контексте современной урбанистической фотографии Зверева присутствует поэтика пространства, которая усиливает образную систему его работ.

Интересный случай в исследовании феноменологического пространства города — это когда фотография является не только визуальным инструментом для передачи информации, но и медиумом в физическом и метафизическом пространстве. Примером таких работ может служить проект уличного художника Ивана Симонова «#Маленькие люди» (Симонов 2016). Известная в искусстве техника коллажирования разместилась не на листе бумаги, а в пространстве города. Сфотографированные, а затем «вырезанные» герои урбанистической фотографии, в маленьких пропорциях, размещаются на стенах, водосточных трубах, фонарных столбах, окнах, заборах и т.д. Композиционные решения таких работ выстраивают социально-урбанистический контекст. Также, что очень важно, формируются смысловые точки и отсылочные поля, вырывающие городского жителя из ритуализированной, однообразной бытийности.

В срежиссированных потоках городской жизни человеку для подтверждения формы «Я есть» необходимо «нечто». Этим «нечто» выступает искусство реди-мэйда. Ранее мы говорили, что с помощью равнодушия городской житель защищается от «механизации» среды, в которой он существует. Реди-мэйд как антиформа, как то, что выбивается из привычного утилитаризма города, связывает городского жителя с чувственной реальностью и делает форму «Я есть» эмоционально возможной.

Современное пространство города имеет авторитарную форму жизнеустройства. Это проявляется не только в предписании, регламенте жизни человека в городе, в сохранившейся архитектуре тоталитаризма, в отсутствии права выбора. Образ большого современного города, если обратиться к его негативной экзистенции, это «гигантских размеров ло-

вушка» (Райт 2016: 50), это исполинское существо «Молох», другими словами, это некий Абсолют, довлеющий над человеком. Современное искусство в городе, в качестве антиформы, выступает против имперского, авторитарного пространства. Деконструкции актуального искусства разрушают метафизические рамки и стереотипы, предписываемые городом. Как правило, любое проявление реди-мэйда, будь то надпись на фонарном столбе или вырисованный женский силуэт на осыпающейся штукатурке дома, это всегда — «открытые вопросы», которые формируют феноменологическую зону диалога. Сократовская диалектика в ее образной транскрипции, характерная для взаимодействия города и его обитателей, или его «свидетелей», на чувственном и метафизическом уровне трансформирует пространство наиболее авторитарных городских дискурсов в «демократическую» образно-символическую среду.

Городской ландшафт — это непрерывное видение, движение внутри образного русла. Постоянные модуляции (сигналы / ссылки) развертывают понятийные категории образной системы города. В исследовании феноменологии города остается неизученный вопрос «закадрового пространства». Для того чтобы понять введенную нами терминологию, процитируем Ж. Делёза: «Закадровое пространство отсылает к тому, чего мы не слышим и не видим, и все-таки оно в полном смысле слова присутствует» (Делёз 2019: 30). Визуальные репрезентации несут в себе имплицитные смыслы, символы, образы и являются синтезом зримого и незримого множества. Поскольку «любое кадрирование обусловливает закадровые явления» (Делёз 2019: 30), в данном случае важно отметить инструмент кадрирования, присущий в первую очередь визуальным носителям, таким как фото и видео. При кадрировании видимого создаются паттерны или фрактальные единицы предметного мира. Как только некая единица попадает в паттерн городских явлений и образов, она теряет свою предметность. Перегруженное глобализированное пространство освобождается, то есть появляются свободные образные зоны для «маневра». Говоря визуальным языком, кадр из заряженного превращается в разряженный. В результате таких

манипуляций смысл выходит на передний план и становится более явным. Скажем также, что смысл, или закадровое пространство, не всегда становится более явным, однако, в любом случае, увеличивается область его понимания и наличия с точки зрения условного «внешнего» наблюдателя.

Город, во всем его метафизическом и феноменологическом многообразии, формирует общее культурное поле. Конкретные объекты и атрибуты городского пространства могут рассматриваться как феномены, «провоцирующие» создание тех или иных творческих произведений, не зависящих, тем не менее, в своих репрезентациях и интерпретациях непосредственно от локаций, использованных в ходе их создания. Художники, фотографы, кинематографисты, театралы, музыканты и т.д. могут находить исходную творческую энергетику в любом потенциально им интересном городском месте и его ауре — проспекте, архитектурном ансамбле, в функционале заброшенной фабрики, в атмосфере позднего метрополитена.

Сайт-специфичные (англ. *site-specific*) практики также находят свое проявление в культурных институциях. Кино, театр, музей все чаще реализуют проекты, в которых город становится физической и метафизической декорацией. Феномен гения-места в данном случае выступает как инструмент трансляции самосознания городского жителя. Важно отметить, что кейс данного взаимодействия возможно рассмотреть «с «точки зрения» культурного фрейма любой из упомянутых культурных институций, так и с «точки зрения» культурного фрейма самого города.

Пример сайт-специфичных практик, которые только начинают проявляться в России, — это спектакль «Борис» Д.А. Крымова. Особенность спектаклей такого рода заключается в делегировании постановочных функций пространству, в котором осуществляется действие. Уникальное архитектурное пространство Музея Москвы, которое объединяет в себе историю и современность столицы, предоставляет также предметы из фондов, которые не просто играют декоративную роль, а проживают свою историческую бытийность в современной парадигме. Памятник архитектуры федерального зна-

чения «Провиантские склады» XIX в., в котором располагается музей, создает многоуровневое эмоциональное погружение, важное не только для эффектного восприятия театральной постановки, но и для эмоциональной связи жителей с городом.

По сути дела, феноменологический контекст города определяется историческими, культурными, социальными и экономическими пространственно-временными слоями, или «плитами». Фиксация и проявление городского контекста с помощью культурных форм способствует формированию визуального нарратива города. Эта культурно-выставочная форма уже существует, необходимо только дать ей возможность проявиться. Город — это пространство визуального реди-мэйда. В городе мы можем быть как художниками, кураторами, так и просто «посетителями» этой самобытной «галереи искусств».

БИБЛИОГРАФИЯ

Дашевский М. Московский палимпсест // Foto & Video. 2015. № 11–12. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.foto-video.ru/art/portfolio/71996/, дата обращения — 26.01.2020].

Делёз Ж. Кино / Пер. с фр. Б. Скуратова. 2-е изд. М., 2019.

Зверев Д. «Вдохновение всегда приходит с первым удачным кадром» // RosPhoto. 2013. 9 декабря. — Электронный ресурс [режим доступа: https://rosphoto.com/portfolio/dmitriy_zverev-2232, дата обращения — 26.01.2020].

Райт Ф.Л. Исчезающий город. Москва, 2016.

Симонов И. #Маленькие люди, бумажная хрупкость бытия // Режь да клей: Сообщество российских коллажистов. 2016. 30 ноября. — Электронный ресурс [режим доступа: http://russiancollage.ru/articles/malenkieludi/, дата обращения — 26.01.2020].

П.Ю. Уваров

ФИЛОСОФСКИЙ ЛАНДШАФТ ПАРИЖА И ЕГО ОКРУГИ

Во второй четверти XVI в. появляются планы Парижа, увиденного с высоты птичьего полета, к концу столетия их насчитывалось уже не менее десятка с учетом различных «реплик». На этих планах присутствует большой луг, расположенный по левому берегу Сены, начинавшийся от западных ворот города и с юга ограниченный бургом аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Иногда на лугу изображали фигурки людей, играющих в мяч или гуляющих вдоль берега. Это был знаменитый *Pré-aux-clercs* — «Луг клириков», или «Луг грамотеев», упоминаемый с конца XII века. Через полтора столетия утвердилось мнение, что эта земля была подарена для отдыха и развлечений парижским школярам еще Карлом Великим, якобы основавшим Парижский Университет. Монахи аббатства Сен-Жермен с этим не соглашались. Время от времени они, как и жители их бурга, пытались приступить к хозяйственному освоению луга, но неизменно встречали отпор со стороны университета.

В XVI веке характер таких стычек меняется. Стремительный рост населения (с 1500 по 1560 гг. число парижан возросло с 200 до 350 тыс. жителей) превратил пустующую территорию в лакомый кусок для застройки. Студенты же отчаянно сопротивлялись покушениям на свой луг. При Генрихе II (1547–1559) он дважды становился ареной «мятежа и смуты». В 1548 году начало застройки части Пре-о-Клер («Малого луга», примыкающего к городским стенам) вызвало возмущение студентов, разрушивших некоторые из домов «узурпаторов». Произошли вооруженные столкновения. Решение высшего королевского суда — Парижского парламен-

та — было компромиссным. Новые дома на Малом лугу оставались, но их владельцы должны были платить ренту университету. Дальнейшее строительство прекращалось, доступ монахов к Пре-о-Клер был закрыт, запрещено устраивать на лугу свалку (Du Boulay 1673: 410).

В мае 1557 года все обернулось иначе. Застройка оставшейся части луга, начавшаяся с королевского разрешения, вновь вызвала протесты студентов. Начались стычки. Виновными объявили студентов. На лугу были воздвигнуты виселицы. Студентов предписывалось держать взаперти в коллегиях, а «вольнослушатели» были должны либо немедленно поселиться в одной из таких коллегий, либо покинуть город. Выход на луг был категорически запрещен университетскому люду (Du Boulay 1673: 494).

В королевскую резиденцию спешно была направлена университетская делегация, которой удалось смягчить позицию короля. По возвращению в Париж один из делегатов, знаменитый философ Пьер де ля Рамэ (Рамус), отчитался перед ассамблеей университета об этой встрече. Его речь, произнесенная перед королем и кардиналом Лотарингским, была опубликована (Ramus 1557).

Помимо удачно подобранных аргументов в защиту университета Рамус в своей речи предложил план реформ, призванных изменить судьбу спорного луга. Авторитет Рамуса усиливался тем, что он был не простым преподавателем, но — королевским лектором, то есть должностным лицом на королевской службе, читающим раз в неделю публичные («королевские») лекции для всех желающих, а не только для студентов своей коллегии. Публичные лекции он считал самой важной частью университетской жизни, так как был уверен, что коллегии не должны быть закрытыми. Он также считал недопустимым изгнание из Парижа вольнослушателей, в особенности — иностранных студентов. Аргументы в пользу открытости образования черпались как из античной истории, так и из современности.

Чтобы Пре-о-Клер больше не вызывал распрей, его, согласно Рамусу, надо сделать общественной площадью, пространством отдыха и прогулок.

> Нужно, чтобы эта площадь была очищена от запахов, сопутствующих торговле, чтобы там не было ни ремесленников, ни крестьян, потому что это место — для упражнения юношества, гордость города. Оттуда должны быть удалены все невежественные, грубые и пожилые люди. Однако надо, чтобы несколько магистратов присутствовали при играх молодежи, побуждая к скромности и стыдливости (Ramus 1557: 19r.)

Таким образом и аббатство, и университет отказываются от своих прав на спорную территорию, превращая ее в публичное пространство, «философскую площадь» или «философское место». Однако, пользоваться им должны по преимуществу студенты. Рамус, указывая на рост населения Парижа и на увеличение числа студентов, считает, что Пре-о-Клер теперь не может вмещать всех студентов, поэтому нужно создать «рекреационные» зоны у южных ворот Сен-Жак и Сен-Мишель и у восточных ворот — Сен Виктор. Рамус старательно расписывает, на каком лугу какие коллегии должны будут отдыхать. То, что эти земли принадлежат аббатствам (бенедиктинцам Сен-Жермен, монастырю картузианцев и общине уставных каноников Сен-Виктор), не останавливает реформатора, поскольку «некогда короли и горожане даровали эти земли обителям, нужно, чтобы теперь монахи, следуя добродетели своих основоположников, вернули часть полученных благ». Таким образом вокруг кварталов Левого берега пролегал бы сплошной зеленый пояс, столь необходимый для философской жизни (Ramus 1557: 18 v.).

В зеленых зонах надлежит создать много фонтанов. Вода превосходного качества будет поступать для них с Кламарских высот, как это было во времена Юлиана Отступника, протянувшего оттуда к Лютеции акведуки, каналы и подземные трубы, которые частично сохранились и по сей день. Эта же вода будет снабжать фонтаны, расположенные на перекрестках Университетского квартала.

> В итоге мы бы имели более здоровое питание, воду для питья и для готовки, кроме того, мостовые поддерживались бы в чистоте, и таким образом воздух, которым мы дышим, стал бы лучше и приятнее (Ramus 1557: 13r–14v.).

> Здесь будет королевское поле, очищенное от мусора, отданное для отдыха молодежи, это будет философское место, посвященное всяким упражнениям в благородстве и благопристойности, оно будет как Марсово поле, некогда существовавшее в Риме; а для нас оно станет настоящими Елисейскими полями, о которых так изящно писал поэт, обращаясь к счастливым людям (Ramus 1557: 14 r.).

Далее Рамус приводит стих из «Энеиды» Вергилия, описывающий Элизиум — счастливое место пребывания умерших героев.

Философский пейзаж понимается Рамусом как пространство молодости, свободы, публичности и здоровья, достигаемое за счет чистой воды и свежего воздуха в сочетании с зеленью лугов и сенью деревьев. Античные реминисценции этого плана вполне очевидны: среди источников вдохновения — Платон, Аристотель, Витрувий, итальянские гуманисты, прежде всего, Альберти. В идеальном городе Альберти «к числу общественных сооружений относятся места для прогулок, где молодежь занималась игрой в мяч, прыжками и фехтованием, отцы же подкрепляли себя прогулкой, ибо их присутствие отвращало молодежь от всякого беспутства и шалости, свойственной резвой юности» (Альберти 1935: 295).

В описанной Франсуа Рабле Телемской обители, этой общине философов, особая роль отводилась отличной, благоухающей воде, наполнявшей бассейн для плавания, поступавшей в трехъярусные бани и бьющей из фонтанов:

> У реки был разбит для прогулок красивый парк, там помещались манежи для игры в мяч, росли всевозможные плодовые деревья, рассаженные по косым линиям (Рабле 1966: 159).

Другой старший современник Рамуса, Рауль Спифам, автор проектов преобразований в области правосудия, удивлял историков способностью предвидеть многое из того, что будет реализовано в будущем. Вот и в данном случае — за год до событий 1557 г. в своей книге он посвящает пассаж Пре-о-Клер, предложив сделать этот луг королевским достоянием,

открыть его для молодежи, которая занималась бы там физическими упражнениями, играми, а заодно училась бы военному делу (Spifame 1556: CCXLI, fol. 306v–307r).

Как бы то ни было, после 1557 г. застройка луга была приостановлена. Генрих II создал комиссию по реформе университета, в которую вошел Рамус и другие королевские лекторы. Вскоре король погиб на турнире, но философ продолжал размышлять над проектом реформы и даже опубликовал рассуждение на эту тему (Ramus 1562). Однако начавшиеся Религиозные войны надолго отложили вопрос о преобразованиях в университете, а во время Варфоломеевской ночи погиб и сам Рамус.

К идее университетской реформы правительство вернулось только после окончания войн в 1598 году. Некоторые идеи Рамуса и его единомышленников были реализованы (усилена роль королевских лекторов и публичных лекций). Но о рекреационных зонах больше не вспоминали. Окрепший абсолютизм уже не опасался сопротивления университетской корпорации и студентов. Пре-о-Клер начинает интенсивно застраиваться. Генрих IV способствовал тому, что значительная часть территории луга была передана его бывшей жене Маргарите Валуа. Планы начала XVII в. обозначают, что на примыкающей к реке части луга располагались «дворец королевы Маргариты» и «сад королевы», протянувшийся параллельно Сене. Впрочем, начиная с 1630-х годов ни дворца, ни садов на планах уже не было (после смерти Маргариты Валуа остались огромные долги, и по настоянию кредиторов ее земли были распроданы). Тем временем застройка этого района шла полных ходом, и на планах города о былой университетской зоне отдыха студентов напоминали лишь названия новых улиц: «улица Сорбонны» — с 1672 г. (Rochefort 1672) и «улица Университета» — с 1705 г. (Fer 1705). Топоним «Пре-о-Клер» сохранялся до конца XVII в., но относился лишь к крайней оконечности Луга клириков.

Вторая жена Генриха IV Мария Медичи оказалась более успешной в насаждении садов. Подражая Парку делла Кашино, разбитому в ее родной Флоренции еще в 1563 г., она, став королевой Франции, решила устроить королевский проме-

над, заложив аллеи вдоль правого берега Сены, которые на рубеже XVII–XVIII вв. получат прозвище «Елисейских полей». На Левом берегу Мария Медичи построила дворец и разбила большой парк близ монастыря Картузианцев у ворот Сен-Мишель, именно там, где намеривался устроить южную рекреационную зону Рамус. Словно прислушавшись к его советам, архитекторы Марии Медичи восстановили римскую систему акведуков и подземных труб для питания водой фонтанов нового парка (Baudoin-Matuszek 1991: 238–240).

Сплошного зеленого пояса «философских площадей», о котором говорил Рамус, не получилось. Но, странное дело — через век-полтора после публикации его проекта ландшафт Парижа пополнился парковыми зонами, напоминающими те, о которых говорил королевский лектор. К востоку от аббатства Сен-Виктор возник королевский сад (ныне «сад растений» — *Jardin de plantes*), гордость французских ботаников и медиков. Его можно считать проекцией естественнонаучной составляющей Университета. Неслучайно в этом районе находится ныне Жюссьё — кампус университета Пьера и Мари Кюри, названный в честь знаменитого ботаника XVII в. Антуана-Лорана Жюссьё, а также Музей естественной истории.

Военно-спортивная и гражданская составляющая планов Рамуса и Спифама реализовалась в западной части Парижа, где логическим продолжением бывшего «Луга клириков» и «Луга Сен-Жермен» станут эспланада отеля Инвалидов, а позже и Марсово поле — места военных упражнений, смотров, состязаний и воспитания гражданских чувств.

Что же касается собственно философской части плана 1557 г., то ее воплощением можно считать парк регулярной планировки, который Мария Медичи основала у ворот Сен-Мишель, потеснив монахов-картузианцев. Это — Люксембургский сад, в котором вот уже третий век подряд прогуливаются между деревьями и фонтанами лицеисты, студенты и профессора. К счастью, вопреки предписаниям Рамуса, туда пускают не только учащуюся молодежь, но — всех парижан и гостей города, даже если они достигли преклонного возраста.

БИБЛИОГРАФИЯ

Альберти Л.- Б. Десять книг о зодчестве / Пер. В.П. Зубова. М., 1935.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. П. Любимова. М., 1966 .

Baudoin-Matuszek M.-N. Un palais pour une reine mere // Marie de Médicis et le Palais du Luxembourg. Paris, 1991. P. 238–240.

Du Boulay C.-E. Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1673. Vol. 6.

Fer N. de — Электронный ресурс [режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Plans_de_Paris#/media/Fichier:Plan_de_Paris_1705_BNF07710700.png, дата обращения — 20.10.2019].

Ramus P. Advertissement sur la reformation de l'Université au Roy. Paris, 1562.

Ramus P. Harangue de Pierre de La Ramée, touchant ce qu'ont faict les deputez de l'Université de Paris envers le Roy, mise de latin en françois. Paris, 1557.

Rochefort J. de — Электронный ресурс [режим доступа: https://fr.wikipedia.or/wiki/Plans_de_Paris#/media/Fichier:1672_Plan_de_Jouvin_de_Rochefort.jpg, дата обращения — 20.10.2019].

Spifame R. Dicaearchiae Henrici regis christianissimi progymnasmata Paris, 1556.

А.А. Фролов

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

ЛАНДШАФТ ГЛАЗАМИ УПРАВЛЕНЦА

В разные столетия представление о подвластной территории могло по-разному конструироваться в сознании тех, кто ею «управлял», — в зависимости от того, в чем заключалось это управление (простой сбор дани, реализация права «проезжего суда», регулярное взаимодействие центра и периферии для решения вопросов, связанных с землевладением, сбором налогов, судебными разбирательствами и т.д.). Но до второй половины XV в. исторические источники, позволяющие судить об этих конструкциях, фрагментарны. Только писцовые книги дают некий срез, характеризующий сумму знаний, которыми обладали писцы и представители администрации о подконтрольной территории. До конца XV в. Новгородская земля, например, представлялась им, по всей видимости, как совокупность из десятка городских и нескольких тысяч сельских пунктов — центров округи, которая как таковая находилась вне поля интересов этой администрации.

Радикальные изменения в землевладении и социальной структуре Новгородской земли после ее завоевания московским великим князем в 1478 г. (создание московским правительством класса помещиков, получавших землю на условиях службы, переход к налогообложению по земле) расширили кругозор «государственного человека» — предметом учета стало население и хозяйство конкретных деревень (в основном однодворных), сгруппированных по церковным приходам — погостам. Это нашло отражение в писцовых книгах, однако с писцовыми материалами, насыщенными статисти-

ческими данными, трудно работать как с источником для реконструкции «картины мира», лежавшей в основе принятия управленческих решений в Новгороде.

Гораздо лучше для моделирования такой ментальной конструкции подходит так называемая «Роспись погостов» (далее — *РП*), найденная еще два века назад (Болховитинов 1808; Неволин 1853: 383–391; Голубцов 1950: 271–302) в списке начала XVIII века. Современные исследования свидетельствуют, что *РП* была составлена в середине XVI в. (между началом 1540-х гг. и серединой 1560-х гг., с наибольшей вероятностью между 1544 и 1551 гг.), а перечень сельских центров Новгородской земли, погостов, приведен в ней в том же порядке, в каком они находились в оглавлениях писцовых книг новгородских пятин начала 1540-х гг. (Фролов 2009: 97–104; Фролов 2010: 185–198). Основная же задача данного перечня погостов заключалась в том, чтобы охарактеризовать удаленность каждого из них от административного центра всего региона — Новгорода. Последняя охарактеризована в верстах (как правило, это число, округленное до 10). Особенности расчета этих расстояний приводят к выводу, что *РП* использовалась в Новгородской приказной избе в качестве справочника для расчета стоимости проезда в любую точку подведомственной территории.

Представление о географии территории настолько тесно ассоциируется у современного человека с географической картой, что естественным кажется сравнить историко-географические данные того или иного источника с доступной для нас картой и судить о его точности по характеру обнаруженных расхождений. Но для человека середины XVI в. такого эталона не существовало, так что вербальное описание не только отражало, но и само формировало его представление о территории. Количественные характеристики *РП* по сути выполняют ту же функцию, что и математическая подоснова на современной карте. Задача заключается в том, чтобы научиться читать ее и интерпретировать.

Приведенные в *РП* цифры расстояний позволяют с помощью геоинформационных технологий визуализировать «административный рельеф» Новгородской земли середины

XVI в. в виде анаморфированной карты, которая адекватно передает географическое положение всех локализованных 378 пунктов, но передает удаленность от Новгорода по данным *РП* посредством высотной отметки. При создании этой модели самой высокой точкой стал Новгород. Чем дальше от него *РП* помещает тот или иной погост, тем меньшую высотную отметку он имеет на анаморфированной карте. Ниже всего располагаются погосты, удаленные на 700 верст, — их отметка -700. Интерполяция по точкам позволила визуализировать «административный рельеф» и в виде традиционного типа карты с горизонталями, а также в виде трехмерной модели.

БИБЛИОГРАФИЯ

Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. М., 1950. Т. 20: Историческая география СССР. С. 271–302.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853 (Записки Имп. русского географического общества. Кн. VIII).

Фролов А.А. Географическая информация «Росписи погостов» как инструмент для ее источниковедческой характеристики // Очерки феодальной России. М.; СПб, 2009. Вып. 13. С. 97–104.

Фролов А.А. К вопросу об источниках «Выписи из новгородских изгонных книг» и их датировке // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 185–198.

К.С. Худин

ЛАНДШАФТ ПАРИЖА В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА»

Книга «Триумфальная арка», по мнению Э.М. Ремарка, «похожа на полную отчаяния некую автобиографию последних лет» (Ремарк 2018: 152) — в ней отразились сложные отношения между писателем и его возлюбленной, актрисой Марлен Дитрих. Произведение было создано Ремарком в сложный и для него, и для мира, переломный период: с 1938 по 1945 год. Действие романа начинается в Париже 11 ноября 1938 года (в годовщину Компьенского перемирия 1918 года) и заканчивается в конце августа 1939 г. (вступлением Франции в войну).

В XX веке этот роман воспринимали исключительно с позиций реализма и антифашизма (см., например: Книпович 1971; Харитонов 1982; Николаева 1983), в XXI веке его символическая составляющая вышла на первый план. «Триумфальная арка» рассматривалась как эсхатологический роман (Поршнева 2006) с античными и ветхозаветными аллюзиями (Поршнева 2015) и другой символикой (Похаленков 2011; Поршнева 2014: 156–164; Поршнева 2015а; Безверхая 2018).

А.С. Поршнева причисляет «эмигрантов» к группе «мертвых» героев (Поршнева 2010: 72), существование которых тесно связано с «подземным миром». Рассматривая образ «подземного мира» в романе, Поршнева отмечает реку Сена, на мосту через которую встречаются главные герои (Поршнева 2006: 389), и обеденный зал в отеле для эмигрантов «Энтернасьональ» (*International*), который носит название «катакомба» (Поршнева 2010: 72). Главным порталом в мир

«мертвых» Ремарк описывает фигуру Триумфальной арки на площади Звезды (сейчас — площадь Де Голля), «высившейся вдалеке подобно гигантским вратам Аида» (Ремарк 1994: 12; Поршнева 2015: 187). Триумфальная арка является важным топосом повествования. Она становится не только границей, за которой происходят трансформации героев (Поршнева 2014: 80), но и центром притяжения сюжетного пространства.

Никто из исследователей творчества Э.М. Ремарка не обращал внимания на то, где именно в Париже разворачивается действие романа и каков ландшафт того «подземного», потустороннего мира, в котором обитают герои Ремарка. Между тем, действие романа происходит в западной части Парижа, что представляется нам не случайным, так как с глубокой древности с западной стороной горизонта ассоциируется загробный мир. Даже если царство мертвых мыслилось как подземное, вход в него все равно локализовался где-то на западе (Подосинов 1999: 577–580). Мы полагаем, что и в романе «Триумфальная арка» «запад» является маркером потустороннего, загробного мира.

Если нанести перемещения литературных героев на карту реального Парижа, станет очевидно, что «территория» романа весьма ограничена и формируется скрещением двух сюжетно-пространственных линий.

Первая линия («любовная») проходит с юга на север: от моста Альма (где состоялась первая встреча героя романа немецкого эмигранта Равика с приехавшей в Париж актрисой Жоан Маду) через проспект Марсо, площадь с Триумфальной аркой, проспект Ваграм к площади Терн (возле которой живет Равик в отеле «Энтернасьональ»). Чуть северо-восточнее, в районе Монмартра находится кабаре «Шехерезада» (*Scheherazade*), где служит швейцаром русский эмигрант первой волны Борис Морозов и куда устраивается работать певицей Жоан Маду. Это реальное заведение в Париже, которое посещал писатель (Ремарк 2018: 293, 294, 342).

Вторая линия («героическая»), воплощенная противостоянием Равика и гестаповца Хааке, проходит с востока на запад. Впервые герои встречаются на углу проспекта Георга V и проспекта Елисейских полей возле кафе «Фуке», где

часто бывал сам Ремарк (Ремарк 2018: 223, 230, 232–233, 236, 249, 253). Равик везет Хааке на машине в сторону Булонского леса на западе Парижа, пересекая первую сюжетно-пространственную линию. В этом лесу противоборство заканчивается убийством Хааке, а закапывает тело Равик еще западнее, в 20 километрах от города, в Сен-Жерменском лесу. Место смерти Хааке, таким образом, становится многократно усиленным «западом».

Триумфальная арка — не единственный портал в загробный мир. Можно обнаружить еще, как минимум, два: парижское метро и «Озирис» (*Osiris*) — «большой, солидный публичный дом с огромным баром в египетском стиле» (Ремарк 1994: 18). Мир «мертвых» в «Триумфальной арке» выглядит амбивалентно: он также способен защищать и воскрешать.

Описывая метро, автор прибегает к мифологическим аллюзиям: «Начинался день, и толпы торопливых парижан устремлялись к метро, точно к глубокой пропасти, куда бросаешься, чтобы принести себя в жертву некоему сумрачному божеству» (Ремарк 1994: 21). В метро можно спрятаться, исчезнуть — именно такой вариант убийства Хааке Равик первоначально себе представлял: «Пристрелил бы его на улице и скрылся в метро» (Ремарк 1994: 313).

Фигура Осириса (Озириса) в мировой культуре, в свою очередь, является двойственной. По преданию, Осирис был царем в Египте. Он был коварно убит, а затем воскрес и стал править в царстве мертвых. Его культ также связан с идеей плодородия и схож с культом греческого Диониса — бога виноделия. Фаллическая символика в обрядах культа Осириса, равно как и винопитие соотносится с темой борделя. Кроме того, эти культы связаны с архетипом «умирающего и воскресающего бога», получившие мощное развитие в христианстве (Фрэзер 1983: 339, 340, 344, 363).

Публичный дом не является в романе сосредоточением порока и зла. Он дает посетителям новые силы, возрождает их. Воплощение этой идеи мы находим в мыслях Равика: «Жизнь — нечто большее, чем свод сентиментальных заповедей. Лавинь (владелец парижского ресторана «Тулузский негр». — *К. Х.*), узнав о смерти жены, провел ночь в публич-

ном доме. Проститутки спасли его, а с попами ему было бы худо» (Ремарк 1994: 26).

В 1940-е годы и позднее Ремарк увлекался древнеегипетским искусством (Ремарк 2018: 91, 131, 330), потому выбор этой темы не случаен. Название борделя не только подчеркивает «египетский стиль» заведения, но и отсылает к топосу загробного мира — египетская мифология локализует мир мертвых на западе (Мюллер: 27, 102, 105–106).

Равик встречает Хааке возле «Озириса», сажает в машину, отвозит в Булонский лес и убивает. Спустившись в самую глубокую (самую западную) часть этого мира, Равик не только совершает убийство Хааке, но и освобождает томящуюся там душу своей невинно-убиенной жены, смерть которой теперь отомщена (Поршнева 2015: 189–190): «Смерть Хааке сорвала застывшую маску смерти с лица Сибиллы — на мгновение оно ожило и затем стало расплываться. Теперь Сибилла обретет покой, теперь ее образ уйдет в прошлое и никогда больше не вернется» (Ремарк 1994: 393). Эта месть в каком-то смысле освобождает и самого Равика, который такой же тенью живет в Париже на нелегальном положении, невидимый для всех. Если смерть — это утрата имени (Поршнева 2010: 72), то его обретение — это возрождение. Называя в конце книги свое настоящее имя — Людвиг Фрезенбург, Равик (как Озирис) получает новую жизнь. Под этим именем герой отправляется в лагерь для интернированных, а затем появляется в США в романах Ремарка «Земля обетованная» и «Тени в раю» (Поршнева 2014: 157).

Итак, тема загробного мира и конца света, многократно усиливается в романе темой «запада», которая неразрывно связана с парижским ландшафтом романа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Безверхая И.В. Основные компоненты концепта «Любовь» в романе “Arc de Triomphe” Э.М. Ремарка // Языкознание. Восточнославянская филология. 2018. Вып. 6 (32). С. 124–128.

Книпович Е.Ф. Послесловие к роману Э.М. Ремарка «Тени в раю» // Иностранная литература. 1971. № 12. С. 179–182.

Мюллер М. Египетская мифология / Пер. с англ. Г.В. Бажановой. М., 2006.

Николаева Т.С. Творчество Ремарка-антифашиста. Саратов, 1983.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Поршнева А.С. «Триумфальная арка» Э.М. Ремарка как эсхатологический роман // Дергачевские чтения — 2004. Екатеринбург, 2006. С. 388–391.

Поршнева А.С. Символика смерти в творчестве Э.М. Ремарка // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 5. С. 71–74.

Поршнева А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн). Екатеринбург, 2014.

Поршнева А.С. Античные и ветхозаветные аллюзии в немецком эмигрантском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 185–192.

Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2 (46). С. 314–325.

Похаленков О.Е. Концепт «враг» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // Немецкоязычное духовное наследие в мировой культуре. Иваново, 2011. С. 139–144.

Ремарк Э.М. Триумфальная арка / Пер. с нем. Б. Кремнева и И. Шрайбера. Алматы, 1994.

Ремарк Э.М. Я жизнью жил пьянящей и прекрасной… [письма, дневники, стихотворения] / Пер. с нем. В. Куприянова и А. Анваер. М., 2018.

Харитонов М. Герой Ремарка в поисках опоры // *Ремарк Э.М.* Триумфальная арка / Пер. с нем. Б. Кремнева и И. Шрайбера. М., 1982. С. 3–10.

Remarque E.M. Arc de Triomphe. Köln, 1988.

А.С. Худяев

САКРАЛЬНОЕ ВНУТРИ И ВНЕ ПРОСТРАНСТВА

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СВЯЩЕННОГО В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*

Если согласиться с тем, что религия (миф) является исторически первичной формой космизации (Бергер 2019: 39) и глобального концептирования (Мелетинский 2012: 147) действительности, а религиозный опыт даже для современного человека может оставаться той «призмой», сквозь которую тот постигает и воображает окружающее его пространство, то значимая роль в разработке междисциплинарной проблемы исторической динамики геокультурных образов должна быть признана за религиоведческими исследованиями.

Помимо очевидной связи, которую с основной темой настоящей конференции обнаруживает исторический раздел науки о религии, определенный эвристический потенциал может быть усмотрен и в ее феноменологическом направлении, ключевой интерес представителей которого, как известно, сконцентрирован на проблеме священного (сакрального). В русле геокультурных исследований эта проблема закономерно представляется как вопрос о соотношении категорий пространства и сакрального в пределах религиозной картины мира. В еще более конкретном виде она связывается с изучением различных типов локализации священного, которая, в свою очередь, является не чем иным, как установлением той самой «точки отчета», выступающей, согласно М. Элиаде, главным упорядочивающим элементом в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Архангельской области (проект № 18-411-290004 р_а).

генезисе образов сакрального пространства (Элиаде 1994: 23). При этом типологию локализации священного можно представить не только в виде инвариантной синхронической модели, но и гипотетически реконструировать в форме диахронической (линейной) последовательности, отмеченной моментами как эволюционных, так и революционных изменений.

Описание этой последовательности следует начать с ключевого водораздела в истории развития религиозных представлений, который связан с переходом от так называемого локативного типа мировоззрения к утопическому (Smith 1993; Замятин 2014). В первом случае речь идет преимущественно об архаических обществах, в которых формы манифестации сакрального сохраняют за собой конкретную пространственную локализованность, настолько очевидную, насколько очевидным может быть ритуальное использование многообразных форм простейшего дейктического жеста (пространственная ориентация жертвенного животного, тела усопшего и т.д.) в этих культурах. Такие формы, будучи элементарным выражением отношения религиозного субъекта к сакральному объекту, в то же время представляют собой индекс, самым непосредственным образом свидетельствующий о метонимической связи человека и священного (о нахождении их в пределах единого пространственного континуума). Утопический тип, напротив, связан с более поздними религиозными традициями, которые, обогатившись философским наследием античности, на уровне элитарного теологического дискурса (теперь уже выраженного не мотивированными пространственной смежностью знаковыми средствами естественного языка) трансцендируют абсолютно значимый сакральный центр за пределы каких-либо спациальных структур.

Выделение двух названных типов может стать объектом дополнительного углубляющего эту схему комментария.

При ближайшем рассмотрении стремление архаических культур размещать наиболее значимые для религиозного сознания «точки отсчета» в пределах спациального измерения обнаруживает за собой неоднородный характер, связанный с конкретной эволюционной тенденцией в развитии пространственных представлений. Эта тенденция в целом

характеризуется как «расширение пространственных расстояний между субъектом и объектом» мышления (Ахундов 1982: 28–29). Такое расширение находит свое отражение уже в диахронической классифиации религиозных систем, содержащейся в работах Г.Ф. Гегеля. В частности, речь здесь идет о том, что на определенном этапе (переход от «первого» ко «второму колдовству») сакральные центры выносятся за пределы тех областей, в которых человек может иметь над ними какую-либо физическую власть (Гегель 2007: 329). Важным отражением этой тенденции становится появление вертикальных моделей устроения мира, которые, по мнению некоторых исследователей, формируются позднее горизонтальных космологических структур (Прокофьева 1976: 113).

Сравнительное исследование различных вариантов пространственной локализации священного в известных этнографии архаических культурах относительно недавнего прошлого позволяет говорить о трех подтипах, которые будучи выделенными по критерию наличия или отсутствия потенциальной возможности физического контакта между субъектом и объектом религиозного отношения, связываются с тремя разномасштабными видами расстояний: топографическим, географическим и космологическим. О первом из них следует говорить в том случае, если субъект и объект находятся в рамках одного небольшого локуса, а возможность контакта между ними может быть выражена словосочетанием «здесь и сейчас». Второй подтип вместо сиюминутного соприкосновения предполагает необходимость длительного движения к объекту в пределах относительно крупной территории. Наконец, космологический масштаб полностью исключает возможность предельного сближения. Он связан с теми вариантами, где священное локализуется в ключевых областях горизонта (стороны света), верхнем или нижнем слоях воображаемого космоса.

Объекты религиозного опыта на локативном этапе могут иметь как чувственно-конкретный (фетишизм), так и чисто воображаемый (анимизм, политеизм и т.д.) характер. Однако, независимо от этого, их неизменным свойством всегда остается наличие определенной пространственной позиции. Иным образом дело обстоит с теми глобальными религиоз-

ными проектами, в которых абсолютно значимый священный центр принципиально исключается из сферы пространственных отношении. Достаточно конкретные указания на это могут быть найдены в текстах христианской (Аврелий 2014: 27, 119), исламской (Элиаде 2012: 86) и буддийской (Торчинов 1998: 60) религиозных традиций. При этом, несмотря на явное господство утопического принципа на уровне элитарного теологичесого дискурса, эти традиции не могут в полной степени игнорировать спациальное измерение на уровне культа и народной религиозности. Локативность здесь не только сохраняется как таковая, но зачастую воплощается в прямом заимствовании предшествующей структуры сакрального ландшафта, где храмы новых религий возводятся на месте разрушенных языческих капищ. С одной стороны, такие факты могут стать объектом утилитарно-исторической интерпретации, в рамках которой они понимаются как сознательный компромисс, необходимый для реализации новыми учениями своих прозелитических устремлений (Фрэзер 2011: 381). С другой стороны, нельзя забывать и о фундаментальном философско-антропологическом смысле пространственного опыта, который, будучи «родимым лоном», в котором изначально складываются все первомодусы религиозного мышления (Топоров 1995: 4), всегда остается тем фактором, который человек, исходя из фундаментальных оснований своего бытия, игнорировать не может.

Диалектическое единство утопического и локативного порой становится предметом специального богословского осмысления, в частности как вопрос о Боге, пространстве и воплощении (Торранс 2010). В современной христианской теологии священное пространство и составляющие его объекты рассматриваются как «икона для видящих духовным взором», как «окно в Вечный мир, которое служит посредником Божественного в земных формах» (Кристиансен 1997: 8). Близкой по смыслу представляется предложенная М. Элиаде концепция «архаической онтологии» (разделяющая священное как абсолютно подлинную реальность и иерофанию как отдельную форму проявления этой реальности) (Элиаде 1994: 22–24). Известный религиовед, вероятно, поспешно распростра-

няет эту концепцию не только на поздние, но и на архаические религиозные системы. Однако при отсутствии объективно-идеалистического взгляда на священное в ранних традициях в самой логике развития локативного этапа, основанной на отдалении сакрального от человека и исключении его из сферы чувственного опыта, могут быть усмотрены предпосылки к утопическому повороту в истории развития религиозных представлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аврелий А. Исповедь. СПб., 2014.

Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М., 2019.

Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2т. М., 2007. Т. 1.

Замятин Д.Н. Сакральная география: Пространство и место в онтологических моделях воображения // Заповедные этнокультурные ландшафты Арктики и Евразии / Сост. и науч. ред. У.А. Винокурова. Якутск, 2014. С. 4–23.

Кристиансен Р.Е. Сакральное пространство (теология места и сакрального пространства в русско-норвежском контексте) // Свеча-97: Сборник методологических и методических материалов по религиоведению и культурологии / Ред.-сост. Е.И. Аринин. Архангельск, 1997. С. 4–23.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2012.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л., 1976. С. 106–128.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Торранс Т.Ф. Пространство, время и воплощение. М., 2010.

Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 2011.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации. М., 2012.

Smith J.Z. Map is Not Territory: Studies in the History of Religions. Chicago; London, 1993.

А.С. Щавелев

СТРУКТУРА ЛАНДШАФТА ПОЛИТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ ОПИСАНИЙ ПРОСТРАНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI – НАЧАЛА XII ВЕКА

Пространственно-географические, ландшафтные и пейзажные элементы в ранней древнерусской литературе неоднократно были предметом разных исследований (И.Н. Данилевский, А.С. Демин, А.Е. Елеонская, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Е.А. Мельникова, Б.Л. Никитин, А.Б. Никольский, А.М. Ранчин, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, А.Н. Ужанков, А.А. Шайкин). Почти во всех этих работах основное внимание уделялось вопросу, насколько описания географического пространства и природных ландшафтов были запрограммированы христианским мировоззрением и рудиментами архаического (мифологического) сознания древнерусских авторов? Исследователей интересовали прежде всего «ментальные карты» книжников (Мельникова 2010).

Действительно, в нарративах древнерусских текстов второй половины XI – начала XII в. были «прошиты» универсальные для средневекового христианского (и при этом пост-языческого) мировоззрения идеи *сакральности* (святости) и *греховности* (нечистоты), *свойскости* и *чуждости* тех или иных территорий или локусов (Демин 1998; Ранчин 2007; Данилевский 2019). Однако выводить *все особенности* «географо-ландшафтного» дискурса этих текстов только из комплекса идей «христианской топографии» с рудиментами «пост-языческой» мифологии было бы столь же просто и

прямолинейно, как считать их сугубо реалистическими описаниями географического пространства.

Главной особенностью описания первыми древнерусскими книжниками пространства «своей земли» — Руси — был его «точечно-векторный» характер (Демин 1998: 611). У древнерусских авторов не было внятного представления ни о непрерывной протяженности Руси как единой связанной территории, ни о ее линейных границах, ни о регулярной системе маркировки ее культурно-политического ландшафта. Вся территория Руси описывалась как совокупность дискретных «точек»: городов, сел, веж, монастырей. В этих описаниях территории Руси функционально не различались естественно-географические и рукотворно-культурные локусы (см. о слабой выраженности антитезы «природное vs культурное» в «Повести временных лет»: Ранчин 2007: 138–146). Общности людей маркировались древнерусскими авторами либо по городу (*кияне* в Киеве, *новгородцы* в Новгороде и др.), либо по общему естественно-географическому объекту (*бужане* — на р. Буг; *семичи* — на р. Сейм, *древляне* — в лесах, *кривичи* — в Оковском лесу т.п.). Соединялись все эти дискретные точки водными или сухопутными путями, по которым персонажи древнерусской литературы мгновенно перемещались от локуса к локусу. Как корпускулярные автаркии, противопоставленные остальному миру, описываются и все древнерусские монастыри (см. о пространстве Киево-Печерского монастыря: Топоров 1995: 625–641; Ранчин 2007: 194–201).

Эти древнерусские описания территории политии Рюриковичей (Руси) в первое столетие распространения христианства и окончательной стабилизации власти династии Рюриковичей (987–1125 гг.), при всех их символических контекстах, удивительно точно соответствуют современным политико-антропологическим реконструкциям ее геополитической структуры. Полития Рюриковичей конца X – начала XII в., судя по внешним описаниям и археологическим источникам, состояла из локальных территориальных анклавов, центрами которых были города. Ее территория состояла из разномасштабных городов, которые были своего рода соци-

альными «атомами», к которым были присоединены поселения-спутники, создававшие локальную поселенческую «молекулу» (Тимощук 1995; Куза 1996). Эти «молекулы» гнезд поселений были соединены линиями водных или сухопутных путей, фактически только они исполняли для Руси интегрирующие и коммуникационные функции (о роли путей, см: Коновалова, Мельникова 2018). Князья Рюриковичи постоянно передвигались между этими анклавами. Их власть охватывала только ту территорию, которую могли регулярно посещать лично они сами или их агенты. Точно также дискретной была структура церковной организации: за пределами городского храма или вынесенного за городские стены монастыря кончалось не просто сакральное пространство, там зачастую почти сразу кончалось пространство христианизированное. Замкнутость храма или монастыря была следствием не только идеологии дистанцирования от мирской жизни, но следствием того, что социальное поле христианской религиозности вне культового здания сразу слабело, а вне города вообще почти сразу исчезало. Иными словами, инфраструктура власти князей, их агентов и церковных иерархов в конце X – начале XII в. состояла из изолированных анклавов и не была тотально-территориальной. Общности людей вне городов были плотно интегрированы в естественно-географический ландшафт, занимая компактные территории. Характерно, что значительная часть таких «негородских» общностей конца X – начала XII в. была названа по самой удобной коммуникационной линии — по гидронимам (Щавелев 2015; 2017).

Современные «учебные» и «научные» карты Руси XI – начала XII в., на которых Русь представлена как огромная территория с четкими границами, залитая одним цветом, являются ярким примером диспозитивного завышения уровня ее централизации с целью преувеличения представлений о сложности ее инфраструктурной и политической организации. Причем, эти карты перформативно влияют не только на общественное сознание, но и на научные выводы. Древнерусские тексты второй половины XI – начала XII в. гораздо правильней передают сущность дисперсно-сегментарной

структуры политии Рюриковичей, чем современные учебники и монографии, где она представлена как современное государство с политическими границами и регулярным поселенческим заполнением очерченного ими пространства.

В качестве примеров коротко рассмотрим истории перемещения трех персонажей древнерусской литературы, информация о которых была почерпнута из их собственных рассказов и из показаний очевидцев событий.

История жизни игумена Печерского монастыря Феодосия († 3 мая 1074 г.) известна по его «Житию» монаха Нестора, «Повести временных лет» и главам «Киево-Печерского патерика». Эти тексты, согласно прямым указаниям авторов, базируются на рассказах его самого, его родственников и сподвижников-монахов. Как показал В.Н. Топоров, пространство в нарративе об игумене Феодосии в его житии состоит из нескольких дискретных локаций — города Василев, Курск, Киев и, наконец, «пещера» принявшего его в монастырь монаха Антония (Топоров 1995: 625–638). У каждого из этих центров имеются сопутствующие топографические ориентиры: «иной город» около Курска, села, поля, монастыри и др. Между локациями передвигаются только агенты князя (отец Феодосия по княжескому приказанию переезжает из Василева в Курск), странники (идут в Святую землю), купцы и сам Феодосий в качестве «изгоя», порвавшего со своей социальной группой дружинников, а также его мать, которая ищет сына и пытается «возвращать» его обратно в «свою» локацию в Курск. Большинство остальных персонажей четко привязаны к определенной пространственной точке, перемещения между которыми редки, затруднены и являются экстраординарным событием. Тексты о молодости игумена Феодосия прекрасно показывают статичность древнерусских социумов и партикуляризм каждой поселенческой «молекулы» (город и его окружение) в середине XI века.

Рассказ воеводы Яня Вышатича († июнь 1106 г.) о его борьбе с волхвами во время сбора дани в Поволжье, включенный в «Повесть временных лет», был записан летописцем с его собственных слов. Сборщик дани Янь почти постоянно находится в городе Белоозеро, его единственная вылазка из

города в лес не имеет особого успеха. Янь практически не передвигается по территории вне города, занимаясь шантажом и рэкетом обитателей Белоозера и других местных жителей. Судя по рассказу, складывается впечатление, что за пределами города Белоозера у воеводы Яня вообще нет никакой легитимной власти, о чем, кстати, хорошо осведомлены его противники-волхвы, легко двигающиеся и ориентирующиеся на местности. Захватив в плен этих местных волхвов около г. Белоозера, Янь решается санкционировать их казнь только в устье р. Шексны, то есть отдалившись почти на 400 км от места, где они были захвачены. Рассказ Яня описывает три локации — г. Белоозеро, где он собирает дань, остановка в устье реки Шексны и его место базирования (Ростов или Ярославль). Далее пределов городов Ростова, Ярославля и Белоозера ни власть агента князя Святослава Ярославича Яня Вышатича, ни власть церковников не простирается.

Князь Владимир Всеволодович Мономах († 19 мая 1125 г.) в своем «Поучении» рассказывал как он «тружалъ, пути дѣя…». Князь Владимир насчитал восемьдесят три своих «великих походов», не считая «меньших» примерно за пятьдесят лет своей жизни. Он долго перечисляет в качестве ориентиров походов города (Ростов, Смоленск, Берестье, Переяславль Южный, Владимир-Волынский и др.) и гораздо реже элементы ландшафта (река Десна, Чешский лес). Перечисления построены практически по одной схеме — старт из своего города, достижение места назначения и действие, ради которого поход был задуман. Целями походов были войны, переговоры, сбор и транспортировка дани, охрана территорий и т.п. Перечень перемещений князя Владимира Всеволодовича в полной мере отражает исключительную мобильность древнерусского князя второй половины XI в., который был в прямом смысле *wander König*. Судя по «Поучению» князь бы правителем территории в той мере, в какой он мог ее достигнуть и быстро по ней переместиться.

Мгновенные перемещения с одного места действия в другое всех трех героев, игумена Феодосия Печерского, воеводы Яна Вышатича и князя Владимира Всеволодовича в текстах

обусловлены тем, что на всем протяженности их путей просто отсутствуют ориентиры, которыми герои-рассказчики могли поделиться с их слушателями-авторами, а те — с читателями записанных версий их историй. Феодосий Печерский покидает Курск только с проводниками, сначала, со странниками, потом, вслед каравану купцов. Очевидно, что без проводников даже он, с его редким упорством, не рисковал покидать Курск, где ему родственники не давали стать монахом. Янь Вышатич все время двигается вдоль рек, от одного опорного пункта княжеской администрации к другому, единственная попытка зайти в лес сразу кончается гибелью попа из его отряда. Князь Владимир Мономах мог сказать о пути к Ростову только то, что он шел сквозь территорию, где обитали вятичи. Про другие пути такая сопутствующая информация им чаще всего и не указывается.

«*Векторно-точечная*» (город — путь — локус назначения) *модель описания Руси* и соседних территорий, функциональная *идентичность естественно-географических и рукотворно-поселенческих локусов* на воображаемых картах местностей, *мгновенные перемещения из точки в точку* персонажей и их *хаотическое движение без учета оптимальной траектории* в древнерусских текстах были прямым отражением зачаточного состояния поселенческой, властной и религиозной инфраструктуры политии Рюриковичей, которая в них описывалась. Архаичные элементы нарратива в ранних древнерусских описаниях пространства Руси были обусловлены не только и не столько архаичным сознанием их авторов, сколько примитивно-архаичным состоянием инфраструктуры патримония рода Рюриковичей, который в течение XI в. только проходил стадию трансформации из конгломерата разнотипных политий и общностей с разной идентичностью в *типичное раннее государство* (Крадин 2012).

БИБЛИОГРАФИЯ

Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб., 2019.

Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.

Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийский коммуникаций IX–X веков. М., 2018.

Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2012. С. 211–239.

Куза А.В. Древнерусские городища X – XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Памяти И.С. Чичурова / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 318–344.

Ранчин А.М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007.

Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1996. Т. I: Первый век христианства на Руси.

Тимощук Б.А. Восточные славяне: От общины к городам. М., 1995.

Щавелев А.С. Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования / Ред. А.И. Филюшкин, Д.Е. Алимов, А.С. Щавелев. 2015. № 2 (18). С. 99–133.

Щавелев А.С. К интерпретации древнерусских летописных известий о славянских общностях Восточной Европы // Восточная Европа в древности и средневековье: Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2017 г. Материалы конференции. М., 2017. С. 259–267.

Л.И. Щеголева

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ЕГО РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

ТАВРИЯ И КРЫМ В ПЬЕСЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»

«Культурный ландшафт» — понятие гуманитарной географии, которое применяется для описания широкого круга явлений, связанных с освоением географического пространства и изменением природного ландшафта в результате человеческой деятельности (Замятин 2006: 10, 180–183, 277, прим. 68; Калуцков 2008: 66–77; Каганский 2009: 62–70; Замятин 2010: 126–138; Лавренова 2010: 45–65). Приемы и методы гуманитарной географии плодотворно используются при анализе художественных текстов, в том числе в булгаковедении (Петровский 2001; Яблоков 2004: 41–52; Казьмина 2019 и др.).

Для булгаковской поэтики характерно совмещение в одном сюжете нескольких хронотопов, включающих культурные коды разных эпох (Яблоков 2004: 41). В пьесе «Бег» архетипический сюжет «путешествия» (Бахтин 1975: 248, 271) строго привязан к реальному историческому времени и географическим координатам. Началом пути служит Петербург, дающий импульс движению героев, но остающийся «за скобками» сценического действия. Важность этого топонима видна из того, что он девятикратно повторяется в первом «сне». Конечная точка пути — Константинополь, своего рода «двойник» Петербурга, также столица погибшей империи, носящая другое имя. Действие первых четырех «снов» охватывает отрезок пути от не названного по имени монастыря «где-то в Северной Таврии» до Севастополя — конечной точки империи, «где обрывается Россия». Место действия последних четырех «снов» — Константинополь и Париж. Хро-

нологическая «многослойность» создается за счет отсылок к иным культурным ландшафтам в тексте и авторских ремарках.

Местоимение «где-то» в авторской ремарке к первому «сну», не должно вводить в заблуждение. Место действия обозначено точно: в исторической области Северная Таврия, включавшей в себя три уезда (Днепровский, Мелитопольский и Бердянский), был только один монастырь — Корсунский, летом и осенью 1920 г. служивший ареной кровопролитных боев и много раз переходивший из рук в руки (Слащов-Крымский 1990: 106–110, 160–167, 175–176). Монастырь был основан в 1787 г. в рамках проекта генерал-губернатора Таврической области князя Г.А. Потемкина по освоению вновь присоединенных земель (Денисов 1908: 789; Виленский, Навроцкий, Шалюгин 1995: 100–101; Макидонов 2008: 61–62). Этот локус напоминает нам об эпохе, когда завоевывалась Северная Таврия и Крым. Еще одним напоминанием служит топоним Карасу-Базар (Матвеенко 2015: 169–170), от которого автор образовал «странный» титул «архиепископ Карасу-базарский» (Новикова, Абрамова 2015: 101; Никольский, Кравцов 2017: 70). Это древний торговый город на р. Карасу, на старом караванном пути от Крымского перешейка в Кафу и Сурож, в XVIII в. — один из наиболее крупных и процветающих городов Крыма. В истории его название осталось благодаря тому, что в 1772 г. здесь был подписан договор о переходе Крымского ханства под покровительство России — Карасубазарский трактат. В 1783 г. на горе Ак-Кая вблизи Карасу-Базара крымская знать принесла присягу князю Г.А. Потемкину на верность Российской империи. Третий «мостик» — Корсунская икона Божией Матери, в честь которой получил название монастырь. Это название было дано не случайно: одним из основных идеологических аргументов в пользу присоединения Крыма, выдвинутых Г.А. Потемкиным перед Екатериной II, был исторический долг по возвращению древней Корсуни (Лупанова 2008: 202), откуда князь Владимир, по преданию, вывез в числе других реликвий Корсунскую богородичную икону (Шалина 2015: 169). Связующим звеном между эпохами является также происхождение генерал-майора Чарноты «из запорож-

цев», упомянутое в авторской ремарке к первому «сну». Оно отсылает к тем временам, когда степи Северной Таврии были пограничной зоной между Запорожской Сечью и Крымским ханством, и о ликвидации Запорожской Сечи Екатериной после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Если перенести в этот ландшафт вектор «бега» героев, то он совпадет (с обратным знаком) с вектором российской экспансии в этом же направлении, сопровождавшейся присоединением Таврии и Крыма и распространением на них православия. Начальной точкой экспансии будет являться Петербург, целью и потенциальной конечной точкой — Константинополь, откуда было получено православие через Корсунь, а ключевые события будут разворачиваться там же, где происходит действие пьесы.

Если продвинуться еще дальше вглубь веков, то мы увидим древний христианский Крым, на карте которого вместо Севастополя — конечного рубежа в гибельном путешествии героев, появится Корсунь, теперь уже начальный пункт распространения христианства на Руси, а место Карасу-Базара займет его тезка «Харасий на так называемой Черной Воде», древний центр Готской митрополии, где, согласно Житию Стефана Сурожского, произошло чудесное исцеление «благочестивой царицы по имени Анна», которую предание отождествляет с женой князя Владимира, сестрой византийского императора Василия II (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017: 521–523). На этой карте конечная точка пути — Константинополь будет занимать свое изначальное место столицы могущественной византийской империи, центра управления крымскими епархиями, источника и импульса распространения христианства.

Французская речь в пятом «сне» пьесы напоминает нам о том, что остатки армии Врангеля прибыли в Константинополь при помощи Франции и находились там под ее покровительством (Утургаури 2013: 45–52 и др.). Жалкое состояние русского воинства подчеркивается шутовским появлением в Париже «запорожца» Чарноты в кальсонах. Какой контраст с победами «громкого» XVIII века, упомянутыми в стихотворении В.А. Жуковского, из которого взят эпиграф пьесы:

Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.

Итак, подведем итоги. В отличие от Жуковского, воспевшего в своем патриотическом стихотворении военное и нравственное превосходство России на вершине ее могущества:

О! будь же, русский бог, нам щит!
Прострешь твою десницу —
И мститель-гром твой раздробит
Коня и колесницу, —

автор «Бега» волею судеб стал свидетелем краха империи. Подобно русским летописцам, с помощью системы отсылок и аллюзий «вставлявшим» события в библейскую парадигму (Данилевский 2004: 142–183), он помещает действие пьесы в контекст иных эпох, где Таврия и Крым связаны со славными страницами русской истории. Некогда могущественная империя, устремленная на Восток, оплот и защита православия, «сворачивается» в том же направлении, в котором она некогда разворачивалась. После бегства героев пьесы монастырь в Северной Таврии будет закрыт. Взойдя на борт в Севастополе, персонажи «Бега» навсегда потеряют свою социальную идентичность. Петербург, ко времени действия пьесы давно лишившийся своего имени (Петровский 2001: 107), но в первом «сне» еще реальный, в последнем «сне» окончательно превратится в миф об «утраченном рае» (Казмина 2009: 13). Крушение Российской империи повлекло за собой закрытие «греческого проекта». 16 марта 1921 года в Москве был подписан «договор о дружбе и братстве» между РСФСР и вновь образованной на руинах Османской империи Турцией. С трехтысячелетней греческой цивилизацией в Малой Азии было покончено. Герои, бежавшие из Петербурга в Константинополь, оказались в ловушке между Петроградом и Стамбулом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь, 1995.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.

Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126–138.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: Основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.

Казьмина О.А. Драматургический сюжет М.А. Булгакова: Пространство и время в пьесах «Зойкина квартира», «Бег», «Блаженство». Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

Казьмина О.А. Крымский текст в пьесе Михаила Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М., 2010.

Лупанова М.Е. «Греческий проект» Екатерины Великой // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 29 (65). С. 198–207.

Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008.

Матвеенко В.А. Крымские сны Михаила Булгакова: о некоторых аспектах пьесы «Бег» // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 154–180.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): Вопросы истории и археологии. М., 2017.

Никольский Е.В., Кравцов А.Н. Отражение репрессий времен Гражданской войны и установления советской власти в Крыму в русской литературе 20-х годов XX века // ART LOGOS. 2017. № 2 (2). С. 60–79.

Новикова М.А., Абрамова Е.Ю. Символика исхода в русской литературе XX в. (на материале пьесы М. Булгакова «Бег») // Вопросы русской литературы. 2015. № 2 (32). С. 97–106.

Петровский М.С. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990.

Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре. 1919–1929. М., 2013.

Шалина И.А. Корсунская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 169–188.

Яблоков Е.А. Пространство Михаила Булгакова // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. 2004. Вып. 1. С. 41–52.

В.Г. Щукин

ПОЭТОСФЕРА ГОРОДА

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ ЕЕ ПАРАМЕТРОВ

1. Объем и содержание понятия «морфология поэтосферы города».

1.1. Средства поэтики позволяют художнику слова создать поэтосферу — совокупность сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания (Топоров 1991: 200–201).

1.2. Иерархические ряды и более сложные структурные уровни поэтически значимых элементов в совокупности образуют феномен морфологии.

1.3. Поэтосфера города морфологична по своему характеру (Żyłko 1997: 22–39). Морфологию городской среды можно и нужно изучать как морфологию поэтосферы — пропущенную сквозь призму писательского воображения и читательского восприятия.

2. Аспекты описания общих параметров и отдельных элементов городской поэтосферы (на материале литературных текстов XIX–XX вв.).

2.1. Город как единое целое.

Поэтическое воображение рассматривает город как единое целое учитывая как горизонтальную — малый, тесный, уютный ↔ большой, просторный, открытый всем ветрам (Лотман 1992: I, 433), так и вертикальную — приземистый, банальный, светский ↔ сакрально-профанический, уходящий башнями к небу, а подвалами к преисподней (Манн 2007: 495–496). Поэтосфера целокупной городской среды порож-

дает важные метафоры: пол города — чаще женский, ассоциируя город с материнским началом (Jung 1938: 200–201) или именуя его девой или блудницей (Топоров 1994: 245–259). Город может также метафорически сравниваться с животным (собакой, кошкой, птицей, спрутом, кротом, а также драконом или другим чудовищем). Его часто сравнивают и с лабиринтом: город-лабиринт — метафора гетерогенного общества. Наконец, город предстает в воображении как целый макрокосм — упорядоченное и обжитое, относительно безопасное место (Степанов 1997: 96–106).

2.2. Границы города.

Вход или въезд в город традиционно оформлялся семантически — как конец пустоты и хаоса или как пересечение границы опасной зоны. Важными элементами поэтосферы в этом смысле становятся городские ворота, заставы, вокзалы, порты или аэропорты, реже — городские стены (Фрейденберг 1978: 491–531).

2.3. Границы в городе.

Эпический или лирический герой, живя в городе, нередко пересекает разного рода пороги в широком смысле слова, попадая в иное ситуационное, смысловое и эстетико-поэтическое пространство. В роли таких порогов выступают реки и каналы (а следовательно, мосты и набережные), подворотни, подъезды, входные двери домов и квартир, лестничные клетки, балконы и окна (Топоров 1995: 206–207).

2.4. Мифопоэтическая топография современного большого города.

Художники слова обычно выделяют выразительные городские центры и противопоставляют их лишенным парадности окраинам и пригородам (Спивак 2004: 245–250). Последние могут иметь как элитарный (дачные местности), так и эгалитарно-пролетарский характер. Важную роль играет семантическое ядро города, не всегда располагающееся в самом центре, но претендующее на право быть метонимией главной ландшафтной сущности города, его *genius loci*. Другими смыслообразующими элементами городской топографии являются: рыночная площадь, проспекты, улицы, переулки,

оппозиция «мостовая ↔ тротуар», дворы, подземные коммуникации, а также разного рода углы, то есть укромные места.

2.5. Поэтически значимые вертикальные элементы.

К ним относятся как природные составляющие ландшафта (возвышенные места, скалы, обрывы, овраги), так и постройки: храмы, башни, памятники, особо выделяющиеся высокие дома, трубы, стены и т.п. Высокой поэтической валентностью обладают лестницы, лифты, балконы, крыши и чердаки (Топоров 1995: 197–205).

2.6. Строительно-технические аксессуары.

К ним относятся гидротехнические устройства (бассейны, фонтаны, колодцы, колонки), элементы освещения (уличные, передвижные и переносные фонари, свечи, иллюминация) как непременные атрибуты романтических и символистских текстов; обогревательные устройства (печи, жаровни, костры), средства передвижения, оборудованные остановки и павильоны, публичные туалеты. Близкими к этой категории элементов городской поэтосферы являются мелкие полезные предметы, то есть вещи, в том случае, если они представляют собой типичные атрибуты городской жинзи (например, дамские и хозяйственные сумки, портфели, зонты, инструменты уличных музыкантов, дворничьи метлы, лопаты и скребки).

2.7. Люди городских профессий.

Это городовые, дворники, вагоновожатые, водители автобусов и троллейбусов, машинисты метро, контролеры билетов, шарманщики, уличные торговцы, старьевщики, стекольщики, точильщики, сутенеры и проститутки. Наряду с ними «живыми» элементами городской поэтосферы являются дети, играющие во дворах и на улицах, а также торгующие и разносящие товары; причем мальчики и девочки выполняют разные поэтические функции и амплуа.

3.0. Социально-культурные локусы.

Это разного рода места и учреждения, обеспечивающие упорядоченное течение цивилизованной жизни и связанной с нею культурной деятельности. К ним относятся такие феномены, как храмы, дворцы, рестораны или кафе, гостиницы или постоялые дворы, тюрьмы, казармы, больницы, школы,

бани, клубы, магазины, промышленные предприятия, ремесленные мастерские (парихмахерские, прачечные, часовые, сапожные мастерские и т.п.), транспортные средства, вокзалы, театры, кинотеатры и, наконец, крематории и кладбища.

4.0. Непредметные составляющие городской поэтосферы. К ним относятся:

4.1. Четыре классические стихии.

4.2. Темпоральные параметры: времена года и связанные с ними состояния атмосферы, то есть погода; дни недели с особенным выделением будней и праздников (Топоров 1997a: 106–108).

4.3. Городская флора — сады, парки, отдельные деревья, трава, цветы (Топоров 1997b: 301–302) и городская фауна (кроме лошадей, собак и кошек, в нее входят птицы, мухи, бабочки, черви, мыши, крысы, клопы и тараканы).

4.4. Типично городские звуки, позволяющие писателю создать «звуковой пейзаж» (Топоров 1997a: 139, 162; Лапин 2007: 89–134): шум машин, крики торговцев, заводские гудки, карканье ворон, чириканье воробьев и воркование голубей, музыка и пение на улицах, ругань супругов и соседей и т.п.

4.5. Запахи города — от вони отхожих мест до аромата кондитерских (Вайнштейн 2003; Лапин 2007: 7–78).

ИСТОЧНИКИ

Белый Андрей (Бугаев Б.Н.). Петербург (1913).

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита (1940).

Бунин И.А. Чистый понедельник (1944).

Верхарн Э. Города-спруты (1895).

Гоголь Н.В. Нос (1833–1836). Невский портрет (1835). Записки сумасшедшего (1835). Портрет (1835). Ревизор (1836). Шинель (1842). Мертвые души (1842–1852).

Горький Максим (Пешков А.М.). Городок Окуров (1909).

Григорович Д.В. Петербургские шарманщики (1845).

Грин (Гриневский) А.С. Крысолов (1924).

Дон Аминадо (А.П. Шполянский). Русский запах снега (1927).

Достоевский Ф.М. Белые ночи (1847). Преступление и наказание (1866). Идиот (1869). Бесы (1871). Братья Карамазовы (1879).

Кожевников П. Рассказы (1910).

Лодж Д. Мир тесен (1984).

Манн Т. Смерть в Венеции (1912).

Марцинкявичус Ю. Стена (поэма города). (1965).

Набоков В.В. Приглашение на казнь (1935–1936).

Некрасов Н.А. Петербургские углы (1844). О погоде (1858–1865).

Пастернак Б.Л. Вокзал (1914). Детство Люверс (1918). На ранних поездах (1941). Доктор Живаго (1945–1955). Ночь (1957).

Сологуб (Тетерников) Ф.А. Мелкий бес (1902).

Сорокин В.Г. Очередь (1985).

Сю Э. Парижские тайны (1842–1843).

Трифонов Ю.В. Дом на набережной (1976). Время и место (1981).

Чехов А.П. Ночь на кладбище (1886). Тоска (1886). Ионыч (1898).

БИБЛИОГРАФИЯ

[*Вайнштейн О.Б.*] Ароматы и запахи в культуре / Сост. О.Б. Вайнштейн. М., 2003. Кн. 1–2.

Лапин В.В. Петербург. Запахи и звуки. СПб., 2007.

Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 413–447.

Манн Ю.В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007.

Спивак Р.С. Городская окраина в русской литературе конца XIX – XX вв. // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л.О. Зайонц; сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М., 2004. С. 545–560.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Топоров В.Н. Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991. С. 200–279.

Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *Топоров В.Н.* О мифопоэтическом пространстве / Lo spazio mitopoetico: Избранные статьи / Изд. подг. М. Евзлин и

Н. Михайлов. Genova, 1994. С. 245–259 (Studi slavi. Instituto di Lingua e Letteratura russa. Università degli studi di Pisa, 2).

Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 193–258.

Топоров В. Проза будней и поэзия праздника («Петербургские шарманщики» Григоровича) // Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est Europeo. 1997. Vol. XVI. No 2. P. 97–171.

Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: Образ утраченного счастья (страничка из истории русской поэзии) // Облик слова. Сборник статей. М., 1997. С. 290–318.

Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.

Jung C.G. Wandlungen und Symbole der Libido. Leipzig; Wien, 1938.

Żyłko B. Czytanie miasta // Tytuł [Gdańsk]. 1997. № 3–4. S. 22–39.

Е. А. Яблоков

«СТАНУ КАК ГОРОД МОСКВА»

АНТРОПОМОРФНЫЙ ОБРАЗ МОСКВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

Материалом доклада служат в основном три произведения, возникшие в течение 10 лет: первые две книги романа А. Белого «Москва» (1926), повесть Б.А. Пильняка «Иван Москва» (1927) и неоконченный роман А.П. Платонова «Счастливая Москва» (1935) — сходство заглавий неслучайно и показывает, что каждый из предыдущих текстов оказывал влияние на последующие. Сопоставление этих произведений показывает, что в них реализованы различные аспекты изображения города: Москва как локус / Москва как человеческое множество / Москва как отдельный человек, «персона» в физическом облике.

В романе Белого (где к тому же очевидны переклички с его романом «Петербург») Москва представлена как гротескное, хаотическое пространство — которое, однако, при внешней «диссоциированности», имеет сакральную, «софийную» сущность. Соответственно, вторжение демонического Мандро в московский локус обретает мистические коннотации; такой же подтекст имеет «всемирное» открытие профессора Коробкина, открывающее путь к атомной бомбе.

Характерно, что мотив добычи радия является сюжетообразующим в повести Пильняка. Образ Москвы здесь «раздвоен»: главный герой — Иван Москва, который по национальности зырянин. Его фамилия исконна для языка коми и не связана с «одноименным» городом. Тем не менее между

Москвой-человеком и Москвой-городом существуют «родственные» отношения.

В романе Платонова антропоним героини — Москва Ивановна — показывает, что она как бы дочь пильняковского персонажа. Получив имя по названию города, она не просто его двойник, но и физическое воплощение — «тело Москвы» мыслится и как «корпус» человека, и как материальное «воплощение» города. Образ Москвы Честновой — вариация мифологического типа «женщины-города» (в частности, традиционного образа «Москвы-матушки»). При этом существенно, что у Платонова (как и у Пильняка) присутствует тема Москвы как софийного всеединства, причем в романе она реализована через мотив любвеобильности, «вседоступности» героини. Череда отношений Москвы с мужчинами предстает как их попытки «слиться» с городом и с человечеством вообще. В этом проявляется характерное для Платонова «буквальное» понимание слова «коммунизм», присутствующее в ряде произведений писателя — в том числе в романе «Чевенгур», где Софья Александровна Мандрова («женщина-страна» с «софийным» именем и фамилией «дьявола» из романа Белого) в московском эпизоде типологически предвосхищает образ Москвы Ивановны Честновой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Глушкова Ирина Петровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН (Москва), iri_glu@hotmail.com

Головнёва Елена Валентиновна — доктор философских наук, профессор Кафедры культурологии и дизайна УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), golovneva.elena@gmail.com

Грибок Марина Владимировна — кандидат географических наук, научный сотрудник Географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), gribok.marina@gmail.com

Данилова Наталья Ксенофонтовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), dan_nataliksen@mail.ru

Джаксон Татьяна Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва), Tatjana.Jackson@gmail.com

Дискаччати Орнелла (Discacciati Ornella) — Phd. D., профессор русской литературы и языка в Университете Бергамо (Италия) / Associate Professor of Russian Literature and Language, University of Bergamo (Italy), ornella.discacciati@unibg.it

Замятин Дмитрий Николаевич — доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва), metageogr@mail.ru

Игнатьева Оксана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), ignatieva2007@rambler.ru

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), v.kalutskov@yandex.ru

Коновалова Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва), irina_konovalova@mail.ru

Кропотов Сергей Леонидович — доктор философских наук, профессор Кафедры философии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург), kropotovi@yahoo.com

Купцова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Кафедры литературно-художественной критики и публицистики Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), okouptsova@yandex.ru

Лавренова Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела культурологии ИНИОН РАН (Москва), olgalavr@mail.ru

Лескинен Мария Войттовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), marles70@mail.ru

Лысенко Олег Владиславович — кандидат социологических наук, проректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь), oleg-lysenko@yandex.ru

де Ля Фортель Анастасия — профессор русской литературы и страноведения, заведующая кафедрой славистики Лозаннского университета (Швейцария), anastassia.forquenotdelafortelle@unil.ch

Мари Эмилио — PhD., научный сотрудник Университета международных исследований в Риме / Ricercatore (RTDa) in Slavistica Università degli Studi Internazionali di Roma Facoltà di Interpretariato e Traduzione (Италия), emilio.mari@unint.eu

Мартишина Наталья Ивановна — доктор философских наук, зав. Кафедрой «Философия и культурология» Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск), nmartishina@yandex.ru

Медеуова Кульшат Агибаевна — доктор философских наук, профессор Кафедры философии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), mkulshat@gmail.com

Митин Иван Игоревич — кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ (Москва), gumgeo@gmail.com

Морозова Милена Максимовна — аспирант Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), ms.morozova@gmail.com

Подосинов Александр Васильевич — доктор исторических наук, зав. Кафедрой древних языков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), podossinov@mail.ru

Рожкова Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, зав. Лабораторией народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск), robin.55@mail.ru

Рябиков Вадим Вадимович — независимый исследователь (Москва), Sync8@mail.ru

Сидорова Светлана Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН (Москва), veta.sidorova@mail.ru

Смирнов Николай Александрович — художник, куратор современного искусства, независимый исследователь (Москва), geografsmirnoff@gmail.com

Созина Елена Константиновна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), elenasozina1@rambler.ru

Соколова Александра Александровна — доктор географических наук, Ресурсный центр дополнительного образования (Санкт-Петербург), falcones@list.ru

Степанов Борис Евгеньевич — кандидат культурологии, зам. директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ (Москва), bstepanov@hse.ru

Стрельникова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва), astrelnikova@hse.ru

Тыркова Татьяна Андреевна — сотрудник Музея Москвы (Москва), tatiana_tyrkova@mail.ru

Уваров Павел Юрьевич — чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник, зав. Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва), oupav@mail.ru

Фролов Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва), npkfrolov@gmail.com

Худин Кирилл Станиславович — младший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва), khudin1988@yandex.ru

Худяев Андрей Сергеевич — младший научный сотрудник Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск), a.s.khudiaev@gmail.com

Щавелев Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН (Москва), alexis-schavelev@mail.ru

Щеголева Людмила Игоревна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва), lisch@mail.ru

Щукин Василий Георгиевич — доктор филологических наук, ординарный профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша), wszczukin@yandex.com

Яблоков Евгений Александрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), eajablokov@gmail.com